

***СЕВЕРНЫЙ РЕГИОН:
НАУКА, ОБРАЗОВАНИЕ, КУЛЬТУРА***

НАУЧНЫЙ И КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ЖУРНАЛ

**№ 2 (20)
2009**

Сургут
Издательство СурГУ
2009

Издание зарегистрировано в Западно-Сибирском межрегиональном территориальном управлении Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций (г. Тюмень).
Свидетельство ПИ № 17-0414 от 15 апреля 2002 г.

Выходит два раза в год.

Учредитель и издатель

Сургутский государственный университет
Ханты-Мансийского автономного округа – Югры

Редакционный совет

Т.В. Волдина, Н.Л. Западнова, А.К. Карпов, В.М. Куриков,
Г.И. Назин (*председатель*),
Н.Я. Стрельцова, Я.С. Черняк, Л.А. Чистова

Редакционная коллегия

Г.А. Выдрина, И.П. Грехова, Ю.А. Дворяшин,
Т.Ю. Денисова (*ответственный редактор*), С.П. Малахов, М.Ю. Мартынов,
В.В. Мархинин (*главный редактор*), В.А. Острейковский,
В.И. Полищук, А.И. Прищепа, Я.Г. Солодкин,
О.И. Усминский, В.Н. Шевченко

Адрес редакции

А.А. Хадынской, СурГУ («Северный регион»),
ул. Энергетиков, 8,
г. Сургут Тюменской обл.,
628412

☎ 8-902-817-05-37

E-mail: sev_region@mail.ru

nreg@surgu.ru

www.surgu.ru/sev_reg.htm

Департамент образования и науки
Ханты-Мансийского автономного округа – Югры
Сургутский государственный университет ХМАО

СЕВЕРНЫЙ РЕГИОН: НАУКА, ОБРАЗОВАНИЕ, КУЛЬТУРА

Научный и культурно-просветительский журнал
Издается с 2000 г.

2009

№ 2 (20)

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции.....6

НАУКА: ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

А.Я. Кодинцев

Советский суд в 30-50-е годы XX века в трудах советских, российских и зарубежных ученых.....7

Д.В. Асеева

Административно-правовое воздействие: понятие и метод.....21

В.В. Нехайчик, В.К. Нехайчик

Административно-правовые проблемы содержания и понимания юридической конструкции «правовой статус».....28

А.А. Писцов

О системе органа управления муниципальной службой Российской Федерации в условиях административной реформы.....36

Е.Л. Налбандян

Процессуально-правовые акты как средство осуществления правотворческой процессуально-правовой политики.....43

Э.К. Зарипова

Эволюция органов государственного экологического управления.....51

А.А. Демко

Правовое регулирование труда на предприятии.....59

Н.А. Филиппова

Численность регионального парламента как конфликт «должного» и «сущего»64

Ю.Н. Стражевич

Понятие и значение презумпции действительности брака.....71

В.В. Кульчевский

Субъектный состав Российской Федерации и необходимость его оптимизации.....80

Н.А. Усольцева

Морская безопасность и безопасность мореплавания в нормативно-правовых актах Российской Федерации.....89

Н.И. Чарковская

Некоторые проблемы наделения органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями95

ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

С.А. Денисов

Клуб исторического моделирования: из опыта работы со студентами и школьниками.....101

А.А. Хадынская

Поэтика экфрасиса в ранней лирике Г. Иванова: опыт интерпретации сборника «Сады».....109

СОЦИАЛЬНЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ

М.Ю. Мартынов

Национализм и патриотизм в идеологии многонационального государства.....121

Я.Г. Солодкин

Ермак в историческом сознании русских сибиряков XVII века.....125

В.Д. Пузанов

Служилые люди Туринского острога.....132

Д.А. Топкаев

Включение мигрантов в региональный рынок труда: проблемы и перспективы (на примере г. Новокузнецка Кемеровской области).....140

И.М. Никифорова

Самоуправление коренных малочисленных народов Севера ХМАО-Югры: история и современность.....152

Э.К. Мантикова

Проектно изыскательские работы по строительству Сургутской ГРЭС – 1.....158

В.В. Рыкова, Е.И. Лукьянова

Сургутский район: наукометрический анализ документопотока социально-экономической тематики из БД собственной генерации ГПНТБ СО РАН.....163

URBI ET ORBI

А.А. Исаев

«Философия одного переулка». Комментарий в ритме интерлюдии.....169

В.В. Корнеев

Индивид и группа.....178

ПЕРЕВОДЫ

В.В. Мархинин (мл.)

Практичность и утопизм в политических идеях Бернарда Шоу.....193

Дж. Бернард Шоу

Переход к демократическому социализму.....197

Наши авторы.....202

От редакции

Дорогие друзья!

Очередной, 20-й номер нашего журнала выходит в непростое для всего университета время. Ушел из жизни человек, с чьим именем связано создание нашего вуза – Георгий Иванович Назин. Его научный и человеческий энтузиазм дал импульс многим изданиям в университете; благодаря его поддержке родился в 2000 году и журнал «Северный регион: наука, образование, культура». Искренняя заинтересованность Георгия Ивановича в настоящей научной жизни университета, его деятельность по созданию образа СурГУ как научного и культурного центра теперь нас ко многому обязывают. Нас уже знают за пределами округа, в журнале представлен широкий круг авторов из разных регионов России и зарубежья. Отраден тот факт, что мы имеем круг постоянных авторов, своих ученых-коллег, который регулярно пополняется.

Научная мысль не стоит на месте, и наше издание старается откликаться на все новые идеи. Мы призываем исследователей почаще знакомить нас с последними достижениями научной мысли, а наших читателей – активно реагировать на публикации, присылать отклики и пожелания, а также приветствуется переход из разряда читателей в «писатели».

В этом номере в рубрике «Наука» мы публикуем статьи из области «Юриспруденция», посвященные самым разным аспектам: трудовому праву, вопросам административного регулирования, правового статуса и др. Надеемся, что многие статьи будут полезны нашим читателям в целях повышения юридической грамотности, специалисты же смогут оценить круг вопросов, волнующих современную российскую юриспруденцию.

По-прежнему содержательны рубрики «Социальные и культурные процессы», «Проблемы образования», «Urbi et orbi», где вы найдете материалы самого широкого культурного спектра.

Также вас ждет премьера рубрики – «Переводы», где представлен впервые осуществленный перевод на русский язык статьи Бернарда Шоу. Благодаря стараниям нашего коллеги, кандидата философских наук, доцента кафедры политологии В.В. Мархинина (мл.) известный английский драматург показан в необычном ракурсе – как автор политических статей.

Мы заинтересованы в сотрудничестве, материалы принимаются редакцией постоянно по адресу: Сургут, ул. Энергетиков, 8, СурГУ, офис 121, редакция журнала «Северный регион», или по электронным адресам: sev_region@mail.ru и nreg@surgu.ru. На последней странице журнала вы можете ознакомиться с требованиями по оформлению статей, убедительно просим их придерживаться. Редакция вправе отклонять материалы без объяснения причин. Гонорары журнал не выплачивает, но каждый автор имеет право на три экземпляра со своей статьей.

С уважением,
редакция журнала «Северный регион: наука, образование, культура»

НАУКА: ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

А.Я. Козинцев

СОВЕТСКИЙ СУД В 30-50-Е ГОДЫ XX ВЕКА В ТРУДАХ СОВЕТСКИХ, РОССИЙСКИХ И ЗАРУБЕЖНЫХ УЧЕНЫХ

Суд является центральным органом юстиции, принимающим основные решения при реализации судебной власти. В связи с этим, анализ судебной системы, осуществления правосудия и управления судами представляется наиболее важным для понимания сущности юстиции. В данной статье рассматривается история и теория сталинской судебной системы, эволюция советского судостроительства. Автор, не претендуя на полноту, выбрал в качестве объекта исследования историографию сталинского судостроительства. Работа охватывает период 30-50-х годов XX века. Именно в это время сложилась и существовала модель советских органов юстиции, определенная по Положению о Наркомате Юстиции СССР 1936 года и Закону о судостроительстве СССР 1938 года. Модель просуществовала до 1956-1958 гг., когда в СССР началась новая судебная реформа. Обилие исследований по истории советских судов таково, что мы сознательно исключили из анализа интересные работы, посвященные истории советской юстиции вообще (В.М. Сырых, И.И. Олейник, В.Н. Кудрявцев и др.), истории деятельности судебных органов (правосудия) (Д.В. Бондаренко, А.Е. Епифанов, П. Соломон и др.), судебное управление (А.С. Смыкалин, А.И. Казаков и др.).

Советскую судебную систему при Сталине изучали современники, в том числе принимавшие непосредственное участие в ее создании. Подверженные политической конъюнктуре, они, как правило, подходили к оценке судебной системы и правосудия субъективно. В лучшем случае, исследователи просто описывали систему советского судостроительства с перечислением элементов судебной системы без всякого анализа [13, 20, 24, 25, 42, 50, 75, 92, 95].

Самую подробную и до сих пор непревзойденную работу по истории советского суда написал М.В. Кожевников. Ее первый вариант вышел в 1948 году и был очень сдержанным. Второй вариант вышел в 1957 году. Во втором издании Кожевников осторожно рассказал о некоторых проблемах, существовавших в сталинской юстиции. Ученый подробно проанализировал эволюцию структуры советского суда и органов юстиции за 40 лет, проследил, как изменялась компетенция этих органов, немного остановился на практике суда, тщательно рассмотрел систему управления органами юстиции, проанализировал степень участия судов в уголовно-правовых компаниях, рассказал о дискуссиях по системе органов юстиции, внимательно изучил основные НПА. Работа Кожевникова еще долго будет служить настольным пособием для всех желающих описать историю советского суда. Кожевников указывал на трудности, с которыми сталкивались суды и органы судебного управления, кратко остановился на взаимоотношениях между отдельными органами юстиции. И, тем не менее, ученый также допускал отдельные неточности. Так, в ряде случаев он приводил данные о росте кадрового состава работников юстиции или об уменьшении числа нарушений в судах не на основании архивных материалов и демон-

стрировал более благоприятную картину правосудия, чем та, что была на самом деле. Также Кожевников умолчал о жесткой борьбе за власть между высшими руководителями юстиции, охарактеризовав ее только как «ненормальные взаимоотношения». Период с 1941 по 1957 годы Кожевников рассмотрел поверхностно, все свелось к анализу нормативных актов и рассказам об отдельных политических процессах [46, 47].

В 30-50 годы выходили воспоминания советских юристов (А. Васнева, Г. Иванова, И. Неручева, В. Шалагинова) с описаниями прекрасной работы советского суда. Из них особый интерес представляет работа М. Гречухи (народный судья Москвы, «стахановка суда»). М. Гречуха подробно рассказала читателям о порядке работы суда и о типичных проблемах, встречающихся в судебной деятельности. Другие деятели советской юстиции (И.Т. Голяков, К.П. Горшенин, М.Н. Размадзе, И. Элькин), не анализируя сущность судебной системы, сосредоточились на изучении воспитательной роли советского суда. Изредка появлялись упоминания о правосудии, которое отождествлялось с судебной деятельностью [9, 16, 26, 27, 28, 39, 60, 72, 98, 104].

Эмигранты оценивали советское правосудие более негативно, чем зарубежные исследователи. Так, эмигранты насмехались над московскими «процессами» 1936-1938 гг. В 1938 году П. Гарви проанализировал характер судебной реформы в СССР. По его словам, новый закон о судостроительстве выглядел как шаг вперед в сравнении с Основами 1924 года, но на практике это было не так: не было никаких гарантий независимости суда. В 1940 году С. Шварц критиковал жестокость летних указов 1940 года и т.д. Также С. Шварц проанализировал дисциплинарную практику в отношении судей по актам 1940 года. В 40-е годы эмигрантские исследования советской судебной системы почти прекратились [22, 49, 101].

В 60-80-е гг. XX в. вышло много работ, посвященных судостроительству, судебной деятельности, правосудию, истории советских судов. Работники секции ВНИИСЗ внесли большой вклад в разработку проблемы судостроительства в СССР. Это Р.А. Лопухов, В.В. Васильев, В.Б. Алексеев, Л.В. Филатова, В.П. Кашепов, Л.Ф. Лесницкая, А.П.Сливко, А.А. Гравина, Л.С. Симкин, Т.Г. Моршакова и другие. В конечном счете, сотрудники секции ВНИИСЗ стали обосновывать судостроительство как самостоятельную отрасль права и предлагали принять Кодекс о судостроительстве. Своего рода итог истории советского судостроительства подвел А.С. Смыкалин. Он, в числе других, сформулировал основные понятия в сфере организации органов юстиции, расширил термин «судостроительство» [32, 77, 79, 87].

В 1965 году вышел сборник, посвященный 40-летию Верховного Суда (далее ВС) СССР. В нем, в том числе, была подробно проанализирована работа ВС СССР в 20-30-е годы XX века. Судьи указывали, что ВС СССР являлся в 30-е годы XX века основным органом судебного управления. В 1974 году вышел юбилейный сборник по истории ВС СССР. В сборнике была подробно проанализирована нормотворческая деятельность суда в 30-50-е годы XX века. Авторы сборника показали роль постановлений ВС СССР при проведении судебной политики. В 1984 году вышел юбилейный сборник по истории ВС СССР. В сборнике очень осторожно, но объективно оценивалась роль ВС СССР в годы сталинского режима, анализировалась эффективность работы суда. Авторы сборника напоминали, что ВС СССР являлся общесоюзным органом судебного управления в середине 30-х годов XX века. «Неудобные» темы (участие ВС СССР в массовых репрессиях, чистки состава ВС СССР) авторы сборника обошли стороной. В том же году вышла монография Н.Ф. Чистякова, посвященная ВС СССР. Исследователь проанализировал его

историю, остановился на отдельных недостатках судопроизводства. Он традиционно критиковал ВС СССР за то, что тот рассматривал много надзорных дел, минуя верховные суды республик и областные суды. Также Чистяковым была рассмотрена взаимосвязь с НКЮ (МЮ) СССР. Работу ВС СССР критиковала Т.Н. Добровольская. Исследователь не только осуждала ВС СССР за рассмотрение надзорных дел (кстати, это рассмотрение ВС СССР производил на основании закона), но и считала, что Пленум ВС СССР давал разъяснения и постановления без предварительного изучения судебной практики, а также выходил за рамки своей компетенции [5, 11, 12, 19, 33, 78, 97].

В 60-80-е гг. XX в. выходит много работ, посвященных истории республиканских судебных органов (при этом работа по истории судов РСФСР не была написана). Например, в Литве вышла диссертация А. Лякас по истории советских судов. В 1960 году была опубликована работа И.И. Мартинович «История суда в Белорусской ССР». Работа носила описательный характер. Автор, в основном, проанализировала НПА. В 1962 году вышла работа Э.Я. Стумбиной «Суд и прокуратура Латвийской ССР». Исследователь подробно описала систему органов юстиции Латвии и оценила их работу только положительно. В 1984-1985 гг. в эстонском журнале «Советское право» вышла серия статей, в которых исследователь В. Рaudсалу (бывший прокурорский работник), подробно исследовал историю органов юстиции Эстонии накануне и после войны. Исследователь подробно остановился на работе судов и прокуратуры, проанализировал судебную деятельность органов юстиции. Анализ материала увязывался автором с личными воспоминаниями. Работу советской юстиции он оценивал положительно [54, 55, 56, 73, 89].

М.И. Настюк в своем подробном исследовании раскрыл формирование, структуру, деятельность судебных органов, выборы судов Западной Украины в 1939-1941 гг. При этом автор не был свободен от исторически обусловленных штампов о прекрасной работе советского суда. Исследователю, соответственно, пришлось замалчивать роль суда как органа репрессии против населения, деятельность политической юстиции на Западной Украине, скрывать примеры грубых нарушений, допускаемых органами юстиции. Для этого он, как и большинство других исследователей, сосредоточился на относительно «безобидных» темах: выборах народных заседателей, рассмотрении судами алиментных дел и т.д. Бывший член ВС УССР Д.С. Сусло защитил в 1973 году диссертацию по истории органов правосудия УССР в 1918-1972 гг. Автор подробно проанализировал эволюцию структуры органов юстиции Украины и осветил их деятельность. Как мягко выражался Сусло, «классовая политика органов правосудия была правильной. Карательная политика не всегда выдержанная». Сусло подверг закон о судостроительстве СССР 1938 года критике за ограничение судебной власти: суды допускали частые ошибки, снизилось качество работы судов [59, 88].

В 1971 году вышла монография, посвященная суду в Киргизии. Она строилась по стандартной схеме. Следовало перечисление роста числа судей, структуры органов юстиции, описывались выборы народных судей. Работа судов оценивалась в ней положительно. Аналогичные работы были выполнены по истории судов Молдавии, Казахстана, Узбекистана, Азербайджана, Армении [33, 57, 63, 76, 91].

После упразднения советской власти проблема судостроительства, правосудия, судебной власти подвергается коренному пересмотру, поменялись все определения, связанные с судом.

Примером неудовлетворительного рассмотрения проблемы является работа В.П. Палченкова. Автор утверждает, что при написании диссертации использовал архивы

министерства юстиции (далее МЮ) и судов РФ, но нет ни одной ссылки на них. Автор считает, что «впервые проведено комплексное историко-теоретическое исследование судоустройства по судебной реформе РФ»(!?). В своей описательной работе Палченков рассматривает историю судов древнего, среднего и нового времени. Совершенно не представлены споры ученых по проблеме (теоретический аспект). При описании советской истории автор допускает массу ошибок. Так, он неправильно описал судебную систему по декрету о суде №2. Особое совещание ОГПУ (НКВД) было создано в 1924 году, а не в 1934-ом. В 2001 году, заявляя о необходимости передачи функций административного управления обеспечением судебной деятельности из МЮ в Судебный департамент, автор, очевидно, не знал, что это было сделано уже за несколько лет до этого. Также Палченков не смог сделать выводов по главам и в заключении [69].

В последние годы вышло значительное число работ по истории советского суда. В 1998 году была защищена одна из самых интересных работ по истории советского суда – труд И.Л. Лезова. Автор освятил первые два десятилетия становления советской судебной системы. Особенно много внимания он уделил дискуссии о системе и принципах советского судоустройства. Большой объем темы для кандидатской диссертации привел к тому, что автор использовал доступные ему источники лишь фрагментарно. Исследователь анализировал материалы прессы, публикации юристов-современников, некоторое количество архивных материалов. Он привел небесспорную хронологию советского суда. Так, по его мнению, ее можно разделить на 5 периодов: 1917-1918 гг. (первые попытки создания народных судов), 1918-1921 гг. (народный суд в годы гражданской войны), 1921-1926 гг. (суд в годы НЭПа), 1926-1932 гг. (переходный период), 1932-1940 гг. (период централизации судебной системы). То есть в основе классификации автором были положены разные критерии: структура судебных органов (1 и 5 периоды), общественно-политическая ситуация (2 и 3 периоды). Выделение же четвертого периода вообще невозможно объяснить. Отсутствие единого критерия (критериев) для деления делают такую схему очень сомнительной.

Автор подробно проанализировал столкновения точек зрения разных советских юристов по вопросу о будущем праве, рассмотрел дискуссию о кодексах в конце 20-х – начале 30-х годов. И.Л. Лезов также выявил деятельность комиссии ЦИК по судоустройству в 1935-1937 гг. и рассмотрел предложения граждан об изменении судебной системы. Также он изучил закон о судоустройстве СССР 1938 года. Далее исследователь выступил с возражением против преувеличения чрезмерной репрессивности судов в 30-е годы XX века. В доказательство того, что больших репрессий не было, он приводит применение закона от 7 августа 1932 года. С 1935 года начинается массовый пересмотр дел по этому НПА. В подтверждении точки зрения о снижении числа дел, рассматриваемых судами, И.Л. Лезов приводит данные по РСФСР за 1935 и первую половину 1936 года. Некорректность такого примера очевидно. Нельзя делать выводы о динамике преступности в 30-е годы на основании данных за полтора года! В течение 30-х годов в зависимости от конъюнктуры и уголовно-правовых кампаний, которые проводил Сталин, количество дел, рассматриваемых в судах, то росло, то снижалось. Если бы исследователь привел данные за 1940 год, когда число уголовных дел в судах выросло в 2-3 раза, то он, наверное, не был бы так поспешен в своих выводах. Всплески репрессий наблюдались в 1929-1933 гг., 1937-1938 гг. и 1940-1941 гг. Лезов снимает с судебных органов ответственность за проведение массовых репрессий! Такие выводы он делает как на основании статистических данных (неверных), так и на основании того, что основную массу политических

дел рассматривали структуры НКВД. Снимать с судов ответственность за участие в массовых репрессиях только потому, что они играли в этих репрессиях второстепенную роль, – очень странная позиция. О важной роли, которую в массовых репрессиях сыграли военные трибуналы и военная коллегия ВС СССР, и говорить не приходится. В доказательство того, что суды были, прежде всего, органом правосудия, Лезов приводит рост гражданских дел. При этом он не учитывает или просто не знает о том, что, во-первых, этот рост произошел после резкого падения гражданских дел в начале 30-х годов, когда были закрыты гражданские коллегии областных и верховных судов, а народные суды просто не принимали такие дела к рассмотрению. Во-вторых, рост произошел в основном за счет дел особого производства, большинство из которых относилось к искам государственных учреждений и предприятий. В-третьих, Лезов не знает, что исполнялось всего 5-10% судебных решений по гражданским делам [53].

В 2006 году О.Ю. Олейник защитил диссертацию по организационно-правовым основам системам Наркомюста РСФСР в 1929-1936 гг. В своей работе автор дал хорошую историографию истории советской юстиции 30-х годов. Он отметил, что подавляющее большинство исследований истории советских органов юстиции было посвящено гражданской войне и, отчасти, 20-м годам. А далее следовал «провал». Олейник привел многочисленные примеры вмешательства партийных органов в деятельность органов юстиции, определили степень политизированности правоохранительной системы.

Несмотря на чрезвычайно важные и интересные проблемы, поднятые исследователем с некоторыми его выводами нельзя согласиться. Так, он считает, что проблема организации судебной деятельности (судебное администрирование) остается практически неисследованной. Но это не так, существует множество работ на эту тему. Автор также соглашается с исследователем И.Л. Лезовым, предложившим теорию «падения репрессивной политики» советского государства в середине 30-х годов. Оба исследователя приводят данные падения репрессий только за часть 30-х годов XX века и только по общим судам СССР, без специальных судов. Можно отметить, что состав специальных судов и объем рассматриваемых ими дел постоянно рос. Они постепенно замещали общие суды. Одновременно О.Ю. Олейник, наоборот, указывает на некорректность выводов Лезова. Он отчасти соглашается с Лезовым в том, что карательная функция суда не была главной. По мнению О.Ю. Олейника, судьи уклонялись от давления государства не потому, что они обладали высокой правовой культурой, а исходя из нравственных критериев. Это «имело некоторый сдерживающий эффект». Не отрицая возможности моральных критериев судей, надо также выделить и другие факторы, влияющие на работников органов юстиции. Правосудие носило «компанийский» характер. Судья, выносящий неправосудный приговор, мог быть уверен в том, что его будут за него наказывать (так было после окончания кампании по постановлению ЦИК СССР от 07.08.1932 г., после кампании по указу от 26 июня 1940 года). Также многих из них раздражала нечеткость указаний, исходящих из центра. Сверху «сыпались» неопределенные и противоречивые указания, то упрощавшие, то восстанавливающие процесс и уголовное право. Естественно, судья стремился уклониться от вредных последствий. Может быть, судьей руководил страх за собственную жизнь, а не некий врожденный «гуманизм». Тем более, руководство юстиции стремилось подбирать в судьи лиц, отнюдь не отличающихся большой порядочностью, так как это препятствовало реализации планов сталинского режима [64].

Еще большей описательностью страдает работа К.А. Алакпарова. Материал автором рассматривается в традиционном русле, т.е. без анализа. Исследователь немного за-

трагивает дискуссию о судостроительстве в 1935-1936 гг. и в целом следует за И.Л. Лезовым. Описательной является работа С.А. Педана: автор использовал только несколько книг и статьи из Российской Юстиции и неясно описал судебную статистику. Так, он неизвестно почему говорит об увеличении количества контрреволюционных преступлений в 1939 году. «Двойки» и «тройки» НКВД он считает специальными судами и т.д. Такая же по стилю работа была опубликована В.И. Власовым. Совершенно невозможно понять, какова же в России была судебная власть. Автор поверхностно пересказал несколько нормативных актов, тем и ограничилась его «история».

В настоящее время вышло несколько интересных исследований: сборники «Судебная власть» под редакцией О.Е. Кутафина, В.М. Лебедева, «80 лет Верховного Суда РФ» и т.д. В 2002 году в Российской Юстиции вышла серия статей А.С. Смькалина, посвященная истории советской судебной системы в 1917-1956 гг. Исследователь подробно проанализировал структуру судебных органов СССР, деятельность общественных судов, участие судов в массовых репрессиях, судебное управление [2, 14, 52, 80, 81, 82].

В последние десятилетия история судов стала привлекать к себе большое внимание историков и юристов. Выходит много публикаций по истории судебных органов отдельных областей и республик. Среди них можно отметить работу А.П. Абрамовского по истории Челябинского областного суда. Автор подробно описал структуру суда и его деятельность, провел тщательный анализ. Интерес представляет книга В.М. Вдовенкова о судебной власти в Хабаровском крае. Автор не только подробно проанализировал эволюцию структуры судебных органов, но и выявил специфику дальневосточной юстиции [1, 10]. Деятельность самарских (куйбышевских) судов подробно проанализирована в коллективной монографии, вышедшей в 2005 году. Авторы разобрали историю Куйбышевского областного суда и народных судов области. Серия монографий И.И. Олейник связана с историей органов юстиции Ивановской области. Качество исследований этого автора очень высоко. Например, в монографии «Органы юстиции Верхневолжского региона в конце 1920-х – 1930-е гг.» автор подробно исследовал проблему участия судебно-прокурорских органов в массовых репрессиях. В 2004 году вышла монография Л. Павловой о деятельности судов на Урале в советский и досоветский период. Фактически работа посвящена региональным судам, располагавшимся в разное время в Свердловске. В том числе, рассматривается история Свердловского (Уральского) областного суда в советский период. Работа, в целом, имеет характер биографических очерков о членах суда [18, 65, 68]. Исследователь Е.В. Брыжинская, рассматривая историю мордовских судов, в 30-е годы XX века, выявила массовые факты уклонения судов от применения «драконовских» сталинских законов. Она подробно проанализировала судебную практику в тот период. Также она проследила основные реорганизации в судебной системе Мордовии, состояние кадров, качество работы судей и рассмотрела деятельность спецколлегии Главного Суда Мордовской АССР. Во многих работах по истории судов содержится информация по составам судов, выборам и т.д. Ряд работ содержат, главным образом, воспоминания судей. Поскольку не все авторы использовали архивы, в работах часто можно обнаружить фактические ошибки [7, 8, 38, 58, 70, 90, 94, 95, 100].

Также выходят труды по истории судов союзных республик. Среднеазиатские работы, как правило, не отличаются от работ советского периода. Истории 30-50-х годов в них отводится 5-10 страниц. Труды, выпущенные в Прибалтике и на Украине, наоборот, оценивают деятельность советских судов крайне отрицательно [21, 23, 93].

На Западе сформировалась группа исследователей, занимающихся историей советской юстиции, главное достоинство которых заключается в независимом и свободном подходе к анализу советской юриспруденции. Будучи скованными небольшим объемом доступного материала, они проработали его целиком. Полностью были проанализированы советские юридические публикации, воспоминания юристов-эмигрантов, доступные НПА. Как правило, зарубежные работы посвящены исследованию органов юстиции вообще. Первым исследователем советской юстиции стал американский ученый Берман. Джуливер в своей работе «Революция права и порядок» проанализировал основные факторы, толкавшие Сталина на проведение определенной уголовно-правовой политики. Также он выделил и проанализировал основные уголовно-правовые кампании, проводившиеся в СССР. В 1970 году вышла работа Самуэля Кучерова по истории и деятельности советских органов юстиции. До конца 90-х годов это была самая большая зарубежная работа по советской юстиции. Автор постарался охватить все сферы деятельности юстиции. Свое исследование Кучеров начал с анализа первых декретов о суде. Он рассмотрел чрезвычайную юстицию в годы гражданской войны, судебную реформу 1922 года. Далее он отдельно рассмотрел эволюцию судебной системы в годы коллективизации, накануне войны и в послевоенный период. С. Кучеров подробно рассмотрел систему арбитража, общественных судов. Работа ученого целиком основана на воспоминаниях, публикациях в юридической прессе. Доступа к архиву он не имел, что снижало качество его работы. Также выходили работы Соломона, Ван дер Берга, Ода и других авторов [105, 106, 107, 108, 110, 111, 112].

Наиболее значительным исследователем истории советской юстиции является П. Соломон. Ученый подробно рассмотрел различные аспекты реорганизации правосудия, деятельность органов юстиции, развитие юридического образования, политику государства в сфере правоохранительных органов и т.д. Автор кратко остановился на биографиях деятелей советской юстиции. Он проследил государственную политику законности и кампании, которые инициировал Сталин. 30-е годы были отмечены политикой централизации всех органов власти, в том числе и правоохранительных. В частности, он проанализировал ведомственную борьбу за передел полномочий. Изучая «схватку» Вышинского и Крыленко, канадский ученый упустил участие председателя ВС СССР А.Н. Винокурова в борьбе за власть. Именно председатель ВС СССР был главным проигравшим в противостоянии. Соломон рассмотрел перипетии борьбы: спор Крыленко и Вышинского, работу комиссии ЦИК СССР, чистку КСК СССР, создание Наркомюста СССР, эволюцию кадрового состава органов юстиции, процесс централизации органов юстиции, вмешательство партийных руководителей в отправление правосудия, конфликты между руководителями юстиции, процесс над судьями 1948-1949 гг. Особое внимание П. Соломон уделил вмешательству партийного руководства в проведение уголовно-правовых кампаний по указам ПВС СССР от 26.06.1940 года и от 04.07.1947 года. По мнению Соломона, Сталину удалось сформировать конформистский тип судебно-прокурорского работника, который послушно выполнял партийные директивы [84].

Особый интерес представляет история специальных судов СССР. Современники описывали, как правило, структуру военных трибуналов и редко их работу. С.А. Голунский и Д.С. Карев – ученые, работавшие в Военно-Юридической Академии, – подробно проанализировали структуру и механизм функционирования органов военной юстиции. Также они подробно рассмотрели компетенцию органов военной юстиции, их

состав, порядок комплектования, систему управления. Авторы монографии «Советское право в период Великой Отечественной войны» подробно проанализировали расширение компетенции военных трибуналов в годы войны. Также они показали милитаризацию правовой системы и раскрыли порядок судопроизводства в военный период. История спецсудов подробно была описана в монографии М.В. Кожевникова. Исследователь, главным образом описывал структуру судов и их компетенцию, не останавливаясь на практике их деятельности. В 1951 году начальник управления кодификации и систематизации МЮ СССР Д.С. Карев защитил докторскую диссертацию по военной юстиции СССР. Автор провел сравнительный анализ военной юстиции ряда стран. Его не критичная работа воспевала советскую военную юстицию [37, 43, 44, 47, 83, 85].

После 1956 года общий характер работ существенно не изменился. Работы выполняли, в основном, сами работники военных трибуналов и в исключительно восторженных тонах. Восторженные отзывы особенно относились к военному времени. Якобы военная прокуратура и трибуналы работали быстро, оперативно, безупречно и т.д. Какой-либо критический анализ отсутствовал. По сути, это не научные труды, а пропаганда справедливости военного правосудия. Первым по времени был сборник «Военные трибуналы – органы социалистического правосудия», вышедший в 1958 году. В нем особенно можно выделить статьи И. Мирошниченко и С. Максимова. Эти авторы достаточно подробно и обстоятельно описали компетенцию и деятельность военных трибуналов, приводили «убедительные» аргументы, но все это на поверку не соответствовало действительности. Так, И. Мирошниченко утверждал, что к участию в работе военных трибуналов с 1942 года привлекались народные заседатели. Формально так оно и было, но это правило никто не соблюдал. Также неверно утверждение о «бережном отношении к старым кадрам». Старых кадров в органах военной юстиции почти не было, как не было бережного отношения вообще. Нарком юстиции СССР Рычков очень часто смещал малоквалифицированных членов трибуналов, совершавших многочисленные нарушения. Признавая «отдельные факты нарушений», И. Мирошниченко «отметал подлую и злобную клевету наших врагов о том, что военные трибуналы являются органами расправы». С. Максимов (начальник УВТ МЮ СССР в 70-е годы), рассуждая о необходимости отмены кассационного обжалования приговора в начале войны, указывал, что это правило (по Положению от 22.06.1941 года) действовало только в прифронтовой полосе. Это неправда, секретными приказами это правило было распространено на всю страну. Также не соответствует действительности утверждение, что расстрел даже в условиях военного времени являлся крайней и исключительной мерой наказания. В таком же стиле изъяснялись авторы сборника «На страже советских законов», где военные прокуроры воспевали работу военной юстиции в годы войны. В 80-е годы Г.И. Загорский защитил диссертацию по работе военных трибуналов в годы войны. До сих пор эта работа засекречена. Если судить по статьям автора, она также состоит из восхвалений военной юстиции. Суды работали быстро, слаженно, качественно и т.д. [15, 29, 34, 35, 51, 66].

В очередной раз история военных судов была переписана из одних и тех же книг в «Очерках истории военных судов» (2003). Авторы продолжали писать хвалебные работы. Например, Р.В. Бабенко считает, что военные трибуналы «сурово карали, ... защищали нерушимость границ» и т.д. В то же время интерес к истории органов военной юстиции существенно вырос. В 1995 году состоялось обсуждение роли органов военной юстиции в годы войны. Стали выходить диссертации и исследования. В настоящее время выходят книги, в которых рассматриваются отдельные дела, прошедшие через трибуналы. Особый интерес

вызывает история военной коллегии ВС СССР. Появились первые объективные публикации по истории этого органа политической юстиции [4, 30, 36, 71, 86, 96, 109].

В настоящее время одним из лучших является исследование В.В. Обухова по истории военных трибуналов войск НКВД. В своем исследовании В.В. Обухов подробно проанализировал структуру, компетенцию и систему управления военными трибуналами НКВД накануне войны. В частности, он рассмотрел расширение сети и компетенции трибуналов, особенности судопроизводства, судебное управление. Обухов детально проследил эволюцию становления военных трибуналов войск НКВД в довоенный период. Ему удалось обнаружить интересные материалы о попытках создать Главный военный суд СССР в 1938 и 1941 годах и о противостоянии между Ульрихом, Вышинским и Рычковым по созданию этого судебного органа. Автор подробно остановился на роли военной коллегии ВС СССР и Наркомюста СССР в управлении трибуналами. Обухову довольно точно удалось определить карательный характер военных трибуналов. Он охарактеризовал все полномочия, которые имели трибуналы войск НКВД, подчеркнул особый (упрощенный) характер судопроизводства в трибуналах войск НКВД, что отличало его от других трибуналов. Исследователь вскрыл характер преступности среди сотрудников НКВД и НКГБ в предвоенный и военный период. Ученый самым подробным образом рассмотрел характер управления военными трибуналами в годы войны и проследил реорганизации кадрового состава военных трибуналов войск НКВД. Единственным недостатком работы является то, что автор рассмотрел уголовно-правовую кампанию по реализации указа ПВС СССР от 26.12.1941 года всего на нескольких страницах. Дела по этому указу достигали в общем объеме дел военных трибуналов войск НКВД 90% [61, 62].

Известно лишь небольшое количество исследований по истории транспортной юстиции СССР. В 30-40-е годы статьи по истории этих органов просто отсутствовали. В конце 40-х годов состоялась небольшая дискуссия по структуре транспортных правоохранительных органов [74, 102, 103]. Упоминание о создании системы транспортных судов содержится в диссертации О.Ю. Олейника и в работе М.В. Кожевникова. В последнее время публикуются статьи по репрессивной деятельности органов транспортной юстиции [45, 47, 48, 64]. Практически единственным автором, исследовавшим историю лагерной юстиции в СССР, является Г.М. Иванова. Автор подробно рассмотрела порядок формирования лагерных судов, их компетенцию, специфику функционирования, примеры приговоров, статистику преступности. В целом, работу лагерных («карманных судов НКВД») Иванова оценивала неудовлетворительно. По мнению Ивановой, лагерные суды не были органами правосудия в прямом смысле, а являлись элементом репрессивной системы [40, 41].

История советского судостроительства 30-50-х годов XX века может быть разделена на два периода: первый до начала 90-х годов и второй с 90-х годов и до наших дней. Большинство работ и первого, и второго периодов страдают описательностью. Исследователи, как правило, перечисляют элементы советского судостроительства, не изучают причин возникновения тех или иных элементов судебной системы, не рассматривают факторы, повлиявшие на их дальнейшие изменения. При этом советские исследователи детально описывают внешнюю сторону судебной системы, порядок выборов, функции правоохранительных органов. Постсоветские ученые смогли в более свободной форме излагать историю судостроительства СССР. При этом они фактически разделились на две части. Одна из групп исследователей по-прежнему придерживается точки зрения о том, что совет-

ский суд был хорошо организован и эффективно функционировал. Другая часть ученых считает, что советский суд был органом расправы. И те, и другие почти не используют архивные материалы, которые, собственно, и позволили ответить на данный вопрос. П. Соломон, В.В. Обухов, Г.М. Иванова и ряд других ученых, изучив массу архивных дел, пришли к более взвешенным выводам по вопросу о сущности советской судебной системы. Например, П. Соломон считал, что суд периодически использовался государством то в качестве органа законности (правосудия), то в качестве органа расправы. Суд был встроен в систему советских органов власти и действовал в зависимости от тех целей, которые преследовало государство.

История советского судоустройства при Сталине подробно изучена, природа советского суда исследована. Но это не означает, что не осталось малоизученных проблем. Относительно плохо исследована история советского процесса и особенно практика его применения. Совершенно недостаточно изучена история специальных судов СССР (военных, транспортных, лагерных). Эти и другие темы еще ждут своего исследователя.

Примечания

1. Абрамовский А.П. Челябинский областной суд. 70 лет. Люди, события, факты – Челябинск, 2004. – С.16-97.
2. Алакпаров К.А. Становление отечественного суда и формирование принципов судопроизводства: дис... канд. юр. Наук – М., 2005.
3. Амирханян Б.Х. Возникновения и развитие судебных органов Армянской ССР: дис... канд. юр. Наук – Ереван, 1949.
4. Бабенко Р.В. История становления и пути развития военных судов России / Р.В. Бабенко // История государства и права, 2007. – №10. – С.13.
5. Бородин С.В. Верховный суд союзной республики как орган надзора за деятельностью судов республики по рассмотрению уголовных дел: дис...канд. юр. наук – М., 1954.
6. Бородин С.В., Добровольская Т.Н. Верховный суд союзной республики – М., 1960.
7. Брыжинская Е.В. Формирование и развитие судебных органов Мордовии в 1917-1937 гг.: дис... канд. юр. наук – Н.Новгород, 2006. – С.174-213.
8. В храме правосудия: книга об истории судов г. Кургана и Курганской области. – Екатеринбург, 2004.
9. Васнев А. Народные суды столицы – М., 1939.
10. Вдовенков В.М. Становление и развитие судебной власти на территории Хабаровского края – Хабаровск: ХГАЭП, 2003.
11. Верховному суду СССР – 40 лет: сб. статей. – М., 1965. – С.79-94.
12. Верховный Суд СССР.: Юр. лит-ра. – М., 1974.
13. Винокуров А. Проект Конституции Союза ССР и судебные органы // СЗ., 1936. – №8. – С.24-27.
14. Власов В.И. История судебной власти в России. Кн. 2 (1917-2003 годы) – М., 2004.
15. Военные трибуналы – органы социалистического правосудия. – М., 1958. – С.97-121.
16. Волин А.А. Воспитательная роль советского суда – М., 1951, 1952, 1954.

17. 80 лет Верховного Суда Российской Федерации. – М.: Изографика, 2003.
18. Встать! Суд идет! (история самарской Фемиды). – Самара, 2005. – С.218-255.
19. Высший судебный орган СССР. – М., 1984.
20. Вышинский А.Я. Судостроительство в СССР – М., 1936,1940.
21. Ганиева Т.И. Правовые вопросы судебной власти и ее осуществление в Кыргызстане: дис...канд. юр. наук – Екатеринбург, 2003.
22. Гарви П. Судебная реформа // Социалистический Вестник. – 1938. – №15-16. – С.9-11.
23. Гафуров Х.М. Судебная система Республики Таджикистан (сравнительно-правовой анализ): дис...канд. юр. наук. – М., 2006.
24. Голунский С.А. Учебник по судостроительству. – М., 1939.
25. Голяков И. Советский суд. – М., 1947.
26. Голяков И.Т. Воспитательная роль суда. // СЗ.,1945. – №4. – С.31-43.
27. Горшенин К.П. Советский суд. – М., 1951, 1954, 1957.
28. Гречуха М. Моя работа народным судьей. – М., 1940.
29. Гуткин И.М. Военные трибуналы в СССР. – М., РИО ВПА, 1959.
30. Деятельность органов военной юстиции в годы ВОВ: (Круглый стол журнал ГИП) // ГИП, 1995. – № 8 – С.82-107.
31. Добровольская Т.Н. Областной (краевой) суд. – М., 1956.
32. Добровольская Т.Н. Советское правосудие на современном этапе развернутого строительства коммунизма: дис...канд. юр. Наук. – М., 1965.
33. Добровольская Т.Н. Верховный Суд СССР. – М., 1964. – С.34-56.
34. Журавлев В.Г. Военные трибуналы в СССР. – М., РИО ВПА, 1958.
35. Загорский Г.И. Осуществление правосудия в Вооруженных силах в период ВОВ: дис...канд. юр. наук. – М., ВКИ, 1986.
36. Звягинцев В.Е. Трибунал для героев. – М., 2005.
37. Зейдин Е.Л. Двадцать пять лет военным трибуналам // Ученые записки ВИАЮН. – Вып. 4. – М., 1945.
38. Золотых В.В. История судов на Дону. – Ростов н/Д.: Донской изд. дом, 2004.
39. Иванов Г. Записки народного судьи. – М., 1949.
40. Иванова Г.М. История ГУЛАГа, 1918-1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты. – М., 2006. – С.393-420.
41. Иванова Г.М. Лагерная юстиция в СССР. 1944-1954 // Труды института российской истории. – М., 2004. – С.287-308.
42. Калинин М.И. Каким должен быть судья и как он должен карать / М.И. Калинин // Избранные произведения. – Т.1. – М., Госполитиздат, 1960.
43. Карев Д.С., Голунский С.А. Военные суды и военная прокуратура. – М., 1940.
44. Карев Д.С. Военные суды и военная прокуратура: дис...докт. юр. наук. – М.,1951.
45. Климов М.И. Массовые репрессии на транспорте в 30-е годы: характер, формы, методы и последствия (на примере Урала) // Актуальные проблемы юриспруденции. – Тюмень, 1996. – Вып.1. – С.44-49.
46. Кожевников М.В. История советского суда. (1917-1947). – М., 1948.
47. Кожевников М.В. История советского суда. (1917-1956). – М., 1957.

48. Красавцев Л.Б. Репрессии против работников морского транспорта Северного морского бассейна в довоенные и военные годы (1936–1945) // *Транспортное право*. – М., 2007. – № 1.
49. Кривицкий В. За кулисами московских процессов // *Социалистический Вестник*. – Нью-Йорк, 1938. – №8. – С. 3-7.
50. Крыленко Н.В. Советское правосудие. Суд и прокуратура. – М., 1937.
51. Куликов В.В. Правосудие в СССР в военные годы // *Советское государство и право*. – М., 1974. – №5.
52. Кутафин О.Е. и др. Судебная власть в России. История. Документы. – Т.5. – М., 2004.
53. Лезов И.Л. Советский суд в 1917-1940 гг.: дис... канд. юр. наук. – М., 1998. – С. 5-14, 104-116, 134-148
54. Лякас А. Основные черты истории советского суда в Литве (1918-1958 гг.): дис... канд. юр. наук. – Вильнюс, 1958.
55. Маликов М.К. История суда Удмуртии. – Ижевск, УдГУ, 1977.
56. Мартинович И.И. История суда в Белорусской ССР (1917-1960 гг.). – Минск, 1961. – С. 122-153.
57. Мовсумов Д.Г. Советская судебная система в Азербайджане. – Баку, 1970. – С. 155-187.
58. Названова Л.Н. Верховный суд Республики Мордовия: к 75-летию со дня образования, 1928-2003. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2003.
59. Настюк М.И. Создание и деятельность советских органов юстиции в западных областях УССР (1939-1941 гг.). – Львов, 1977. – С. 28-69.
60. Неручев И. Большой вопрос. Записки юриста. – Л., 1955.
61. Обухов В.В. Забытая ветвь военной юстиции: военные трибуналы войск НКВД СССР в предвоенные годы 1939-1941 гг. // *Право и политика*. – М., 2002. – № 5.
62. Обухов В.В. Правовые основы организации и деятельности военных трибуналов войск НКВД СССР в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. (ист.-пр. исслед.): дис... канд. юр. наук. – М., 2002. – С. 9-13, 31-174.
63. Овчинникова Г.Ф. Основные этапы развития советской судебной системы в Молдавии (1924-1950 гг.): автореф... канд. юр. наук. – Кишинев, 1971. – С.23-25.
64. Олейник О.Ю. Организационно-правовые основы функционирования системы Наркомюста РСФСР в 1929-1936 гг.: дис... канд. юр. наук. – Владимир, 2006. – С. 2,4-15, 35-36, 55-66, 98-102.
65. Олейник И.И. Органы юстиции Верхневолжского региона в конце 1920-х-1930-е гг.: ист.-пр. аспект. – Владимир, 2002.
66. Опыт работы органов юстиции в годы войны и его творческое использование в мирное время (Методические рекомендации). – М., ГВП, 1975.
67. Очерки истории военных судов, военных тюрем и военно-уголовного законодательства России. – М.: Граница, 2003.
68. Павлова Л.А. Творить суд по закону и чистой совести...: из истории судебной власти на Среднем Урале, 1722-2004 гг.: в док., мат-лах и коммент. – Екатеринбург, 2004. – С. 84-120.
69. Палченков В.П. Основы судоустройства по судебной реформе в РФ (общетеоретический и историко-правовой аспекты): дис... канд. юр. наук. – Волгоград, 2001.
70. Пензенский областной суд: 65 лет. – Пенза, 2005.

71. Петухов Н.А. Деятельность органов военной юстиции в годы Великой Отечественной войны. – М., 1995. – № 8. – С. 83-85.
72. Размадзе М.Н. Советское социалистическое правосудие: дис... канд. юр. наук – Тбилиси, 1950.
73. Раудсалу В. Создание советской системы юстиции в Эстонии // Советское право. – Таллинн, 1984. – №3. – С. 216-221.
74. Ренев А., Зверев А. По поводу статьи тов. Ширвинского // Социалистическая Законность. – М., 1951. – №3. – С. 45-49.
75. Рычков Н.М. Задачи судебных органов // Советская Юстиция. – М., 1938. – №2-3. – С. 16-18.
76. Сапаралиев М.С. Возникновение и развитие судебной системы Советского Казахстана (1917-1967 гг.): дис... канд. юр. наук. – Ташкент, 1970.
77. Семенов В.М. Суд и правосудие в СССР. – М., 1976.
78. Скоморохов П. Из истории Верховного суда СССР // Бюллетень Верховного Суда СССР. – М., 1964. – № 2.
79. Смыкалин А.С. Советское судоустройство: источники, систематизация, литература // Историко-юридические исследования правовых институтов и государственных учреждений СССР. Сб. научн. трудов. – Свердловск, 1986. – С. 10-21.
80. Смыкалин А.С. Советский суд в довоенное время // Российская юстиция. – М., 2002. – № 2. – С. 39-42.
81. Смыкалин А.С. Советская судебная система в годы ВОВ // Российская юстиция. – М., 2002. – № 9. – С. 39-42.
82. Смыкалин А.С. Советская судебная система в послевоенные годы // Российская юстиция. – М., 2002. – № 12. – С. 39-42.
83. Советское право в период Великой Отечественной войны. Часть 2. Уголовное право-Уголовный процесс / под ред. И.Т. Голякова. – М., Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948.
84. Соломон П. Советская юстиция при Сталине. – М., 1998. – С. 151-171, 242-250, 262-264, 266-306, 372-384, 392-424, 432-453.
85. Строгович М.С. Военные трибуналы советского государства. – М., 1942.
86. Сувениров О.Ф. Военная коллегия Верховного Суда СССР (1937-1939 гг.) // Вопросы истории. – М., 1995. – № 4. – С. 137-146.
87. Суд в СССР (под ред. Л.Н. Смирнова и др.). – М., 1977.
88. Сусло Д.С. Развитие органов правосудия и их деятельность в УССР (1918-1972 гг.): автореф. дис... доктора юр. наук. – Киев, 1973. – С. 17-20.
89. Стумбина Э.Я. Суд и прокуратура Латвийской ССР (история и устройство). – Рига, 1962. – С. 50-79.
90. Судебная власть Калужской области: история и современность. – Калуга: Полиграф-информ, 2004.
91. Супатаев А., Тайгин Ф. Создание и развитие советского суда в Киргизии (1917-1969 гг.). – Фрунзе, 1971. – С. 116-172.
92. Тадевосян В. Сталинский проект социалистической конституции и наши задачи // Советская Юстиция. – М., 1936. – №22. – С. 3-4.
93. Таска А. Об уничтожении судоустройства Эстонской республики в 1940 году // Юрист Эстонии. – Таллинн, 1990. – № 2. – С. 152-161.
94. Цалиев А.М. Судебная власть в республиках Северного Кавказа (1917-2003 гг.). – М., 2003.

95. Цыпленков С.А. Судебная система Орловской области: прошлое и настоящее. – Орел: А.Воробьев, 2004.
96. Чарьев М.Р. Деятельность военных трибуналов во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Военно-юридический журнал. – М., 2006. – № 8.
97. Чистяков Н.Ф. Верховный Суд СССР. – М., 1984. – С. 32-55.
98. Шалагинов В. Судья. Очерки. – М., Изд-во «Правда», 1952.
99. Шаламов М. Судебное устройство Казахстана. – М., 1941. – С. 70-78.
100. Шахмурзаев З. История развития судебной системы Кабардино-Балкарии: 80 лет. – Нальчик: Эль-Фа, 2003.
101. Шварц С. Разгром суда в СССР // Социалистический Вестник. – Нью-Йорк, 1941. – №9-10. – С. 123-126.
102. Ширвинский В. За дальнейшее улучшение работы окружных судов железнодорожного транспорта // Социалистическая Законность. – М., 1950. – №10. – С. 17-25.
103. Ширвинский В. Еще раз об окружных судах железнодорожного транспорта / В. Ширвинский // Социалистическая Законность. – М., 1951. – №9. – С. 19-24, 45-49.
104. Элькин И. Воспитательная роль советского суда. – Л., 1953.
105. Berman H. Justice in the USSR. Rev. ed. Cambridge, Mass., 1963.
106. Van der Berg G.P. The Soviet System of Justice: Figures and Policy. Dordrecht etc.: Nijhoff, (Law in Eastern Europe; N 29). – The Hague, 1985.
107. Juviler P. Revolutionary Law and Order. – New York, 1976. – P. 42-47, 58-67, 177-178.
108. Kucherov S. The Organs of Soviet Administration of Justice: Their History and Operations. – Leiden, 1970.
109. Marc Jansen and Nikita Petrov Mass terror and the court: The Military Collegium of the USSR // Europe-Asia Studies. – Volume 58, Issue 4 June 2006, – P. 589-602.
110. Oda H. Revolutionary Legality in the USSR, 1928-1930 // Review of Socialist Law. 1980. – Vol. 6. – № 2 – P. 141-151.
111. Rittersporn G. T. Soviet Officialdom and Political Evolution: Judiciary Apparatus and Penal Policy in the 1930's // Theory and Society, 1984. – № 13. – P. 211-237.
112. Solomon P., Jr. Criminalization in Soviet Criminal Policy, 1917-1941 // Law and Society Review. 1981-1982. – Vol. 16. – № 1. – P. 9-44.

Д.В. Асеева

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ: ПОНЯТИЕ И МЕТОД

Одной из задач административной реформы в России является совершенствование правовых форм и методов деятельности органов исполнительной власти. При решении данной задачи невозможно обойти вниманием методы административно-правового воздействия. Вопрос о методах административно-правового воздействия один из актуальных, сложных и вместе с тем недостаточно исследованных в административном праве.

Исследование конкретного вопроса практически в любой отрасли знаний требует, прежде всего, определения понятийного аппарата, с которым предстоит работать. Это особенно важно для общественных наук в целом и для науки административного права в частности. Перед рассмотрением понятия «метод административно-правового воздействия» необходимо определить содержание понятий «метод», «правовое регулирование» и «правовое воздействие». Ю.А. Тихомиров писал: «Для правильного понимания и развития науки административного права важнейшее значение имеет система понятий. Она позволяет избегать «поверхностного» подхода к практике и углубленно познавать многообразные, сложные и противоречивые процессы и явления в сфере государственного управления и регулирования и их адекватное отражение. В чем? В законах и иных правовых актах, в юридических действиях, в поведении граждан и должностных лиц и служащих, более того, в самом правопонимании» [1]. В любой отрасли науки по мере углубления и расширения знаний происходит уточнение понятий и определений, пересмотр устоявшейся терминологии. Но в любом случае, как справедливо отметил С.С. Алексеев, «нельзя забывать важнейших требований, предъявляемых к научной терминологии, – ее однозначности, строгой определенности, ясности, устойчивости, совместимости со всем комплексом употребляемых в науке терминов. Обогащение понятийного аппарата науки должно происходить не за счет утраты точности терминов, так как утрачивается скоординированность научных понятий» [2].

Метод, по различным справочным источникам, определяется как прием, способ или образ действия [3]; способ достижения определенной цели, совокупность приемов или операций практического или теоретического освоения действительности [4]; способ достижения цели для решения определенной задачи» [5]; сознательно и последовательно применяемый способ достижения цели [6]. В общем смысле метод можно охарактеризовать как совокупность приемов, средств и способов, применяемых для достижения конкретной цели. Данное определение универсально, его можно применить в любой отрасли знаний независимо от специфики предмета.

Далее рассмотрим понятия «правовое воздействие» и «правовое регулирование» и возможность их объединения в одно понятие. Необходимо отметить, что сфера рассмотрения этих двух понятий лежит в одной «плоскости» – государственного управления. Это, безусловно, не просто «плоскость», в которой располагаются данные понятия, а ядро административного права. Говоря о государственном управлении в этом контексте, нельзя не обратиться к теории государственного управления, ведь теория – это представленная в понятиях история, логика прошедшей и нынешней жизни людей,

это знание практически действующее, включенное в мысли, поведение и деятельность людей. Г.В. Атаманчук, написавший несколько книг по теории государственного управления, определяет его как практическое, организующее и регулирующее воздействие государства на общественную (публичную) и частную жизнедеятельность людей в целях ее упорядочения, сохранения или преобразования, опирающееся на его властную силу. Основная ценность данного определения состоит в том, что оно объединяет три составляющих: государство, которое выступает в роли субъекта управления; люди, воспринимающие управляющие воздействия и реагирующие на них; непосредственно управляющие воздействия, связывающие государство и общество [7].

Ю.А. Тихомиров, исследуя механизм административно-правового управления, писал: «Управление – процесс целенаправленного воздействия субъекта на объект для перевода последнего в новое состояние» [8]. Административно-правовое управление облечено преимущественно в императивные юридические нормы и выражается посредством деятельности государственных органов. Организация государственного управления в сферах и отраслях, согласно мнению исследователя, достигается различными способами и средствами. Исследователь называет ряд типичных элементов организации государственного управления:

а) общая система государственного управления в сфере, отрасли, включающая в себя статус и функции специальных органов и других органов, действующих в той или иной сфере, отрасли;

б) набор административно– правовых регуляторов, характерных для данной сферы, отрасли;

в) комплект, стандарт необходимых правовых актов и других регулирующих документов;

г) механизм государственного контроля и надзора;

д) низовые организации – объекты управления;

е) информационное обеспечение;

ж) степень участия граждан и их объединений.

Выделив данный набор элементов, Ю.А. Тихомиров говорит о том, что этот набор способен изменяться в зависимости от особенностей соответствующей отрасли, сферы, позволяя гибко организовывать управление в различных сферах. При этом, закрепляя его в соответствующих законах, необходимо подбирать и строить элементы таким образом, чтобы сочетание административных и диспозитивных норм способствовало отражению всего многообразия каналов правового воздействия. Также автор говорит о новой тенденции административно-правового регулирования: гибко сочетать методы в различных сферах государственной и общественной жизни и необходимости применения еще более дифференцированных средств воздействия, что пока не очень хорошо удается по причине недостаточной изученности данного аспекта. И все же автор делает вывод о том, что именно применение методов такого воздействия придает механизму государственного управления подлинную эффективность [9].

Далее, В.С. Четвериков определяет государственное управление как сознательное (волевое) и целенаправленное воздействие субъекта управления на объекты управления (личность, коллектив и т.п.) для приведения объектов управления в состояние устойчивого и динамичного развития. По его мнению, основная цель административно-правового регулирования – это создание стабильности управленческих отношений в уже организованной и упорядоченной системе. Реального положительного результата не может дать

лишь одно правовое регулирование, пока в России не будет создана и законодательно закреплена единая система органов исполнительной власти, разграничены полномочия, а организационная структура федеральных органов власти не будет меняться ежегодно [10]. Следовательно, ученый видит необходимость соединения понятий «правовое регулирование» и «государственное воздействие» в единый «механизм государственно-правового воздействия» [11].

Таким образом, в государственном управлении всегда присутствует элемент «воздействия», что подтверждает универсальный смысл понятия «правовое воздействие».

Далее рассмотрим понятия «правовое регулирование» и «метод правового регулирования». Начиная с 1938-1940 гг., в правовую литературу прочно вошло понятие «метод правового регулирования». Появление его в правовой науке было обусловлено назревшей потребностью установить различия между отдельными отраслями права не только на основе предмета, но и при помощи правового метода. В 1938 г. состоялось Всесоюзное совещание советских юристов, где ученые сошлись во мнении о том, что:

- 1) советское право – возведенная в закон воля советского народа – складывается из ряда материальных и процессуальных отраслей;
- 2) каждая отрасль права имеет свой предмет и свой метод;
- 3) предмет является главным фактором, определяющим характер метода, с помощью которого регулируется группа общественных отношений, составляющих предмет данной отрасли;
- 4) метод отрасли обладает специфическими чертами, совокупность которых отличает его от методов других отраслей советского права [12].

В последующие годы в юридической литературе сформировалось два похода к определению данного понятия. Одни авторы считали, что метод правового регулирования выражает обособленность, равенство или неравенство субъектов, другие – метод властных предписаний, или автономных отношений [13]. В дальнейшем метод правового регулирования стали трактовать значительно шире. В составе данного понятия насчитывается, в общей сложности, пять элементов:

- 1) порядок установления прав и обязанностей субъектов права;
- 2) степень определенности представленных прав и «автономности» действий субъектов правоотношений;
- 3) взаимоотношения субъектов правоотношений;
- 4) наличие или отсутствие конкретной юридической связи между субъектами прав и обязанностей;
- 5) пути и средства обеспечения установленных субъективных прав и юридических обязанностей [14].

Исследуя метод правового регулирования, С.С. Алексеев, в целом разделяющий указанную позицию, насчитывает четыре характерных элемента:

- 1) общее правовое положение субъектов (их правоспособность, дееспособность, взаимодействие с собой);
- 2) основания возникновения, изменения и прекращения правоотношений, т.е. юридические факты;
- 3) способ формирования субъективных прав и юридических обязанностей (они определяются или нормой права, или административным актом, или вытекают из договора и т.д.);

4) характер правовой защиты, т.е. санкции юридической нормы [15].

Значительный вклад в исследовании метода правового регулирования внесли также А.М. Витченко, А.И. Процевский, В.Ф. Яковлев, А.Б. Пешков и др. Особого внимания заслуживает мнение В.Д. Сорокина. Суть его позиции заключается в том, что метод правового регулирования выражается в трех первоначальных способах воздействия на поведение субъектов права и субъектов правоотношений. Метод правового регулирования как системное явление соединяет в органическое целое одновременно три способа: предписание, запрет и дозволение. Эти способы, взаимодействуя в совокупности, обеспечивают эффективное воздействие, посредством преобладания одного способа при наличии двух других [16]. В целом, нельзя не согласиться с таким мнением, поскольку метод правового регулирования действительно не может существовать изолированно, только в виде системы взаимосвязанных способов воздействия.

Ряд авторов, говоря о механизме правового (административно-правового) регулирования, выделяют основные стадии реализации норм права [17]:

1) Стадию возникновения прав и обязанностей в конкретном правоотношении. На основе действующих норм права и при наличии соответствующих жизненных обстоятельств у конкретных субъектов возникают права и обязанности, которые индивидуализируются в конкретных отношениях. Правоотношения представляют собой главное средство перевода норм права в плоскость прав и обязанностей, принадлежащих конкретным лицам.

2) Реализация прав и обязанностей участников конкретных правоотношений в реальной жизни. Эту стадию составляют юридически значимые действия и поступки, осуществляемые в соответствии с правами и обязанностями, индивидуализированными в конкретных правоотношениях. Воплощением общих норм в фактическом, реальном поведении граждан и иных лиц завершается процесс правового регулирования.

Таким образом, автор делает вывод о том, что правовое регулирование – это деятельность государства и общества, осуществляемая в процессе подготовки и принятия норм права, их реализации в конкретных отношениях и применения государственного принуждения к правонарушителям с целью достижения стабильного правопорядка в обществе.

Особенность правового регулирования заключается в осуществлении государством посредством общеобязательных норм поведения. Правом охватываются наиболее важные, с точки зрения государства, общественные отношения и контролируются им, обеспечивая эффективность действия этих правовых норм. Однако уровень правового регулирования зависит не только от состояния законодательства. Механизм обеспечения эффективного воздействия права на общественные отношения соотношение правового регулирования с тем социальным эффектом, на который оно направлено.

Под механизмом правового регулирования понимается система административно-правовых средств воздействия на общественные отношения в целях реализации задач и функций государственного управления. Этот механизм обеспечивает должное поведение участников управленческих отношений требованиям и интересам государства на современном этапе его развития [18].

Итак, понятия «метод административно-правового воздействия» в научной и учебной литературе пока не существует, а механизм правового регулирования представляет собой систему правовых средств, при помощи которых обеспечивается результативное правовое воздействие на общественные отношения [19].

Правовое регулирование, не охватывая все формы и средства воздействия права на общественные отношения, само является одной из форм (каналов) правового воздействия [20].

В.Н. Кудрявцев, исследуя проблему правового воздействия, изначально выделил три его канала: информационное, ценностное и принудительное [21]. Четвертую форму правового воздействия автор определил как стимулирование [22].

С.С. Алексеев, который придерживается примерно такой же позиции, отмечает, что стимулирование и принуждение характеризуют в целом правовое регулирование как форму правового воздействия [23].

Правовое воздействие – это процесс, включающий в себя все имеющиеся отношение к праву функциональные системные образования. К этим системам относятся все правовые явления в целом (юридические нормы, правосознание, правореализующая практика, правотворчество, правопорядок, законность, правовая культура и др.).

Само правовое воздействие представляет собой системное явление. Генеральной целью правового воздействия является воплощение в общественную жизнь, прежде всего, правовых предписаний. Саморегулирующее начало правового воздействия, на наш взгляд, проявляется в воздействии права само на себя посредством изменения общественных отношений, на которые оказано воздействие и которые являются средой действия права, а также изменения тех общественных отношений, которые формируются в сфере действия государства по принятию норм права, их оценке и изменению [24].

Феномен воздействия является активным, динамическим началом, близким по значению к словам «действие», «влияние». Действие всегда представляет собой объективированный акт, который может быть регламентирован законом непосредственно или определен через правовые начала и смысл законодательства, а также может быть подвергнут юридической оценке [25]. О воздействии можно говорить лишь тогда, когда сила субъекта воздействия способна вызвать определенные изменения в объекте воздействия.

Как отмечает М.Н. Марченко, воздействие предполагает односторонне направленное влияние. Также он указывает на то, что понятие правового воздействия шире понятия правового регулирования. В него можно включать (а не только выделять как формы) информационное воздействие права, ценностно-ориентационное влияние, правовое регулирование как таковое и правореализацию (в части, не охватываемой понятием «правовое регулирование»). Правореализация как важнейший элемент непосредственных общественных отношений определяет, в целом, эффективность права и правового воздействия. Именно конкретная индивидуальная организационно-властная деятельность компетентных органов и должностных лиц обеспечивает формирование, наряду с другими общественными явлениями и пропагандой, правовой культуры, ценностного восприятия права.

Автор определяет правовое воздействие как процесс влияния права посредством действия его инструментов на ту или иную сферу общественных отношений, вызывающий в ней любые определенные изменения.

Таким образом, разграничение «правового воздействия» и «правового регулирования» достаточно четко проводится основной массой исследователей. Но, тем не менее, объединить их в одно понятие «метод административно-правового воздействия» видится достаточно реальным в том смысле, что, говоря о методах административно-правового воздействия, мы будем подразумевать под методом правового регулирования один из методов административно-правового воздействия в механизме административно-правового воздействия. Понятие «правовое (административно-правовое) регулирование

является вполне устоявшимся, общеупотребительным, в отличие от понятия «правового (административно-правового) воздействия», которое на сегодняшний день является новым и неисследованным, но комплексным, всеобъемлющим, вбирающим в себя все общественные отношения, возникающие в связи с административно-публичной деятельностью.

Воздействие права на общественные отношения есть необходимый элемент становления и функционирования правового государства и гражданского общества. Более того, правовое воздействие – это прямая функция права, соответственно, методы правового (административно-правового) воздействия есть инструменты реализации функции права.

Примечания

1. Тихомиров Ю.А. Административное право и процесс: полный курс. Второе издание, дополненное и переработанное – М.: Изд. Тихомиров Ю.А., 2008. – С. 697.
2. Алексеев С.С. Общая теория права: Т.1. – М., 1981. – С. 35-36.
3. Большой экономический словарь/ Под ред. А.Н. Азрилияна. – 4-е изд. Доп. и перераб. – М.: Институт новой экономики, 1999. – 1248 с.
4. Философский энциклопедический словарь – М., 1997. – С. 266.
5. Большая советская энциклопедия – М., 1954. 2-е изд. – Т.27. – С. 313.
6. Энциклопедический социологический словарь / Общ. ред. Т.В. Осипова. М., 1995. – С. 373.
7. Атаманчук Г.В. Теория государственного управления; курс лекций – 4-е изд., – М.: Омега-Л. 2006. – 584 с.
8. Тихомиров Ю.А. Административное право и процесс: полный курс. Второе издание, дополненное и переработанное. – М.: Изд. Тихомиров Ю.А., 2008. – С. 697.
9. Там же.
10. Четвериков В.С. Административное право. – Ростов н/Д; Феникс, 2004. – С. 18.
11. Нехайчик В.К. Административное право: учеб.-метод. пособие – Сургут: Изд-во СурГУ, 2008. – 167 с.
12. Сапий А.В. Развитие понятия «Метод правового регулирования» в общей теории права// Закон и право. 2008. – № 1. – С. 47-49.
13. См.: Генкин Д.М. Предмет советского гражданского права// Советское государство и право. 1955. – № 1. – С. 104; Шаргородский М.Д., Иоффе О.С. О системе советского права // Советское государство и право, 1957. – № 6. – С. 104.
14. Явич Л.С. Проблемы правового регулирования советских общественных отношений. – М.: Госюриздат, 1961. – С. 89.
15. Алексеев С.С. Общие теоретические проблемы системы советского права. – М.: Госюриздат, 1961. – С. 61-70.
16. Сорокин В.Д. Правовое регулирование: Предмет, метод, процесс (макроуровень). – СПб., 2003. – С. 112.
17. Сырых В.М. Теория государства и права: учебник для вузов – М.: Былина. – 512 с.
18. Миронов А.Н. Административное право: учебник. – М.: ИД «ФОРУМ»: ИНФРА-М, 2008. – 304 с.
19. Алексеев С.С. Теория права. – М., 1994. – С. 150.

-
20. См. Алексеев С.С. Проблемы теории государства и права. – М., 1987. – С. 226 – 227; Алексеев С.С. Теория права. – М., 1994. – С. 146; Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве / Под ред. Н.И. Матузова. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1994. – С. 10 и др.; Спиридонов Л.И. Теория государства и права: Учебник. – М: Гардарики, 1996. – С. 202-203; Кудрявцев В.Н. Право и поведение. – М, 1978. – С. 72; Кудрявцев В.Н. Правовое поведение: норма и патология. – М., 1982. – С. 26 и др. Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. – М., 1966. С. 19; Лазарев В.В. Сфера и пределы правового регулирования // Сов. государство и право, 1970. – №11. – С. 39; Матузов Н.И. Личность. Права. Демократия: Теоретические проблемы субъективного права. – Саратов, 1972. – С. 63; Гойман В.И. Действие права: методологический анализ. – М., 1992. – С. 55.
21. Кудрявцев В.Н. Право и поведение. – М., 1978. – С. 72.
22. Кудрявцев В.Н. Правовое поведение: норма и патология. – М., 1982. – С. 26.
23. Алексеев С.С. Теория права. – М., 1994. – С. 146.
24. Теория государства и права: Учебник / Под ред. М.Н. Марченко. – М.: Издательство «Зерцало», 2004.
25. Пугинский Б.И. Сафиуллин Д.Н. Правовая экономика: проблемы становления. – М.: Юрид. лит-ра, 1991. – С. 38.

В.В. Нехайчик, В.К. Нехайчик

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОДЕРЖАНИЯ И ПОНИМАНИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ КОНСТРУКЦИИ «ПРАВОВОЙ СТАТУС»

Важность рассмотрения представляемой правовой проблемы мы связываем, прежде всего, с целями административной реформы, которая осуществляется в настоящее время в России. Научные изыскания, осуществляемые в период проведения административных реформ, приводят нас к убеждению в необходимости сближения теоретических и практических позиций и взглядов на использование юридической конструкции правового статуса. Ситуация, когда для учебных целей дается одно правовое понимание правового статуса, а на практике оно оказывается непригодным, должна быть исправлена. Научные разработки должны служить практике и быть полезными для проводимых в стране реформ. Именно к таким научным разработкам в области административного права, необходимым в практической реализации проводимых реформ, мы относим разрешение проблем понимания и содержания правового статуса.

Дело в том, что ни действующее законодательство, ни общая правовая и, в том числе, отраслевая административно-правовая доктрины не дают нам ясного и единого представления о содержании юридической конструкции «правовой статус» субъекта права, используемой как юридической наукой, так и нормотворческой практикой.

Разрешение проблемы содержания правового статуса, на наш взгляд, необходимо начинать с рассмотрения проблемы понимания статуса вообще. Так, философия рассматривает статус как относительное положение индивида или группы в социальной системе, определяемое по ряду признаков, специфичных для данной системы и различает «предписанный» и «достижимый» статус, соответствующий или профессиональным качествам или образовательному уровню. Статус – это определенный социальный престиж, соответствие определенному уровню оценки, которая является почетной. Таким образом, основными характеристиками и признаками статуса как социальной категории являются необходимый уровень и почет. Наиболее существенными признаками (престижными и почетными оценками) статуса отдельных групп являются, например, профессия, квалификация (образование), а также заработная плата, семейно-возрастные и локально-территориальные различия.

В философии статус соотносят с понятием социальной роли. То есть, если статус рассматривают как совокупность прав и обязанностей, то роль – как динамичный аспект статуса, как определенное поведение. Отсюда можно заключить, что понятие статуса должно найти свое продолжение, реализацию в активном поведении или действиях. В научной литературе различают общесоциальный статус лица и его разновидности: политический, экономический, государственный, статус служащего или рабочего, нравственный, правовой и другие.

Правовой статус теория права понимает как правовое положение субъекта права или лица, состоящего в правовых отношениях. Правовым он называется потому, что положение субъекта или лица в обществе определяется юридическими нормами, которые устанавливают (регулируют) их многосторонние связи с внешней средой. Содержание правового поло-

жения субъекта права обычно характеризуется совокупностью его прав и обязанностей, наличием его правосубъектности (правоспособности и дееспособности) или и тем, и другим.

Слово «положение» в русском языке в одном из значений понимается как место, роль кого-нибудь в общественной жизни, в коллективе, в семье. Отсюда можно предположить, что понятие «положение», в том числе правовое, может определять две его стороны. Одна – место (центральное, видное, достойное, почетное, заметное) занимаемое в общественной жизни, а другая – роль (работа, род деятельности, проявление в каком-либо качестве). В связи с этим, ставится под сомнение установление равенства между понятиями «правовое положение» и «правовой статус» личности или коллективного субъекта. Ниже мы постараемся обосновать высказанное сомнение.

Характеризуя общий подход к изучению проблемы, следует отметить, что в современных научных изысканиях ученых отмечается устойчивая тенденция рассматривать правовое положение субъектов права через юридическую конструкцию «правовой статус».

Различные взгляды на понимание административно-правового статуса (правового положения) коллективных субъектов высказываются и в науке административного права. В основном предложения ученых сводятся к тому, чтобы содержание административно-правового статуса субъектов права рассматривать через его установленный элементный состав. Многие мнения, высказываемые учеными специалистами в данной отрасли по вопросам правовой характеристики коллективных субъектов административного права, содержания их правового положения (статуса), являются достаточно противоречивыми.

Обобщая взгляды ученых по рассматриваемой проблеме, отметим, что в содержание административно-правового статуса коллективных субъектов права включают: правосубъектность, права и обязанности, назначение, место, роль, цели, задачи, функции, полномочия, структуру, процедуры функционирования, место расположение, территориальный масштаб деятельности, компетенцию, формы и методы деятельности и др.

При этом среди ученых нет единого мнения по вопросу содержания административно-правового статуса коллективного субъекта, а административно-правовая наука не может сегодня предложить конкретный набор его основных и необходимых элементов.

В действующих нормативных актах также можно увидеть различные трактовки содержания юридической конструкции правового статуса. Так, например, в письме Минздравоохранения РФ от 10.08. 2005 № 3855-ВС «О рекомендациях по разработке должностных регламентов федеральных государственных гражданских служащих в федеральных министерствах, федеральных службах и федеральных агентствах» говорится, что Положением о подразделениях органов исполнительной власти, определяющим его правовой статус, отражаются его полномочия и функции.

В других нормативных актах функции не включаются в содержание правового статуса. Так, в ранее действовавшем приказе ГТК РФ от 21.05.1999 № 310 «Об утверждении положения о нормативных актах ГТК России» закреплялось, что «Положение – это нормативный акт, определяющий правовой статус, задачи и функции таможенных органов...». В соответствии с решением Верховного Суда РФ от 10.11.2004 № ВКПИ04-110 «Об отказе в удовлетворении заявления о признании недействующим руководства по организации работы высшего военно-учебного заведения министерства обороны Российской Федерации, утвержденного приказом министра обороны от 12.03.2003 № 80», определено, что «Положением определяются статус и функции структурного подразделения высшего военно-учебного заведения». Указом Президента РФ от 06.04.2004 № 490 (ред.

от 01.08.2005) «Об утверждении Положения об Администрации Президента Российской Федерации», установлено, что Положение об Администрации Президента Российской Федерации утверждается в целях формирования, определения правового статуса и правовых основ деятельности Администрации Президента РФ и ее должностных лиц. В ранее действовавшем Положении «О государственном лицензировании строительной деятельности на территории РСФСР», утвержденным постановлением Совмина РСФСР от 08.11.1991 № 593 было определено, что статус и функции лицензионных органов устанавливаются данным актом. В соответствии с приказом Минюста РФ от 26.12.2005 № 252 «Об утверждении регламента Министерства юстиции Российской Федерации» правовой статус и объем полномочий структурных подразделений Минюста определяется их Положениями.

Как видим, и в нормативных актах не устанавливается конкретное содержание правового статуса государственного органа, определенный перечень его элементов. Не соблюдается единство в содержании нормативных актов – Уставах и Положениях, определяющих их правовое положение (статус). Мы видим, что в содержании правового статуса включаются разнообразные и различные по своим характеристикам элементы: задачи, полномочия, функции, организация (формирование), формы деятельности и др.

В целях дальнейшего рассмотрения данной проблемы, на наш взгляд, необходимо уяснить истинный смысл и значение для содержания правового положения (статуса) таких понятий как: полномочие, функция, компетенция, форма, метод. Создается впечатление не всегда взвешенного подхода к использованию общих социальных категорий в целях толкования отдельных значимых правовых явлений.

В этой связи еще Ф.В. Тарановский отмечал, что теоретики государственного права (Г. Елинек и др.) на том основании, что все права властвования содержат в себе обязанность их исполнения, публичные правомочия органов государственной власти называют не субъективными правами, а функциями, то есть обязательными для них отправлениями власти [1].

В современных же условиях, на наш взгляд, произошла не совсем равноценная подмена устаревшего понятия «правомочия» на понятие «полномочия», которое уже нельзя заменить понятием «функции», поскольку оно несет иную смысловую нагрузку. Смешивание данных понятий в государственно-правовых отношениях недопустимо и ведет к определенным противоречиям в нормотворчестве и при осуществлении юридической практики.

Думаем, что будет правильно, если мы проведем разграничение выше названных понятий. Разграничение понятий «полномочия» и «функции» для целей административно-правового использования, на наш взгляд, может быть полезным как в нормотворческой, правоустанавливающей практике, так и в правоприменительной.

Говоря о полномочиях, следует отметить, что в своем понимании они представляют собой официально предоставленные кому-нибудь права какой-нибудь деятельности, ведения дел, которые связаны с обязанностями их исполнения. Отсюда, полномочия – это всегда права и обязанности. Они отражают закрепленное нормой права наличие прав и обязанностей у субъекта и возможность с помощью их быть участником правоотношений, осуществлять определенные действия или требовать определенных действий от другого участника правоотношения. Они отражают статику правоотношений. Таким образом, закрепляя полномочия (права и обязанности), правотворческий орган еще не ставит вопрос о том, как и каким образом (в какой форме, какими методами) будет осуществ-

латься реализация прав и обязанностей коллективного субъекта права. Вопрос заключается лишь в том, что и в каком объеме (в каких пределах) можно осуществлять эти права и обязанности.

Что же касается понятия «функция», то общеизвестно, что оно может употребляться в самых разных значениях. Оно может означать способность к деятельности и саму деятельность, роль, свойство, значение, компетенцию, задачу и т.д. Под функциями понимают и цели, которые ставит государство перед исполнительной властью, и средства, которые применяются для достижения этих целей. Кроме того, понятие «функции» связывают со сферами, с компетенцией и полномочиями, с предметом или кругом ведения, с подведомственностью и т.д. Отсюда возникает опасность смещения понятия «функции» с перечисленными категориями.

Рассматривая функциональную природу государства, А.Б. Венгеров отмечает, что понятие функция не является собственно юридическим. Оно заимствовано из других наук и наполняется своим смыслом, порой понятным лишь просвещенным, специально обученным, прежде всего юристам. Причем таким смыслом, который, подчас, утрачивает связь с первоначальным [2].

По мнению многих ученых в области государства и права, функция есть целенаправленная деятельность, активность системы. Функцией называют чаще всего вид активной и притом направленной или вообще целенаправленной деятельности. Под функциями же органов исполнительной власти понимают основные направления деятельности, выражающие их сущность и социальное назначение, в присущих им формах и методах. Именно в таком значении и качестве мы и хотели бы рассматривать понятие «функции».

Размышления о разграничении полномочий и функций приводят нас к теоретическим положениям о статической и динамической сторонах регулятивных правовых отношений. О них говорится как в общей теории права, так и в отраслевой науке административного права.

Так, например, С.А. Комаров пишет, что статическая функция нормы права в механизме правового воздействия теснейшим образом связана с динамической и является платформой для ее действия [3]. О регулятивно-статической и регулятивно-динамической функциях, направленных соответственно на закрепление реально достигнутого и на обеспечение процесса достижения намеченных задач, пишет М.И. Байтин [4].

На наш взгляд, категория полномочий является статической составляющей, элементом правового положения субъекта, и смешивать ее с функцией управления (направлением деятельности) и их формами и методами – динамическими составляющими, элементами правового положения субъекта – едва ли возможно. Таким образом, для отражения содержания правового статуса субъекта значение имеет не закрепление конкретных форм и методов осуществления управленческих функций, а право на их использование. Сами же формы и методы реализации управления связаны непосредственно с деятельностью и являются средствами или способами реализации функций, а не правомочием на их использование. Поэтому право на использование форм и методов реализации конкретных функций должно получить свое правовое оформление. Если же это затрагивает права граждан, то необходимо законодательное оформление.

Все формы и методы реализации функций государственных органов, в том числе органов исполнительной власти, на наш взгляд, должны устанавливаться специально законодательством в качестве общих правовых средств административно-

государственного воздействия. И только после законодательного закрепления данные средства могут быть использованы в иных подзаконных актах государственных органов в качестве правовых, в целях исполнения стоящих перед ними задач и функций, с помощью специально установленных административных процедур. В этой связи следует сказать, что современное действующее российское законодательство закрепляет далеко не многие формы (виды) административной деятельности, которые можно было бы с уверенностью назвать правовыми, отвечающими требованиям Конституции РФ. Среди таких можно назвать те, которые закреплены федеральным законом РФ от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», федеральным законом от 08.08.2001 N 128-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности». Однако хотелось бы видеть в этом же ряду и законы «О государственном контроле и его видах», «Об административном надзоре», «О профилактической деятельности в сфере охраны общественного порядка и безопасности», «Об административной деятельности органов исполнительной и административной власти», «Об административно-процессуальной деятельности», «Об административных процедурах», «Об административном судопроизводстве», а также еще многие другие, предоставляющие право применять конкретные формы (виды) деятельности соответствующим органам государственной и муниципальной власти в РФ. Следует отметить, что такие законы уже принимаются на постсоветском пространстве. Так, например, в республике Армении 18 февраля 2004 года принят закон «Об основах административной деятельности и административном производстве», а в республике Киргизии 1 марта 2004 года принят закон «Об административных процедурах».

В связи с этим, заслуживает определенного интереса замечание М.А. Штатиной по поводу того, что в ряде стран (Великобритании, Франции и Германии) главное предназначение отрасли административного права состоит не в наделении администрации полномочиями, а в ограничении административной деятельности нормами права и контроле над их соблюдением [5].

Большое значение для рассмотрения проблемы правового статуса государственных органов исполнительной и административной власти имеет и понятие «компетенция». С точки зрения большинства ученых, термин «компетенция» является всеобъемлющим и охватывающим все содержание правового статуса государственного органа. По сути, этот термин один непосредственно представляет все содержание правового статуса государственного органа.

И все же содержание понятия «компетенции» неоднозначно отражается учеными. По мнению многих, компетенция включает: предметы ведения государственных органов, совокупность прав и обязанностей органов государства, правосубъектность властвующих органов, задачи органа, его функции, обязанности и права, ответственность, формы и методы деятельности, структуру органа, полномочия государственного органа.

С точки зрения Д.Н. Бахраха, компетенция рассматривается через совокупность полномочий, очерченную подведомственностью, правовым закреплением круга объектов, предметов, дел и отражает в основе статичный аспект правового положения коллективного субъекта, государственного органа исполнительной власти [6]. В противоположность отмеченных взглядов, А.П. Корнев, Г.В. Атаманчук, В.С. Четвериков и Н.М. Книн толкуют понятие компетенции расширительно, в которое наряду со статичными элементами правового положения коллективного субъекта (права, обязанности, полномочия, цели, задачи) включают и его деятельный аспект (функции, формы, методы) [7].

Тем не менее, как нам кажется, главным в рассмотрении содержания понятия «компетенция» следует отметить не собственно его содержание, а то, что оно имеет непосредственное отношение к государственному органу, отражающему его волю и совокупность властных государственных полномочий. В этой связи будет интересно привести мнение представителя германской юридической науки Г. Еллинека о том, что орган представляет государство, но только в пределах определенной компетенции. В то же время, продолжает ученый, орган не имеет никаких индивидуальных прав, а только государственную компетенцию, в то время как последняя не может также быть правом функционирующих в качестве органа лиц [8]. Таким образом, термин «компетенция», на наш взгляд, должен иметь непосредственное отношение только к правовому статусу коллективных субъектов государственных правоотношений. Это говорит о том, что любые иные негосударственные органы не могут обладать компетенцией, но могут иметь отдельные полномочия. Компетенция, наряду с наличием полномочий у органа, представляет государство, а также очерчивает круг предмета ведения государственного органа. В связи с этим, можно выделить не два основных элемента компетенции, которые выделяет Д.Н. Бахрах, а три. Таким образом, к ним следует отнести не только права и обязанности по должности (полномочия) и самостоятельное право как коллективного субъекта быть представителем государства, но и предмет ведения, очерчивающий исполнение должностных полномочий.

Все вышеизложенное подтверждает наши предположения и приводит нас к определенным выводам о том, что категория «правовой статус» для правового положения коллективных субъектов управленческих отношений, является статической составляющей. Статика отношений отражается в закрепленных правах и обязанностях (правомочиях) на принятие решений и осуществление конкретных видов деятельности, а также в определении целей и задач, в установлении организационно-правовой формы (вида, структуры) создаваемого органа, в компетенции (совокупности полномочий) – основной части статуса. Общеизвестно, что закрепляется данный статус Уставом или Положением о том или ином должностном лице или органе государственной власти.

Выше изложенное также дает нам основание предположить, что юридическая конструкция «правовой статус» является одной из составных частей правового положения коллективного субъекта или юридического лица. Другой такой составляющей правового положения, на наш взгляд, может быть его функциональная, деятельная (динамичная) сторона, включающая принципы и функции деятельности субъекта, а также формы и методы реализации полномочий и функций. Эту сторону правового положения субъекта в науке управления называют еще также «функционалом».

Уместно также вспомнить о том, что и в философии, и в социологии понятие «статус» соотносят с понятием «социальная роль». «Роль» с французского языка, в одном из его значений переводится как род деятельности, проявление себя в чем-либо. Аналогичную интерпретацию данной категории мы найдем и в иных словарях русского языка. Понятие «род» может быть рассмотрено также как направление, образ, способ, характер действия, деятельности [9].

Уместным будет отметить и то, что в науках философии и социологии, в частности, в структурном функционализме Т. Парсонса, уже закрепилось определение американского ученого-социолога Р. Линтона о социальной роли как «динамическом аспекте статуса» [10]. В этой связи считаем допустимым вторую часть понятия «правовое положение», противоположную юридической конструкции «правовой статус» субъекта, назвать «правовая роль» субъекта, которая вполне соотносится, с понятием «социальная роль».

То есть, предлагаем содержание такого правового явления, как «правовое положение» коллективного субъекта правоотношений рассматривать из двух его составляющих частей, двух юридических конструкций: «правовой статус» и «правовая роль».

Правовое оформление функциональной (деятельной) стороны правового положения государственного органа как коллективного субъекта правоотношений в настоящее время уже определено правительством РФ типовыми административными регламентами, а также соответствующими административными регламентами министерств РФ и других органов государственной исполнительной власти субъектов РФ.

В этой связи, определенный интерес может представлять высказывание Ю.А. Тихомирова о том, что административные процедуры предназначены для характеристики динамики публичного управления с участием многих субъектов права. Иными словами, как отмечает ученый, материальные нормы – статусные и компетенционные – предшествуют процессуальным и процедурным нормам [11].

Итак, юридическая конструкция «правовой статус», на наш взгляд, есть статическая составляющая регулятивных правоотношений, которая должна иметь свое продолжение, отражение в динамичной составляющей этих отношений. Установление «правового статуса» мы сравниваем с механизмом правового регулирования в регулятивных правоотношениях, требующего своего продолжения. В этом смысле «правовой статус» закладывает основу новому деятельному механизму – конкретной исполнительно-распорядительной деятельности, реализующей цели и задачи, осуществляющей конкретные функции, стоящие перед органами государственной исполнительной власти.

Неопределенность содержания юридической конструкции «правовой статус» для государственных управленческих отношений, стремление ученых и законодателей объединить статическую и динамическую составляющие в «правовом положении» или в «правовом статусе» ведет, на наш взгляд, к противоречиям в юридической практике использования обсуждаемых юридических конструкций для целей правового регулирования соответствующих отношений. Из-за отсутствия четких рецептов в понимании содержания правового статуса нет ясного представления о том, что необходимо устанавливать и закреплять в Уставах и Положениях, а что в Регламентах.

Примечания

1. Тарановский Ф.В. Энциклопедия права. 3-е изд. – СПб.: Издательство «Лань», 2001. – С. 268.
2. Венгеров А.Б. Теория государства и права: Учебник – 2-е изд. – М.: Омега-л, 2005. – С. 163, 164.
3. Комаров С.А. Механизм правового воздействия. //Общая теория государства и права. Академический курс в 2-х томах. Под ред. проф. М.Н. Марченко. – Том 2. Теория права. – М.: Издательство «Зерцало», 1998. – С. 447.
4. Байтин М.И. Сущность права. Функции права //Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2002. – С. 157.
5. Штатина М.А. Административное право как правовая отрасль и наука.// Административное право зарубежных стран: Учебник / Под ред. А.Н. Козырина и М.А. Штатиной. – М., 2003. – С. 12.
6. Бахрах Д.Н. Административное право России. – М., 2000. – С. 178.

7. Административное право России. Часть 1. Государственное управление и административное право. Учебник. Изд. 4-е / Под ред. д-ра юрид. наук, проф. А.П. Коренева. – М.: Московская академия МВД России, Центр юридической литературы «Шит», 2002. С. 83; Атаманчук Г.В. Теория государственного управления. Курс лекций. – М.: Издательство «Юридическая литература», 1997. – С. 209; Четвериков В.С. Административное право: Учебник. – М.: ФОРУМ: ИНФРА-М, 2005. – С. 85; Конин Н.М. Административное право России. Общая и Особенная части: Курс лекций. – М.: Юрист, 2004. – С. 104.

8. Елинек Г. Общее учение о государстве – СПб: Издательство «Юридический центр Пресс», 2004. – С. 537.

9. Колесников Н.П. Словарь омонимов русского языка. Издательство «Феникс» Ростов-на-Дону, 1995. – С. 511; Комплексный словарь русского языка / А.Н. Тихонов и др.; под ред. д-ра фил. наук А.Н. Тихонова. – М.: Рус. Яз. – Медиа, 2005. – С. 905.

10. Философский энциклопедический словарь / Гл. Редакция: Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов – М.: Сов. Энциклопедия, 1983. – С. 587.

11. Административное право и процесс: полный курс. Второе издание, дополненное и переработанное / Ю.А. Тихомиров. – М., 2005. – С. 612.

А.А. Писцов

О СИСТЕМЕ ОРГАНА УПРАВЛЕНИЯ МУНИЦИПАЛЬНОЙ СЛУЖБОЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ АДМИНИСТРАТИВНОЙ РЕФОРМЫ

За последние годы в системе организации публичной службы радикальным образом изменилась законодательная база: принят ряд федеральных законов (№ 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» [1], № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [2]), указов Президента Российской Федерации, которые регламентируют поступление, прохождение и прекращение государственной гражданской службы. Параллельно идёт процесс реформирования системы местного самоуправления и института муниципальной службы в рамках новых Федеральных законов (№ 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [3] и № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» [4]).

Говоря же о системе органа по управлению институтом муниципальной службы, необходимо отметить, что непосредственно под системой понимается множество взаимосвязанных и взаимозависимых элементов, функционирование которых обусловлено достижением общих целей. Здесь необходимо отметить, что управление – это внутреннее качество целостной системы, которое является основной функцией организованных систем различной природы. Поэтому не следует отождествлять такие понятия, как *муниципальное управление*, *управление муниципальной службой*, *управление кадровой службы*, поскольку они имеют разную социально-экономическую природу и свою специфику.

Муниципальное управление осуществляет управление практически всеми сферами жизни общества, в том числе и муниципальной службой. Следовательно, муниципальное управление гораздо шире управления муниципальной службой, которое является его составной частью и одним из приоритетных направлений.

Таким образом, термин «управление» является ключевым в исследовании данного вопроса, однако законодательная база Российской Федерации не даёт определения муниципальному управлению, хотя необходимость в таком определении, как мы считаем, сегодня очевидна. И поскольку мы рассматриваем муниципальную службу как объект муниципального управления, то должен быть и субъект управления – орган или система органов по управлению институтом муниципальной службы.

Муниципальное управление можно определить как сложный процесс организационного и правового воздействия управленческого органа на муниципальных служащих, с целью повышения её эффективности, характеризующийся наличием субъекта управления (управляющий элемент – орган управления) и объекта управления (управляемый элемент – системы и подсистемы правового института муниципальной службы), находящиеся в постоянном взаимодействии между собой.

Здесь вполне актуально высказывание В.Г. Афанасьева, который считает, что каждая система всегда есть элемент системы более высокого уровня и сама, в свою очередь, образована из компонентов подсистем более низкого уровня [5]. Следовательно, инсти-

тут муниципальной службы вполне можно рассматривать как подсистему муниципально-го управления и часть системы более высокого уровня – государственного управления.

Управление же муниципальной службой, на наш взгляд, – это формирование специализированной внутренней системы органа управления муниципальной службой, в компетенцию которого входит обеспечение развития и эффективности функционирования единой системы правового института муниципальной службы.

Таким образом, под системой органа управления муниципальной службой следует понимать некую совокупность управленческих структур с чётко регламентированной деятельностью и определённым порядком действий в «форс-мажорных» обстоятельствах, обладающей, в свою очередь, всей полнотой публичной власти в сфере управления муниципальной службой.

Внутренняя структура органа по управлению муниципальной службой состоит из многочисленных отделов, различных служб, комитетов, департаментов, управлений, осуществляющих свою деятельность по различным направлениям в соответствии с указаниями вышестоящего органа. Во главе управленческого органа стоит его непосредственный руководитель, в подчинении которого находятся несколько заместителей по различным направлениям деятельности, секретари и должностные лица, включая муниципальных служащих, а также различные помощники, не относящиеся к категории муниципальных служащих – технический персонал, обеспечивающий непрерывное функционирование внутренних структур управленческого органа.

Из вышесказанного можно заключить, что муниципальная служба – это управляющая система, претворяющая в местную жизнь принимаемые на разных уровнях власти политические решения, которая в свою очередь сама нуждается в управлении со стороны вышестоящего, компетентного органа, образующего единую структуру управления правовым институтом муниципальной службы в России.

Однако на сегодняшний день в федеральном, региональном и местном законодательстве отсутствуют нормы, регламентирующие систему управленческого органа, который бы отвечал за организацию и эффективное функционирование правового института муниципальной службы.

Вышесказанное свидетельствует об исключительной важности изучения данной проблемы, необходимости формирования и развития системы органа по управлению институтом муниципальной службы в Российской Федерации и определения на этой основе наиболее приоритетных направлений её реформирования. Это связано также и с тем, что структурные подразделения управленческого органа в процессе своей деятельности, а именно организации и обеспечении эффективности муниципальной службы, будут непосредственно взаимодействовать с правовыми, информационными, финансовыми, организационными и кадровыми структурами правового института муниципальной службы, подстраивающимися под современные тенденции развивающегося общества.

Тем не менее, по отношению к вышеперечисленным структурам, управляющая система должна иметь определяющее значение, поскольку именно она посредством своих методов и организационных механизмов будет приводить их в реальное действие, оптимизируя затраты и весь процесс муниципального управления, результаты которого будут отражаться на развитии определённой территории, правах и законных интересах местных граждан.

Резюмируя всё вышесказанное, следует отметить, что от качества функционирования системы управленческого органа будет зависеть организация, эффективность и долгосрочные перспективы развития института муниципальной службы в Российской Федерации.

Это ещё раз доказывает исключительную важность исследования данной проблемы в этой области и необходимость формирования и развития управляющих систем как государственной гражданской, так и муниципальной службой. Более того, необходимо законодательно закрепить предметы ведения и полномочия управляющих структур, их взаимодействие между собой, а также место в единой системе управления государственным аппаратом.

Указанная проблема ввиду её актуальности и практической значимости является предметом пристального внимания со стороны учёных-правоведов и практиков административного права, таких как Б.В. Лытов, В.С. Нечипоренко, А.И. Турчинов, В.В. Черепанов и др. [6].

В этой связи необходимо упомянуть о тесной правовой и организационной взаимосвязи государственной гражданской и муниципальной службы. Как правильно отметил Е.Ю. Киреев, с развитием системы местного самоуправления в Российской Федерации муниципальная служба стала развиваться в качестве самостоятельного института, независимо от государственной службы, хотя между ними существует много общего, поскольку и государственная и муниципальная служба являются составляющими системы управления публичными делами, видами публичной службы [7].

Ещё в рамках Отечественного законодательства было предусмотрено, что до принятия соответствующего федерального закона на муниципальных служащих распространяются ограничения, установленные для государственных служащих (ст. 60 ФЗ № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [8]).

Также можно привести ряд действующих нормативных актов, определяющих общность правовой природы государственной гражданской и муниципальной службы, которая в известной мере предопределена комплексом исторических и социально-политических факторов, оказавших и продолжающих оказывать существенное воздействие на процесс становления, развития и трансформации каждого из указанных видов публичной службы. Например, в соответствии со ст. 5 Федерального закона № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» [9] и ст. 7 Федерального закона № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе в Российской Федерации» [10] взаимосвязь муниципальной и государственной гражданской службы обеспечивается посредством: единства основных квалификационных требований, предъявляемых к замещению должностей муниципальной и государственной службы; единства ограничений и обязательств, при прохождении службы, требований при подготовке, переподготовке и повышении квалификации, учёте стажа, соотносительности основных условий оплаты труда и социальных гарантий, а также основных условий пенсионного обеспечения.

Более того, государственная и муниципальная службы имеют единые принципы построения и функционирования системы своих органов: единство правовых и организационных основ; приоритет прав и свобод человека и гражданина; профессионализм и компетентность государственных и муниципальных служащих; равный доступ граждан к государственной и муниципальной службе в соответствии с их способностями и профессиональной подготовкой; правовая и социальная защищенность государственных гражданских и муниципальных служащих.

Из этого вытекает правовое единство основных квалификационных требований, предъявляемых к служащим, замещающим должности государственной гражданской службы и к муниципальным должностям муниципальной службы Российской Федерации. Вышесказанное можно подтвердить на примере города Москвы, законодательство которого наглядно отражает тесную взаимосвязь государственной службы и муниципаль-

ной службы. Достаточно сравнить содержание статьи 3 Закона города Москвы «О государственной службе города Москвы» от 26 января 2005 года [11] и статью 3 Закона города Москвы «О муниципальной службе в городе Москве» от 22 октября 2008 года [12], чтобы убедиться в том, что организация государственной и муниципальной службы основана на единых принципах.

Некоторые авторы даже высказывают мнение о нецелесообразности разделения государственной и муниципальной службы. Так, В.В. Куликов в статье «Реформа местного самоуправления в России: теория и реальность» задаётся вопросом, какой смысл имеет разграничение государственной и муниципальной службы? Обосновывая свою позицию, Куликов В.В. приводит такие факты как: время работы в органах муниципальной власти зачисляется в стаж для предоставления льгот и гарантий в соответствии с законодательством о государственной службе; принцип автономности местного самоуправления требует формирования собственной системы льгот и гарантий; единообразное исчисление стажа на государственной и муниципальной службе; равные пенсионные права служащих [13].

Следовательно, муниципальная служба настолько характеризуется властным содержанием, насколько им обладает и государственная служба в целом. Однако учёные полагают, что пока не удалось решить проблему эффективного взаимодействия государственной службы субъекта Российской Федерации с муниципальной службой, как это требует Концепция реформирования системы государственной службы Российской Федерации и одноимённая целевая Федеральная программа [14], срок действия которой был продлён с 2006 до 2007 года указом Президента РФ № 1437 [15].

Важно отметить, что институт государственной гражданской службы также подвергается реформированию со стороны федеральных законодательных органов, что свидетельствует о его несовершенстве и несоответствии его правовых положений требованиям современных тенденций.

Например, в Федеральной программе под названием «Реформирование государственной службы Российской Федерации (2003 – 2005 годы)», утверждённой Указом Президента Российской Федерации 19 ноября 2002 года № 1336 [16], содержатся положения по формированию системы управления государственной службой. Как отмечено в самой Программе, данная система необходима для обеспечения единства государственной службы Российской Федерации, взаимодействия государственных органов со структурами гражданского общества, координации деятельности государственных органов по вопросам поступления на государственную службу, прохождения и прекращения государственной службы, а также профессионального развития государственных служащих.

При этом за основу реализации данных положений взято единство системы управления государственной службой Российской Федерации и её разделение на федеральный уровень и уровень субъекта Российской Федерации; координация деятельности подразделений государственных органов по вопросам государственной службы и кадров; взаимодействие с органами местного самоуправления и открытость системы управления государственной службой для граждан и гражданского общества.

Таким образом, возвращаясь к разговору о формировании центрального управленческого органа на местном уровне, следует отметить, что фундаментальные основы создания и правового регулирования системы органа управления государственной гражданской службой была заложена ещё в 2003 году, с принятием Федерального закона «О системе государственной гражданской службы» [17].

В главе 3 указанного закона под названием «Система управления государственной службой» в соответствие со ст. 16 установлено, что система управления государственной службой создаётся на федеральном уровне и на уровне субъектов Российской Федерации. Целью создания управленческой системы является координация деятельности государственных органов при решении вопросов поступления на государственную службу, формирования кадрового резерва, прохождения и прекращения государственной службы. Кроме того, к функциям управленческой системы отнесено ведение Сводного реестра государственных служащих Российской Федерации, использование кадрового резерва для замещения должностей государственной службы, подготовка, переподготовка, повышение квалификации и стажировка государственных служащих. Также создание системы управления за институтом государственной гражданской службы предусмотрено для осуществления вневедомственного контроля за соблюдением в государственных органах федеральных законов, иных нормативных правовых актов Российской Федерации, законов и иных нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации о государственной службе.

В отличие же от института государственной гражданской службы, вступивший 1 июня 2007 года в законную силу Федеральный закон «О муниципальной службе в Российской Федерации» [18], определяет лишь основные направления развития института муниципальной службы. Среди основных направлений можно выделить такие, как: совершенствование законодательства субъектов Российской Федерации, установление задач и полномочий органов местного самоуправления в сфере правового регулирования института муниципальной службы.

При этом, о системе органов по управлению муниципальной службой в правовом акте ничего не сказано, как впрочем, и о самих органах. Лишь в ч. 2 ст. 35 вышеупомянутого закона под названием «Программы развития муниципальной службы» упоминаются органы местного самоуправления и избирательные комиссии муниципальных образований [19]. Однако и здесь закон содержит существенный пробел, заключающийся в отсутствии чётко очерченной компетенции этих органов, а также положений, регламентирующих порядок их деятельности, подконтрольность и подотчётность данных органов.

Следовательно, из содержания закона о муниципальной службе остаётся неясным, какие именно органы и с какой компетенцией осуществляют управление правовым институтом муниципальной службы. Соответственно, понять, какие органы и чем занимаются на уровне местного самоуправления, не представляется возможным. К примеру, в ч. 1 ст. 31 закона № 25-ФЗ [20] сказано, что в муниципальном образовании ведётся реестр муниципальных служащих, но какой орган это осуществляет и кому подотчётен, неизвестно. В свою очередь, в ст. 32, 33 данного закона также говорится о кадровом резерве и приоритетных направлениях его развития, но и здесь органы, на которые возложена данная функция, определить невозможно.

Мы считаем, что необходимо принять соответствующий правовой акт на федеральном уровне, который бы установил систему органа по управлению правовым институтом муниципальной службы, с утверждением структуры его органов и чётко очерченной компетенцией.

В целях же правового обеспечения и наиболее эффективного функционирования всей системы управления государственным аппаратом, вопросы по разграничению предметов ведения относительно регламентации государственной гражданской служб-

бы должны решаться между органами государственной власти федерального и регионального уровня, а вопросы муниципальной службы – между государственными органами соответствующего субъекта Российской Федерации и органами местного самоуправления.

Но как отмечает В.В. Пылин, практическое осуществление административной реформы идёт трудно, медленно, с большим отставанием от установленных сроков, с нарушением правовых положений. Всё это происходит не столько из-за некоторых, хотя и достаточно существенных, недостатков правового регулирования, сколько главным образом из-за неудовлетворительного правоприменения законов на местах, правового нигилизма, безответственности и безнаказанности многих муниципальных и государственных руководителей и служащих [21].

Подводя итог вышесказанному, отметим, что необходимость правового закрепления системы управленческого органа на муниципальном уровне имеет очень важное практическое значение и напрямую связано с выполнением самой главной задачи – организации и повышения эффективности функционирования правового института муниципальной службы, а также согласованности и координации действий муниципальных служащих. Поскольку эффективность деятельности органов на муниципальном уровне во многом зависит от профессионализма, компетентности и иных качеств лиц, замещающих должности муниципальной службы. Ведь от уровня профессиональной подготовки и квалификации зависит правомерность и эффективность принимаемых ими решений, а также обеспечение конституционного принципа по защите прав и законных интересов человека и гражданина (ст. 2 Конституции РФ [22]).

Более того, необходимо создать необходимые материально-технические условия и организацию ресурсного обеспечения для эффективного функционирования системы управляющего органа, регламентировать процедуру разрешения конфликта интересов каждого уровня власти, обеспечить развитие этих систем управления и ликвидировать пробелы Отечественного законодательства в части нормативно-правового регулирования профессиональной деятельности государственных и муниципальных служащих.

Несмотря на то, что было сделано немало важных шагов для реформирования правовых институтов государственной и муниципальной службы, стадии практической реализации достигла лишь небольшая часть мероприятий административной реформы, в том числе и в ходе реформы местного самоуправления, а по ряду её приоритетных направлений работы ещё даже не начаты [23].

Тем самым мы ещё раз подчёркиваем острую необходимость в создании и правовой регламентации структуры органа управления правовым институтом муниципальной службы в Российской Федерации.

В заключение правового анализа заявленной проблемы отметим, что об отсутствии системы управления муниципальной службой и необходимости её правовой регламентации на сегодняшний день нужно говорить открыто. Возможно, данный пробел и весьма глобален, но это позволит в дальнейшем устранить его оптимально, путём принятия ряда законопроектов на различных уровнях власти, оставляя возможность «уточнения объёма» полномочий управленческих структур за органами местного самоуправления посредством разработки и принятия местного акта.

Ведь действие и применение нормативно-правовых актов в Российской Федерации осуществляется в соответствие с их строгой иерархией по признаку юридической силы, принявшему органу, дате принятия и т.п.

Примечания

1. СЗ РФ. 2003. № 22. Ст. 2063.
2. СЗ РФ. 2004. № 31. Ст. 3215.
3. СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.
4. СЗ РФ. 2007. № 10. Ст. 1152.
5. Афанасьев В.Г. Системность и общество. – М., Политиздат, 1980. – С. 35-39.
6. Нечипоренко В.С. Проблемы управления государственной службой // Мельников В.П., Нечипоренко В.С. Государственная служба в России: отечественный опыт организации и современность. М., 2003. – № 12 – С. 67-69; Турчинов А.И. Субъект управления государственной службой России: проблемы формирования // Государственная служба. – 2004. – № 1. – С. 42-46; Черепанов В.В. Государственная служба: от модели управления к системе // Наша власть. – 2004. – № 1. – С. 128-133 и др.
7. Киреев Е.Ю. Муниципальная служба: проблемы теории и практики: Монография. – М.: Изд-во РАГС, 2007. – С. 5-17.
8. СЗ РФ. 1995. № 35. Ст. 3506.
9. СЗ РФ. 2007. № 10. Ст. 1152.
10. СЗ РФ. 2004. № 31. Ст. 3215.
11. Ведомости Московской городской Думы. 2005. № 3. Ст. 3.
12. Вестник Мэра и Правительства г.Москвы. 2008. № 65.
13. Куликов В.В. Реформа местного самоуправления в России: теория и реальность // Государство и право. – 2000. – № 11. – С. 16-22.
14. Буралёв М.Ю. Конституционно-правовые основы государственной службы и целесообразность её интеграции с муниципальной службой // Конституционное и муниципальное право. – 2006. – № 10. – С. 75-84.
15. СЗ РФ. 2005. № 51. Ст. 5514.
16. СЗ РФ. 2002. № 47. Ст. 4664.
17. СЗ РФ. 2003. № 22. Ст. 2063.
18. СЗ РФ. 2007. № 10. Ст. 1152.
19. СЗ РФ. 2007. № 10. Ст. 1152.
20. См.: Там же.
21. Пылин В.В. Некоторые аспекты реформирования муниципальной службы // Государственная власть и местное самоуправление. – 2006. – № 7. – С. 19-24.
22. Мирошникова В.А. Комментарии к Конституции Российской Федерации. – М.: Ассоциация авторов и издателей «Тандем». Издательство ЭКМОС, 1997. – С. 9.
23. Киреев Е.Ю. Муниципальная служба: проблемы теории и практики: Монография. – М.: Изд-во РАГС, 2007. – С. 62-67.

Е.Л. Налбандян

ПРОЦЕССУАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ АКТЫ КАК СРЕДСТВО ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРАВОТВОРЧЕСКОЙ ПРОЦЕССУАЛЬНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ

В современных условиях правовое регулирование общественных отношений отражает существующие интересы государственной власти, с одной стороны, и интересы общества и отдельного гражданина, с другой. И именно разумное сочетание этих интересов в правовой политике государства является необходимым условием эффективности правовой системы, призванной смягчить возникающие противоречия между обществом и государством. Как один из способов устранения таких противоречий можно рассматривать устранение пробелов в праве или регулирование спорных общественных отношений посредством правотворчества.

Правотворчество – это один из способов упорядочения общественных отношений, достижения необходимого сочетания интересов на властном государственном уровне, так как правовая политика государства должна наиболее объективно отражать не только актуальные потребности общества в том или ином правовом акте, но и создать механизмы его реализации в системе действующей правовой системы.

Процессуальное правотворчество, выступая особой разновидностью государственного правотворчества, является средством осуществления процессуально-правовой политики государства при создании эффективного механизма процессуально-правового регулирования юрисдикционного процесса. Процессуально-правовой акт как юридически закрепленный результат правотворческой деятельности государства отражает, вследствие этого, не только сложившуюся политику государства в целом, но и действенность механизма реализации нормы права, процессуальные гарантии ее обеспечения.

Процессуальный правовой акт – это внешняя форма выражения норм материального или процессуального права органом государственной власти. Эти нормы регулируют процессуальные правоотношения, которые возникают в процессе осуществления правосудия или в процессе подготовки к осуществлению правосудия, применимые непосредственно к участникам процессуальных правоотношений и имеющие обязательную силу на всей территории РФ и для всех субъектов процессуальных правоотношений.

При этом, процессуально-правовые акты можно наблюдать как в ряде уже сформировавшихся самостоятельных процессуальных отраслях (уголовно-процессуального, гражданского и арбитражного процессуального права), так и в отдельных подотраслях права, например, подотрасли конституционного права – конституционного процесса, подотрасли административного права – административного процесса.

Гарантированные государством права и свободы граждан на практике совершенно не влекут их безусловное соблюдение, например, в связи с существующими размытыми или нечеткими границами законодательного регулирования процесса их реализации, либо отсутствия регулирования такого процесса вовсе. В связи с этим только разработанный государством процессуально-правовой механизм такой реализации будет способен привести к неуклонному исполнению этих прав и свобод. И в данном случае процессу-

ально-правовая политика государства, безусловно, будет представлять собой важную составляющую правовой политики государства.

В период с 2002 г. отмечено значительное расширение круга изданных нормативно-правовых актов, в том числе процессуально правовых актов: были приняты новые Уголовный процессуальный кодекс Российской Федерации, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации.

Необходимость принятия арбитражного-процессуального кодекса РФ 2002 года была продиктована многими обстоятельствами. Множество принятых со времен АПК РФ 1995 г. материально-правовых законов (очередные части Гражданского кодекса РФ, Налоговый и Бюджетный кодексы, законодательство в сфере коммерческого права, закон об исполнительном производстве и др.), расширили компетенцию арбитражных судов и потребовали новой процессуальной формы разрешения данных споров. По мнению некоторых авторов, вступление России в Совет Европы, ратификация европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод и распространение на Россию юрисдикции Европейского Суда по правам человека, потребовали приведения процессуального законодательства в соответствие со стандартами Совета Европы, касающимися повышения эффективности судебной защиты [1].

Интересы граждан и предпринимателей требовали установления более четких критериев для разграничения подведомственности между арбитражными судами и судами общей юрисдикции с целью достижения оптимального способа рассмотрения дел (так в новом АПК была расширена сфера дел, подсудных арбитражному суду, отдельно предусмотрена специальная подведомственность дел арбитражным судам), а практика применения АПК 1995 года выявила в нем пробелы, противоречия, несогласованность его норм с другими законами (так были признаны неконституционными, ч.1 ст.185 [2], ч.2 ст.192 АПК [3] и др. нормы).

В новом кодексе было введено много новых институтов и правовых норм, совершенствующих порядок рассмотрения и разрешения дел, обеспечивающих дополнительные гарантии защиты прав организаций и граждан-предпринимателей. Так, впервые в процессуальном праве был введен институт обеспечительных мер, направленных на обеспечение иска или имущественных интересов заявителя (ст.90) и др.

Аналогично обстояло дело и с Гражданским процессуальным кодексом РФ. Предыдущий был принят еще в 1964 году, т.е. в совершенно иных экономических, политических, общественных условиях России.

Как показывала практика, с изменением в 90-х годах правовой системы Российской Федерации это законодательство, во-первых, стало во многом противоречить новому праву России и, во-вторых, создало многочисленные пробелы, поскольку не учитывало особенности производства по принципиально новым категориям дел, перешедшим в подведомственность судов [4].

По мнению ряда авторов, в течение 90-х годов в Российской Федерации было принято много различных законодательных актов (Конституция РФ, ряд федеральных конституционных законов, кодексов, других федеральных законов), которые содержали положения, имеющие самое прямое отношение к гражданскому судопроизводству (определяющие его принципы, устанавливающие отдельные правила производства по гражданским делам и т.д.), т.е. являющиеся источниками гражданского процессуального права. Отсутствие указания на эти новые источники гражданского процессуального права в едином, кодифициро-

ванном акте (ГПК 1964 года) значительно осложняло осуществление правосудия по гражданским делам. Фрагментарное изменение гражданского процессуального кодекса не смогло смягчить остро возникающие на практике процессуальные проблемы.

В рамках осуществляемой судебной реформы 14 ноября 2002г. был принят новый Гражданский процессуальный кодекс РФ, вступивший в силу 1 февраля 2003 г.

Необходимость принятия указанных актов позволило обеспечить процессуальные вопросы юридического обеспечения защиты законных прав субъектов, сочетая интересы частного и публичного. Таким образом, в рамках процессуальной правотворческой деятельности, государство способствовало новой ступени в развитии процессуального права в общем и процессуального правовых норм как его составляющей в частности.

Однако, несмотря на столь существенный скачок и получение столь прогрессивных процессуальных кодексов в 2001 начале 2002 годах, адекватно приспособить их к новым условиям развития общественных отношений не представилось возможным, был обнаружен ряд недостатков, вследствие чего в кодексы были внесены существенные изменения.

Так, только в Гражданский процессуальный кодекс федеральными законами было внесено около 20 поправок, в арбитражный процессуальный кодекс – около 10, а в уголовном процессуальном кодексе были внесены изменения фактически во все статьи.

В рамках осуществляемой правовой реформы изменилось и отношение к тенденции внедрения в систему процессуальных правовых актов постановлений Конституционного, Верховного и Высшего Арбитражного судов.

И это небезосновательно. В связи с усиливающейся в последнее время ролью суда как универсального способа защиты прав и свобод, возрастает и роль процессуального права, так как качественное выполнение задач, стоящих перед органом правосудия, напрямую зависит не только от материальных, но и процессуальных норм и уровня их применения.

И хотя можно бесконечно спорить о том, что судебные органы не должны иметь возможность процессуального правотворчества, и тем более своими позициями умалять значение или силу закона, неспособность законодательного органа в рамках процессуальной правотворческой деятельности своевременно регулировать возникающие реалии общественных отношений дает повод к судебному процессуальному правотворчеству, что никак не умаляет место и роль Конституции РФ, федеральных конституционных законов и подзаконных актов в системе права, так как, по сути, они не подменяют собой закон.

Данная деятельность может производить существенный политический эффект, особенно при конфликте интересов, отсутствия единства взглядов там, где отсутствует надлежащее правовое оформление, что может способствовать укреплению государственного строя, формированию и развитию правового государства.

В современном государстве судебными органами постоянно ведется поиск эффективных путей разрешения коллизионных, спорных проблем правовой базы, применяемой судьями. Итогом такой деятельности является имеющий внешнюю форму выражения процессуальный акт, который в последнее время в большинстве случаев приобретает характер нормативно-правового акта.

Сегодня общеобязательным характером обладают акты высших судебных инстанций – решения Конституционного Суда РФ, постановления пленумов Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ. Поэтому следует согласиться со справедливым взглядом Р.З. Лившица, подметившего, что «государственная власть осуществляется тремя основными ветвями: законодательством, управлением, правосудием. Средством осу-

шествования власти служат, прежде всего, правовые нормы, поэтому основными видами правовых норм следует считать акты законодательства, управления и правосудия» [5].

Данное мнение сложно не поддержать, так как не может не сказываться на эффективности и качестве отправления правосудия наличие противоречивых законов. А судебные решения представляют собой более гибкий способ преодоления пробелов в законодательстве.

В качестве примера приведем постановление Конституционного Суда РФ от 14 апреля 2008г. №7-П «По делу о проверке конституционности абзаца второй статьи 1 Федерального закона «О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан» в связи с жалобами ряда граждан» [6], которым было признано неконституционным положение ФЗ «О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан», в части, устанавливающей запрет на регистрацию граждан по месту жительства в пригодном для постоянного проживания жилом строении, расположенном на садовом земельном участке, который относится к землям населенных пунктов.

Как пояснил Конституционный суд РФ, исключая право граждан на регистрацию в жилых строениях, возведенных на садовых участках, федеральный законодатель исходил из необходимости обеспечения целевого назначения этих участков. Вместе с тем, в результате такого использования института регистрации оказалось ограничено конституционное право граждан на выбор места жительства. Правоприменительные органы признают возможность регистрации граждан только в жилых домах, отказывая в регистрации в жилых строениях. Между тем, Закон РФ «Об основах федеральной жилищной политики», предусматривавший право граждан, имеющих в собственности жилые строения, которые расположены на садовых участках и отвечают требованиям нормативов, предъявляемых к жилым помещениям, переоформить их в качестве жилых домов с приусадебными участками на праве частной собственности, утратил силу. Отсутствуют соответствующие нормативные положения и на уровне субъектов РФ, и муниципальных образований. В то же время, тот факт, что ЖК РФ прямо не предусматривает возможность указанного переоформления, не свидетельствует об изменении политики государства в области жилищных отношений. При таких обстоятельствах оспариваемое положение Федерального закона представляет собой препятствие для осуществления конституционного права граждан на выбор места жительства. Данная норма порождает правовую неопределенность, нарушает конституционный принцип равенства, позволяет органам регистрационного учета отказывать в регистрации по месту жительства гражданам, которые постоянно проживают в возведенных на садовых участках жилых строениях, являющихся для них единственно возможным местом жительства.

Конституционный суд РФ отметил, что до внесения соответствующих изменений в ФЗ субъекты РФ вправе в опережающем порядке осуществить надлежащее правовое регулирование, определив порядок признания жилых строений на садовых земельных участках пригодными для постоянного проживания, а органы местного самоуправления – утвердить правила землепользования и застройки. Кроме того, до принятия соответствующих нормативных актов признание жилых строений пригодными для постоянного проживания может осуществляться судами общей юрисдикции в порядке установления фактов, имеющих юридическое значение.

Такого рода постановления, по сути, позволяют решить ряд практических проблем и, в то же время, бесспорно, оказывают влияние на сам процесс правотворчества. Право-

вые позиции Конституционного суда выступают тем фундаментом, на котором создаются и применяются нормы всех отраслей права: гражданского, административного, уголовного и других отраслей, а в решениях Конституционного суда РФ получает свое выражение правосудие как одна из форм проявления государственной власти [7].

Круг общественных отношений, требующих регламентации достаточно широк и разнообразен. Посредством осуществления адекватного процессуального правотворчества государство способствует укреплению правового государства, стабильности правовой системы, реализации основных направлений правовой политики. И в системе разделения властей, суд, как орган государственной власти, играя роль вспомогательного правотворца, также способствует не только совершенствованию процессуального законодательства, но и реализации основных направлений государственной процессуально-правовой политики в создании условий эффективного правосудия.

Именно отсюда все больше получает распространение взгляд на решения вышестоящих судов как на источник права, так как принятые и опубликованные акты Верховного, Высшего Арбитражного и Конституционного суда служат примером для будущих судебных решений, особенно для нижестоящих судов.

Данное положение подкреплено ч.1 ст.304 АПК РФ, согласно которой «судебные акты арбитражных судов, вступившие в законную силу, подлежат изменению или отмене, если при рассмотрении дела в порядке надзора Президиум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации установит, что оспариваемый судебный акт нарушает единообразие в толковании и применении арбитражными судами норм права».

Таким образом, законодательно государство, в рамках осуществления правотворческой процессуально-правовой политики, повысило значение постановлений и разъяснений Высшего Арбитражного суда РФ, которые принимаются в результате изучения и обобщения практики применения законов и иных нормативных правовых актов.

Анализ практики показывает, что не всегда в нарушение п.1 ст.304 АПК РФ Президиум ВАС РФ ссылается на ту практику, из которой следует вывод о нарушении единообразия в толковании и применении норм права нижестоящими судами. Однако есть и исключения. Так, в Постановлении Президиума ВАС РФ от 11.02.2003 г. №393/02 по делу ЗАО «Каустик» к Инспекции Министерства Российской Федерации по налогам и сборам об уменьшении его задолженности по начисленным, но не уплаченным дополнительным платежам содержится отсылка к определению Конституционного Суда Российской Федерации от 13.11.2001г. №225-О, которым Конституционный суд признал установленный Законом Российской Федерации «О налоге на прибыль предприятий и организаций» порядок исчисления и уплаты налога на прибыль соответствующим Конституции Российской Федерации, а также к постановлению Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 28.01.2003г. №6344/02 и №2/03. В этих документах делается вывод, что положения ст.8 Закона Российской Федерации «О налоге на прибыль предприятий и организаций» подлежали применению. Таким образом, Президиум вынес судебный акт на основании сформировавшейся судебной практики.

Учитывая изложенное, можно сделать вывод о том, что, хотя правотворческая деятельность судов в правовой системе России официально не признается и в доктрине интерпретируется противоречиво, но фактически она существует и через высшие судебные инстанции непременно влияет на развитие права. Такое же положение наблюдается и в ряде других стран Европейского континента (Греция, Италия, Нидерланды, ФРГ и др.) [8]. Такой точки зрения, в частности, придерживается В.Д. Зорькин.

Аналогичного мнения придерживаются и В.М. Жуйков, считая, что в настоящее время суды зачастую вынуждены «создавать (творить) право, иначе их деятельность станет не просто не эффективной, а приведет к результатам, противоположным тем, которые от них вправе ожидать общество: они будут не защищать права, а способствовать их нарушениям» [9].

И с этим сложно не согласиться. Ведь любой правовой акт, являясь, по сути, актом правотворческого органа, не может охватить своим правовым регулированием все особенности общественных отношений, различные нюансы, имеющие значение в практической жизни отдельного субъекта права. В момент правотворчества невозможно предусмотреть, насколько издаваемые нормы права будут адаптивны к уже существующим нормам. Правовой акт представляет собой лишь рамочное (абстрактное) их регулирование, и потому он говорит «в своих нормах только о людях вообще, о деяниях, отношениях, полномочиях и обязанностях вообще, выделяя одни стороны и свойства как существенные и оставляя другие без внимания» [10].

Такое рамочное регулирование и вызванная объективными причинами невозможность охватить законом и урегулировать с его помощью все наиболее важные общественные отношения с неизбежностью порождает пробелы и, как следствие этого коллизии в праве, восполнить и заполнить которые можно, но для начала необходимо признать за судами функции процессуального правотворчества. Именно суд как наиболее юридически компетентный орган способен своими общими по характеру решениями компенсировать данные недостатки закона. И практическое влияние на правотворчество деятельности Конституционного суда РФ, Высшего Арбитражного суда РФ и Верховного суда РФ как органов правосудия, реализующих основные направления политики государства в области защиты прав и интересов личности, общества и государства, безусловно, наблюдается.

Под воздействием их решений устанавливается правильное соотношение между различными правовыми принципами, нормами, между разными законами, между законами и подзаконными актами, быстрее восполняются правовые пробелы. Судебная деятельность порой даже возникает в силу спора, регулирование которого невозможно из-за отсутствия правовой регламентации. В рамках судебной деятельности в особом процессуальном порядке и осуществляется процесс выработки тех норм, регулярное применение которых позволяет говорить о том, что они служат образцами для идентичных случаев.

Так, согласно гражданскому законодательству компенсация морального вреда один из способов защиты гражданских прав. В статье 151 Гражданского кодекса РФ установлен общий порядок, условия и способы компенсации морального вреда, однако само содержание понятия моральный вред отсутствует.

В связи с этим, в целях обеспечения правильного и единообразного применения законодательства, регулирующего компенсацию морального вреда, наиболее полной и быстрой защиты интересов потерпевших при рассмотрении судами дел этой категории Пленум Верховного Суда Российской Федерации дал разъяснения в постановлении от 20 декабря 1994 г., установив, что под моральным вредом понимаются нравственные или физические страдания, причиненные действиями (бездействием), посягающими на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага (жизнь, здоровье, достоинство личности, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна и т.п.) либо нарушающими его личные неимущественные права (право на пользование своим именем, право авторства и другие неимущественные права в соответствии с законами об охране прав на результаты интеллектуальной деятельности), либо нарушающими имущественные права гражданина» [11].

Таким образом, данное постановление превратилось в своего рода норматив для судов нижестоящей инстанции, обеспечивая единообразное применение закона.

Аналогично решается вопрос со ст. 395 ГК РФ о процентах за пользование чужими денежными средствами и др.

Различные определения понятий правовых явлений имеются и во многих других постановлениях Пленума Верховного суда РФ. Под их воздействием формируется единая процессуально-правовая политика государства, единое правовое пространство для субъектов процессуальных правоотношений. И юридическую значимость таких актов сложно недооценить. Ведь они являются инструментом воплощения важнейших государственных решений.

В условиях конституционного провозглашения высшей ценности прав и свобод человека и гражданина, политика государства, несомненно, должна быть ориентирована на процессуальные механизмы их соблюдения и защиты, так как полное или частичное отсутствие процессуально-правовых средств воздействия на общественные отношения делают невозможным установление единообразия в практике применении этих прав и свобод. Поэтому процессуально-правовые акты как средство осуществления правотворческой процессуально-правовой политики государства призваны обеспечить эффективность правового воздействия на правоотношения субъектов юрисдикционного процесса, единообразное регулирование их процессуальной деятельности, соблюдение принципа законности всеми уполномоченными субъектами процессуальных отношений, а также приоритет защиты прав и законных интересов участников. При этом государственная политика в указанной сфере полностью влияет не только на складывающуюся судебную практику, но и на правовую систему государства в целом.

Однако в современных условиях преждевременно говорить о совершенстве механизма процессуально-правового регулирования общественных отношений. Об этом свидетельствует тот факт, что процессуально-правовая политика государства по-прежнему ориентирована на совершенствование процессуального законодательства.

Примечания

1. Бойков О. Арбитражный процессуальный кодекс 2002 года: повышение эффективности судебной защиты // Российская юстиция. – 2002. – №10. – С. 2.

2. Определение Конституционного Суда РФ от 14 января 2000 г. №3-О «По жалобе ООО «Мемфис Дивижн» на нарушение конституционных прав и свобод частью 1 статьи 185 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 6 марта 2000г. – п.№10. Ст. 1165.

3. Постановление Конституционного Суда РФ от 3 февраля 1998 г. №5-П «По делу о проверке конституционности статей 180, 181, пункта 3 части 1 статьи 187 и статьи 192 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 9 февраля 1998 г. – № 6. – Ст. 784.

4. Жуйков В. Комментарий нового законодательства ГПК РФ и другие источники гражданского процессуального права // Российская юстиция. – 2003. – №4.

5. Лившиц Р.З. Современная теория права. Краткий очерк. – М., 1992. – С. 46.

6. Собрание законодательства Российской Федерации от 5 мая 2008 г. №18. Ст. 2089.

7. Витушкин В.А. Юридическая природа определений Конституционного суда РФ (электронный ресурс): дис...канд. юрид. наук – М.: РГБ, 2003 (из фондов Российской государственной библиотеки).

8. Зорькин В.Д. Прецедентный характер решений Конституционного суда Российской Федерации // Журнал российского права. – 2004. – №12.

9. Жуйков В.М. К вопросу о судебной практике как источнике права//Судебная практика как источник права. – М., 1997. – С. 20.

10. Марченко М.Н. Судебное правотворчество и судебское право. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2007. – С. 98.

11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 1994 г. №10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 1995. – №3.

Э.К. Заринова

ЭВОЛЮЦИЯ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭКОЛОГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ

В данной статье анализируется формирование и развитие системы и структуры федеральных органов исполнительной власти, осуществляющих государственное экологическое управление. Обращение к историческому опыту формирования системы и структуры государственного экологического управления определяется задачами повышения ее эффективности и вытекает из следующих обстоятельств: повышение требований к качеству экологического управления; кардинальные изменения организации государственного управления; реформирование системы органов исполнительной власти. Новизна исследуемого вопроса обусловлена тем, что до настоящего времени не проводилось комплексных и системных исследования эволюции органов государственного экологического управления.

Государственное экологическое управление является видом государственного управления и представляет собой урегулированную нормами права деятельность государственных органов и должностных лиц, призванную сохранить и улучшить окружающую среду, обеспечить охрану природных ресурсов, рациональное природопользование, воспроизводство природных ресурсов, а также обеспечить благоприятные условия жизнедеятельности и экологическую безопасность [1].

Условно в формировании и эволюции органов государственного экологического управления можно выделить семь периодов. В основу данной периодизации легли исторические факты, реформирование системы и структуры федеральных органов исполнительной власти на основании Указов Президента РФ и изменения в природоохранительном и природоресурсном законодательстве.

Первый период (1988-1991 гг.) начинается с принятия поистине исторического Постановления ЦК КПСС и Совета министров СССР от 7 января 1988 г. № 32 «О коренной перестройке дела охраны природы в стране» [2]. Была признана большая общественная значимость охраны природы. Для совершенствования охраны природы в стране, повышения ответственности на всех уровнях за качество природной среды, организации рационального использования, воспроизводства и охраны природных ресурсов, а также улучшения координации деятельности был создан Государственный комитет СССР по охране природы, который контролировал деятельность других ведомств в сфере охраны природы, в том числе и одноименные территориальные ведомства в Союзных Республиках.

Госкомитет являлся органом управления природоохранной деятельностью, разрабатывал и проводил единую научно-техническую политику в сфере охраны природы и рационального использования природных ресурсов, осуществлял координацию деятельности министерств и ведомств СССР в соответствующей сфере. Он нес всю полноту ответственности за охрану природы, организацию рационального использования и воспроизводства природных ресурсов в стране. Госкомитет СССР осуществлял государственный экологический контроль, утверждал нормативы, правила и стандарты по регулированию использования природных ресурсов и охране природной среды от загрязнения и

других вредных воздействий, осуществлял государственную экологическую экспертизу. Руководство Госкомитетом осуществлял Совет Министров СССР.

Таким образом, это был первый независимый природоохранный орган в нашей стране, осуществляющий большинство функций в соответствующей сфере.

Второй период (с 1991 по 1993 гг.) начинается после распада СССР и обусловлен изменением формы государственного устройства. Государственный комитет СССР по охране природы 14 июня 1991 года был преобразован в Государственный комитет РСФСР по экологии и природопользованию (Госкомприрода РСФСР) [3]. Далее 28 ноября 1991 года оно было преобразовано в Министерство экологии и природных ресурсов РСФСР [4] на базе упраздняемых Министерства лесного хозяйства РСФСР, Государственного комитета РСФСР по геологии и использованию недр и Комитета по водному хозяйству. Преобразование госкомитета в министерство говорит, с одной стороны, о повышении статуса органа экологического управления, с другой – об утрате статуса надведомственного органа. В то же время иных природоохранных структур не было создано.

С 1992 года организационно-правовыми формами центральных органов федеральной исполнительной власти являются: министерство, государственный комитет, комитет, федеральная служба, российское агентство, федеральная инспекция. Указом Президента РФ от 30 сентября 1992 г. № 1148 «О структуре центральных органов федеральной исполнительной власти» [5] Минэкологии было переименовано в Министерство охраны окружающей среды и природных ресурсов РФ (Минприроды России). Природоресурсные органы, на базе которых в свое время создавался Минэкологии, стали вновь самостоятельными государственными структурами. В этот период действуют Государственные комитеты РФ по водному хозяйству, по геологии и использованию недр, по земельным ресурсам и землеустройству, по рыболовству, Федеральные службы: лесного хозяйства, по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды, геодезии и картографии России. Минприроды РФ являлось комплексным и головным органом всей системы специально уполномоченных органов государственного управления в сфере экологии и осуществляло координацию деятельности этих органов.

Итак, основной смысл реформы 1992 года в сфере экологии состоял в том, что была сформирована система государственного экологического управления во главе с министерством.

Третий период начинается с принятием Конституции РФ 1993 года. В связи с закреплением разделения власти в Конституции РФ 1993 г., произошла замена старого понятия «органы государственного управления» на новое понятие «исполнительные органы государства», «органы исполнительной власти». Министерство охраны окружающей среды и природных ресурсов РФ стало федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим государственное управление и координацию деятельности в области охраны окружающей среды, регулирования природопользования, обеспечения экологической безопасности, и наряду с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации несло ответственность за оздоровление и улучшение качества окружающей среды [6]. Минприроды России при регулировании природопользования согласовывает и утверждает нормы и правила использования природных ресурсов, а также правила ведения хозяйственной и иной деятельности, оказывающей воздействие на окружающую природную среду.

Четвертый период (1996-1999 гг.) характеризуется перераспределением полномочий в сфере охраны окружающей среды. В целях определения рациональной структуры

федеральных органов исполнительной власти и в соответствии со ст. 112 Конституции РФ Указом Президента РФ «О системе федеральных органов исполнительной власти» от 14 августа 1996 г.[7] было установлено, что в систему федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации входят министерства РФ (федеральные министерства) и иные федеральные органы исполнительной власти: государственные комитеты РФ, федеральные службы России, российские агентства, федеральные надзоры России.

Были упразднены Министерство охраны окружающей среды и природных ресурсов РФ, Комитет РФ по водному хозяйству и Комитет РФ по геологии и использованию недр, и на их базе созданы Министерство природных ресурсов РФ и Государственный комитет РФ по охране окружающей среды, распределившие между собой полномочия Министерства охраны окружающей среды и природных ресурсов РФ. Таким образом, статус центрального органа России, ответственного за управление в области охраны окружающей среды, в соответствии с Указом Президента РФ от 14 августа 1996 г. был существенно понижен.

В октябре 1996 г. Правительством РФ были приняты постановления «Вопросы Министерства природных ресурсов Российской Федерации» [8] и «Вопросы Государственного комитета Российской Федерации по охране окружающей среды» [9], которыми до утверждения положений об этих органах было проведено разграничение некоторых их полномочий. Превысив свои полномочия, Правительство РФ постановило возложить на Госкомэкологию России осуществление государственной политики в сфере охраны окружающей среды, обеспечение экологической безопасности и сохранение биологического разнообразия, межотраслевую координацию и функциональное регулирование в этой сфере деятельности, а также осуществление государственного экологического контроля, государственной экологической экспертизы и управления государственными природными заповедниками и другими особо охраняемыми территориями, находящимися в его ведении.

Что касается Министерства природных ресурсов РФ, то на него возложено проведение государственной политики в сфере изучения, воспроизводства, использования и охраны всех видов природных ресурсов, применяемых в экономике страны, координация деятельности в этой сфере иных федеральных органов исполнительной власти и осуществление управления государственным фондом недр, а также использованием и охраной водного фонда.

Помимо Государственного комитета РФ по охране окружающей среды и Министерства природных ресурсов РФ в систему специально уполномоченных государственных органов в области природопользования и охраны окружающей среды входят Государственный комитет РФ по земельным ресурсам и землеустройству; Федеральная служба лесного хозяйства России.

Как отмечает Бринчук М.М., при множестве специально уполномоченных государственных органов управления природопользованием и охраной окружающей среды происходит дублирование той или другой деятельности, и потому существенным является вопрос о ее координации, т.е. обеспечении взаимодействия или согласованного действия государственных органов или их структурных подразделений, не находящихся в отношениях подчинения, по решению возложенных на них нормативными правовыми актами общих задач и функций в области природопользования и охраны окружающей среды [10].

В законодательстве функция координации оставалась долгое время урегулированной слабо, недостаточно последовательно. Как уже отмечалось, на Госкомэкологию России были возложены функции межотраслевой координации в сфере охраны окружающей среды, обеспечения экологической безопасности и сохранения биологического разнообразия. Однако одновременно координация по охране всех видов природных ресурсов, применяемых в экономике страны, была возложена на Министерство природных ресурсов РФ (известно, что охрана отдельных природных ресурсов есть часть охраны окружающей среды). Координация деятельности по использованию иных природных ресурсов (вне особо охраняемых природных территорий, находящихся в ведении Госкомэкологии РФ) не регулировалась вовсе.

Госкомэкология должна была проводить и функциональное регулирование в этой сфере деятельности, а также осуществлять государственный экологический контроль, государственную экологическую экспертизу и управление государственными природными заповедниками и другими особо охраняемыми территориями, находящимися в его ведении. Таким образом, не был обеспечен принцип разделения хозяйственно-эксплуатационных и контрольно-надзорных функций, что являлось одним из основных дефектов организации государственного управления в рассматриваемой сфере. Схожие полномочия осуществляли и Министерство природных ресурсов РФ, Роскомрыболовство, Федеральная служба лесного хозяйства России, на которые были также одновременно возложены функции управления рациональным использованием и охраной природных объектов и функции их хозяйственного использования.

Таким образом, в сфере государственного управления экологией происходит разделение на две части – управление в области охраны окружающей среды, возглавляемое Госкомэкологией, и управление в сфере использования природных ресурсов, возглавляемое Минприроды. Это влекло дублирование функций (так как невозможно отделить природопользование от охраны природных объектов), отсутствие координации деятельности всех органов исполнительной власти, осуществляющих полномочия в рассматриваемой сфере. Кроме того, не были разделены функции государственного экологического контроля и функций хозяйственного использования природных ресурсов.

Пятый период (2000-2004 гг.) характеризуется реформированием системы и структуры федеральных органов исполнительной власти. Как отмечает А.В. Яблоков, в этот период возобладала идеология деэкологизации: одним из первых указов В.В. Путина был Указ от 17 мая 2000 г. № 867 [11] о ликвидации Госкомэкологии, Рослесхоза и Госкомзема России. Их функции были переданы новому ведомству – Министерству природных ресурсов РФ. Таким образом, охранять природу должна была служба, отвечающая за ее эксплуатацию. Одновременно с этим, Министерство внутренних дел приняло решение о запрете экологической милиции, Генеральный прокурор начал проверку всех экологических организаций [12], Федеральная служба безопасности РФ бездоказательно обвинило экологических активистов в шпионаже (дела А.Никитина, Г.Пасько и т.д.). Таким образом, в России практически «исчезли» самостоятельные и независимые природоохранные структуры.

Полномочия Министерству природных ресурсов РФ были определены в положении о Министерстве природных ресурсов, утвержденным постановлением Правительства РФ от 25.09.2000 г. № 726 [13]. В соответствии с этим положением Министерство природных ресурсов Российской Федерации (МПР России) являлось федеральным органом исполнительной власти, проводящим государственную политику и осуществляющим

управление в сфере изучения, использования, воспроизводства, охраны природных ресурсов (в том числе и земельных) и окружающей природной среды, обеспечения экологической безопасности, а также координирующим деятельность в этой сфере иных федеральных органов исполнительной власти.

Кроме того, МПР России является:

- органом управления государственным фондом недр и лесным хозяйством;
- специально уполномоченным государственным органом управления использованием и охраной водного фонда;
- специально уполномоченным государственным органом в области использования, охраны, защиты лесного фонда и воспроизводства лесов, охраны окружающей природной среды, государственной экологической экспертизы, охраны, контроля и регулирования использования объектов животного мира и среды их обитания, охраны атмосферного воздуха, а также в пределах своей компетенции – в области обращения с отходами (за исключением радиоактивных) и осуществления государственного контроля за использованием и охраной земель.

Анализ полномочий показывает, что вместо нескольких специализированных природоохранных структур осталась одна, которая кроме использования природных ресурсов, должна была осуществлять вневедомственный контроль и экологическую экспертизу [14]. Не вызывает сомнений то, что невозможно обеспечить независимость экологического контроля и экспертизы в рамках ресурсного ведомства.

Существовавшая система управления природными ресурсами, конечно, требовала совершенствования. Попытки ее реконструкции оказались неудачными из-за отсутствия открытого обсуждения реформирования природоохранных ведомств с региональными органами власти и общественностью. Необходимо было совершенствовать структуру государственного экологического управления на принципах отделения функций государственного контроля от функций использования и распоряжения природными ресурсами, разграничения полномочий между федеральными органами власти, органами власти субъектов Федерации и органами местного самоуправления.

Необходимо было создать новое ведомство, в котором были бы сосредоточены контролирующие и природоохранные функции. С другой стороны, в рамках МПР РФ целесообразным было бы сосредоточить все функции, связанные с непосредственным управлением природными ресурсами и обеспечением потребностей экономического развития страны. Это было решено в рамках административной реформы, начатой Президентом РФ в 2004 г.

Шестой период (2004-2008 гг.) характеризуется новым витком развития органов в области охраны окружающей среды в связи с изданием Указа Президента РФ от 09.03.2004 г. № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» [15]. В соответствии с Указом, в систему федеральных органов исполнительной власти входят федеральные министерства, федеральные службы и федеральные агентства.

Министерство природных ресурсов РФ сохранилось в структуре федеральных органов исполнительной власти, однако его функции изменились в связи с образованием новых, подведомственных ему органов: Федерального агентства водных ресурсов, Федерального агентства лесного хозяйства, Федерального агентства по недропользованию и Федеральной службы по надзору в сфере экологии и природопользования.

В рамках новой структуры органов государственного экологического управления было осуществлено разделение функций нормативного регулирования в области охраны

окружающей среды и использования природных ресурсов (осталось за министерствами), экологического контроля и надзора, в том числе экологической экспертизы (федеральные службы) и хозяйственного использования природных ресурсов (федеральные агентства).

В то же время разделение объектов охраны окружающей среды между несколькими федеральными органами исполнительной власти привело к ухудшению экологической обстановки в стране. При этом, как отмечает А.А. Дятлов, начальник Отдела охраны окружающей среды Департамента социального развития и охраны окружающей среды Аппарата Правительства Российской Федерации, из-за отсутствия единого федерального органа, ответственного за обеспечение проведения единой федеральной государственной политики в сфере охраны окружающей среды, отдельные важнейшие функции государственного регулирования в данной сфере (экологический мониторинг и образование) не были закреплены ни за одним федеральным органом, а по ряду функций (экологический контроль, экологическое нормирование, экологическая экспертиза) имелось дублирование. Взаимодействие органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации с многочисленными территориальными органами министерств и ведомств также было чрезвычайно затруднено [16]. Количество органов государственного управления в сфере охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности было увеличено до 12, снизилась эффективность государственного регулирования и контроля.

Необходимо было дальнейшее совершенствование экологического управления, устранение совмещения функций охраны окружающей среды и управления хозяйственным использованием природных ресурсов, концентрация правоустанавливающих полномочий в сфере охраны окружающей среды в одном федеральном органе исполнительной власти, а контрольно-надзорных функций – в другом ведомстве.

Седьмой период (с 2008 года) характеризуется перераспределением функций федеральных органов исполнительной власти в области природопользования и охраны окружающей среды с целью недопущения дублирования ряда полномочий в данной сфере, появлением новой структуры органов экологического управления.

Указом Президента от 12 мая 2008 год № 724 [17] Министерство природных ресурсов РФ было преобразовано в Министерство природных ресурсов и экологии РФ. Минприроды России является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере использования и охраны природных ресурсов, охраны окружающей среды, включая вопросы, касающиеся особо охраняемых природных территорий и государственной экологической экспертизы, безопасности окружающей среды, в сфере гидрометеорологии и мониторинга окружающей природной среды.

Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации осуществляет координацию и контроль деятельности подведомственных ему Федеральной службы по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды, Федеральной службы по надзору в сфере природопользования, Федеральной службы по экологическому, технологическому и атомному надзору, Федерального агентства водных ресурсов и Федерального агентства по недропользованию [18].

Таким образом, в ведении Минприроды «собраны» практически все природоохранные структуры. Федеральное агентство лесного хозяйства отнесено к ведению Министерства сельского хозяйства, что объясняется спецификой использования лесных ресур-

сов. Руководство деятельностью Федерального агентства по рыболовству осуществляет Правительство РФ.

В заключении отметим следующее:

1. Экологическая ситуация в стране напрямую зависит от эффективности государственного экологического управления.

2. Структура органов экологического управления должна основываться на принципах отделения функций государственного контроля от функций использования и распоряжения природными ресурсами, разграничения полномочий между федеральными органами власти, органами власти субъектов Федерации и органами местного самоуправления.

3. Современная структура органов государственного экологического управления в России способна эффективно решать задачи сохранения окружающей среды, рационального использования природных ресурсов и обеспечения экологической безопасности в интересах как настоящего, так и будущего поколений.

4. Представляется обоснованным переименование Федерального агентства по рыболовству в Федеральное агентство по рыболовству и водным биологическим ресурсам. Это не потребует внесения изменений в Положение об этом органе, утвержденного Постановлением Правительства РФ от 11 июня 2008 г. № 444 [19], так как соответствующие полномочия агентство уже осуществляет. Кроме того, это будет соответствовать действующему Федеральному закону «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» [20].

Примечание

1. Гусев Р.К. Экологическое право: Учебное пособие. – М.: ИНФРА-М, 2000. – С. 26.

2. О коренной перестройке дела охраны природы в стране: Постановление ЦК КПСС и СМ СССР от 7 января 1988 г. № 32 // СП СССР. – 1988. – № 6. – Ст. 14 (прекратило действие).

3. Положение о Государственном комитете РСФСР по экологии и природопользованию (утв. постановлением СМ РСФСР от 14 июня 1991 г. № 326) // Текст Положения официально опубликован не был (прекратило действие).

4. О реорганизации центральных органов государственного управления РСФСР: Указ Президента РСФСР от 28 ноября 1991 г. № 242 // Ведомости СНД РСФСР и Верховного совета РСФСР. – 1991. – № 48. – Ст. 1696 (утратил силу).

5. О структуре центральных органов федеральной исполнительной власти: Указ Президента РФ от 30 сентября 1992 г. № 1148 // САПП РФ. – 1992. – № 14. – Ст. 1091 (утратил силу).

6. Об утверждении Положения о Министерстве охраны окружающей среды и природных ресурсов Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 23 апреля 1994 г. № 375 // Собр. законодательства РФ. – 1994. – № 3. – Ст. 211 (утратил силу).

7. О системе федеральных органов исполнительной власти: Указ Президента РФ от 14 августа 1996 г. № 1176 // Собр. законодательства РФ. – 1996. – № 34. – Ст. 4081 (утратил силу).

8. Вопросы Министерства природных ресурсов Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 24 октября 1996 г. № 1260 // Собр. законодательства РФ. – 1996. – № 44. – Ст. 5019 (утратил силу).

9. Вопросы Государственного комитета Российской Федерации по охране окружающей среды: Постановление Правительства РФ от 25 октября 1996 г. № 1261 // Собр. законодательства РФ. – 1996. – № 45. – Ст. 512 (утратил силу).

10. Бринчук М.М. Экологическое право (право окружающей среды): Учебник для высших юридических учебных заведений. – М.:Юристъ, 1998.

11. О структуре федеральных органов исполнительной власти: Указ Президента РФ от 17 мая 2000 г. № 867 // Рос. газета. – 2000. – № 97 (утратил силу).

12. Как избежать экологической катастрофы в Свердловской области? Пресс-конференция член-корреспондента и советника РАН А.В. Яблокова и Председателя Регионального отделения Российской демократической партии «ЯБЛОКО» в Свердловской области М. Дроновой // Коммерсант. – 2006. – 18 сент.

13. Об утверждении Положения о Министерстве природных ресурсов Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 25 сентября 2000 г. № 726 // Собр. законодательства РФ. – 2000. – № 40. – Ст. 3971 (утратил силу).

14. Голубчиков С. Как управлять защитой природы // Регионы. – 2001. – 3 июля. – № 11 (75).

15. О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти: Указ Президента РФ от 9 марта 2004 г. № 314 // Рос. газета. – 2004. – № 48.

16. Пономарев М.В. Круглый стол «Правовые проблемы государственного, муниципального и иных видов экологического контроля» // Экологическое право. – 2008. – № 4. – С. 28-38.

17. Вопросы системы и структуры федеральных органов исполнительной власти: Указ Президента РФ от 12 мая 2008 г. № 724 // Рос. газета. – 2008. – № 100.

18. О Министерстве природных ресурсов и экологии Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 29 мая 2008 г. № 404 // Собр. законодательства РФ. – 2008. – № 22. – Ст. 2581.

19. О Федеральном агентстве по рыболовству: Постановление Правительства РФ от 11 июня 2008 г. № 444 // Собр. законодательства РФ. – 2008. – № 25. – Ст. 2979.

20. О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов: Федеральный закон от 20 декабря 2004 г. № 166-ФЗ // Рос. газета. – 2004. – № 284.

А.А. Демко

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТРУДА НА ПРЕДПРИЯТИИ

Современный этап развития общественных отношений вызывает потребность наиболее четкого правового регулирования труда непосредственно на предприятии. Возможность такого регулирования подчеркивается положениями трудового законодательства, предусматривающего договорную форму взаимоотношений работников и работодателя. Правовой основой таких отношений являются локальные нормативные акты, коллективные и трудовые договоры. В соответствии с Трудовым кодексом РФ, работодатель вправе принимать локальные нормативные правовые акты в пределах своей компетенции, участвовать в коллективных переговорах по подготовке, заключению или изменению коллективного договора, обязан подписывать с работником трудовой договор.

Что же такое локальный нормативный акт? Трудовой кодекс РФ не содержит четкого определения понятия «локальный нормативный акт», что породило в научной литературе много различных подходов к его формулировке. Например, А.М. Алиев определяет локальную норму права как «правило поведения, действующее на предприятии (вне зависимости от организационно-правовой формы, ведомственной принадлежности, а также формы собственности), принимаемое органами управления, направленное на регулирование внутриорганизационных отношений и имеющее подзаконный характер» [1]. По мнению П.Т. Подвысоцкого, «Локальными нормативными актами, содержащими нормы трудового права, являются лишь те, которые регулируют трудовые и непосредственно связанные с ними отношения, складывающиеся в данной конкретной организации» [2]. По нашему мнению, локальный нормативный акт – это правовой акт, принимаемый работодателем с участием представительного органа работников или самостоятельно, регулирующий трудовые и иные связанные с ними отношения на территории конкретного работодателя.

Форма участия представительного органа работников при принятии локального нормативного акта может быть различной. На сегодняшний день трудовое законодательство предусматривает возможность принятия локальных актов, во-первых, с учетом мнения первичной профсоюзной организации, во-вторых, по согласованию с представительным органом работников. Причем вторая форма участия может быть определена лишь посредством закрепления ее в коллективном договоре.

Процедура согласования проекта локального нормативного правового акта с представительным органом работников является более выгодной для работников и означает, что работодатель не сможет без такого согласования принять локальный нормативный акт. В тоже время процедура учета мнения представительного органа работников, закрепленная в Трудовом кодексе РФ, позволяет работодателю принимать локальные акты самостоятельно в двух случаях: во-первых, если представительный орган в установленный срок не направит работодателю мотивированное мнение по поводу принятия такого акта; во-вторых, если работодатель не согласен с мнением профкома. Причем, во втором случае выборный орган первичной профсоюзной организации может обжаловать такое дей-

ствие работодателя в соответствующую государственную инспекцию труда или в суд, либо имеет право начать процедуру коллективного трудового спора.

Большинство локальных нормативных актов организации принимаются с учетом мнения представительного органа работников. Трудовой кодекс РФ устанавливает такой порядок принятия для графиков сменности (ст. 103), графика отпусков (ст. 123), положения об оплате труда (например, ст.ст. 147, 154), правил внутреннего трудового распорядка (ст. 190), правил и инструкций по охране труда (ст. 212) и иных актов.

Особый порядок принятия предусмотрен лишь для коллективного договора. Коллективный договор – это правовой акт, регулирующий социально-трудовые отношения в организации или у индивидуального предпринимателя и заключаемый работниками и работодателем в лице их представителей. Таким образом, коллективный договор является актом совместного нормотворчества и представляет собой разновидность социально-партнерского регулирования трудовых и иных, непосредственно связанных с ними отношений.

Коллективный договор имеет смешанную юридическую природу: он сочетает в себе черты договора и нормативного правового акта. Как договор он заключается после проведения переговоров, содержит обязательственные условия, действует в течение установленного срока [3]. Но, в тоже время, большинство условий коллективного договора носят нормативный характер, они разрабатываются сторонами на основе действующего трудового законодательства. Именно наличие нормативной части позволяет обособить коллективный договор от других видов договора и признать его источником права.

Безусловно, коллективный договор обладает всеми чертами нормативного акта локального характера. Он принимается на предприятии, распространяет свое действие на всех его работников, имеет длительный (срочный) характер. Но многие авторы (например, Е.А. Ершова, А.А. Кирилловых [4]) не считают, что коллективный договор относится к разновидности локальных нормативных актов, поскольку в основе нормативного правового акта находится воля какого-либо правотворческого органа, а не соглашения сторон.

Трудовое законодательство также проводит разграничение между локальными нормативными актами и коллективным договором. Как указано в ст. 5 Трудового кодекса РФ, трудовые отношения и иные, непосредственно связанные с ними отношения регулируются также коллективными договорами, соглашениями и локальными нормативными актами, содержащими нормы трудового права. Тем самым законодатель подчеркивает особую природу коллективного договора.

Локальные нормативные акты занимают последнее место в иерархии источников трудового права и должны приниматься в соответствии с трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права, коллективными договорами, соглашениями. Следовательно, коллективный договор обладает более высокой юридической силой по отношению к локальным нормативным актам. Кроме того, в самом коллективном договоре может быть предусмотрен перечень локальных нормативных актов предприятия и разработан механизм их принятия (например, согласование их с профкомом).

Действие локальных нормативных актов и коллективного договора во времени также имеют серьезные отличия. Действие коллективного договора во времени определяется соглашением сторон в соответствии с трудовым законодательством. В частности, коллективный договор заключается на срок не более трех лет и вступает в силу со дня под-

писания его сторонами или со дня, установленного коллективным договором (ст. 43 Трудового кодекса РФ).

Локальный же нормативный акт вступает в силу со дня принятия его работодателем либо со дня, указанного в этом акте. Прекращение действия локального акта связано с истечением срока его действия; с отменой его другим локальным нормативным актом; с вступлением в силу закона или иного нормативного правового акта, содержащего нормы трудового права, коллективного договора, соглашения, в случае, если данные акты устанавливают более высокий уровень гарантий работникам.

Таким образом, коллективный договор является нормативным соглашением сторон социального партнерства, занимает особое место в системе нормативных источников предприятия и выступает своеобразным регулятором социально-трудовых отношений у конкретного работодателя. В тоже время, несмотря на относительную самостоятельность коллективного договора, не следует забывать, что его содержание определяется нормами трудового законодательства и ими ограничено.

Содержание коллективного договора могут составлять условия, регулирующие только социально-трудовые отношения в организации, причем их перечень нормативно установлен (ст. 41 Трудового кодекса РФ). В коллективном договоре с учетом финансово-экономического положения работодателя могут устанавливаться льготы и преимущества для работников, условия труда, более благоприятные по сравнению с установленными законами, иными нормативными правовыми актами, соглашениями. Такая формулировка Трудового кодекса РФ позволяет работодателю решать, какие условия коллективного договора будут расширять границы правового регулирования и устанавливать льготы и гарантии работникам, а какие нет.

На наш взгляд, основной проблемой коллективных договоров в современный период развития экономических отношений является их некая безликость. Содержания коллективных договоров просто дублирует нормы трудового законодательства и не устанавливают дополнительных гарантий работникам. Такая ситуация связана, прежде всего, с финансово-экономическими проблемами многих предприятий, независимо от источника их финансирования.

С другой стороны, работодатель, не желающий устанавливать дополнительные гарантии работникам, может просто сослаться на отсутствие денежных средств и ставить в зависимость исполнение условий договора от своего финансово-экономического состояния. Нежелание работодателя договариваться с работниками по условиям коллективного договора приводит к тому, что коллективный договор теряет свой нормативный характер, ведь его содержание должны составлять в основном условия, которые стороны разрабатывают самостоятельно. Дублирование положений законодательства в содержании коллективного договора полностью искажает и его целевое назначение.

Не следует недооценивать и роль профсоюза при принятии коллективного договора и локальных нормативных актов организации. Профсоюз является полноправным участником нормотворческого процесса с достаточно серьезными (обширными) правами. Однако на практике профсоюз зачастую просто не участвует либо формально участвует в принятии нормативных актов. Очень часто это связано с нежеланием профсоюза участвовать в установлении условий труда на предприятии вследствие незнания профсоюзными лидерами норм трудового законодательства и, следовательно, невозможности аргументированного участия в переговорном процессе. В тоже время, интересы работодателя пред-

ставляют юристы, начальники служб, управлений, высококлассные специалисты, детально владеющие вопросами современного законодательства и защищающие интересы работодателя. Переговорный процесс в такой ситуации становится формальным. Поэтому так важно создание на предприятии представительного органа работников, который способен оказать влияние на работодателя при принятии нормативных актов организации. Понятно, что возглавлять такие профсоюзы должны наиболее компетентные, независимые, юридически грамотные члены профессионального союза.

Регулирование трудовых отношений между конкретным работником и работодателем происходит и посредством трудового договора. Трудовой договор не является правовым актом в силу его индивидуального характера, но в тоже время он регулирует взаимоотношения между работодателем и работником в процессе труда, устанавливает взаимные права и обязанности.

Из содержания Трудового кодекса РФ следует, что «трудовой договор – это соглашение между работодателем и работником, в соответствии с которым работодатель обязуется предоставить работнику работу по обусловленной трудовой функции, обеспечить условия труда, предусмотренные трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права, коллективным договором, соглашениями, локальными нормативными актами и данным соглашением, своевременно и в полном размере выплачивать работнику заработную плату, а работник обязуется лично выполнять определенную этим соглашением трудовую функцию, соблюдать правила внутреннего трудового распорядка, действующие у данного работодателя» (ч. 1 ст. 56 Трудового кодекса РФ).

Содержание трудового договора составляют условия, которые стороны разрабатывают с учетом действующего законодательства. Условия трудового договора подразделяются на обязательные (те, по которым стороны по закону должны достичь соглашения) и дополнительные (те, которые устанавливаются в трудовом договоре по инициативе либо работника, либо работодателя).

При определении содержания трудового договора работодатель учитывает положение коллективного договора и локальных нормативных актов. Например, условие о продолжительности рабочего времени, режиме труда и отдыха заимствуются из Правил внутреннего трудового распорядка, системы выплат и размеры заработной платы из Положения об оплате труда, трудовая функция работника (должность, специальность, квалификация) определяется на основе Штатного расписания.

Итак, правовое регулирование труда на предприятии осуществляется с помощью коллективного договора, а также локальных нормативных правовых актов, которые не могут ухудшать положение работника по сравнению с действующим законодательством. Нормотворчество на предприятии является достаточно серьезным процессом, поскольку затрагивает интересы работников. Именно поэтому законодатель предусматривает возможность участия работников в создании нормативных актов через своих представителей. Кроме того, лица, поступающие на работу, в обязательном порядке должны быть ознакомлены с действующими на предприятии нормативными актами и только после этого решать вопрос о заключении трудового договора. Как показывает практика, данные пункты трудового законодательства достаточно формально соблюдаются работодателем. Работники должны более активно принимать участие в создании правовых актов, контролировать их выполнение и внимательно знакомиться с ними при заключении трудового договора.

Примечания

1. Алиев А.М. Теоретические проблемы локального правового регулирования в современном российском праве: автореф. дис... канд. юр. наук. – Волгоград, 2001. – С. 10.
2. Подвысоцкий П.Т. Локальное нормативное регулирование трудовых и иных непосредственно связанных с ними отношений: дис... канд. юр. наук. – Москва, 2002. – С. 26.
3. См.: Шаповал Е.А. Коллективный договор как источник трудового права // Социальное и пенсионное право. – 2008. – № 2.
4. Ершова Е.А. Нормативные правовые акты работодателя, содержащие нормы трудового права // Трудовое право. – 2007. – № 12.
5. Кирилловых А.А. Эффективность коллективно-договорного регулирования гарантий социально-трудовых интересов // Социальное и пенсионное право. – 2009. – № 1.

Н.А. Филиппова

ЧИСЛЕННОСТЬ РЕГИОНАЛЬНОГО ПАРЛАМЕНТА КАК КОНФЛИКТ «ДОЛЖНОГО» И «СУЩЕГО»

В ряду предложений Президента Российской Федерации Д.А. Медведева, прозвучавших в ежегодном послании Федеральному Собранию РФ 12 ноября 2009 года и непосредственно касающихся реформирования системы публичного представительства в регионах, первым и самым обсуждаемым стало предложение о выработке единых критериев определения численности представительных (законодательных) органов государственной власти субъектов РФ. Президент обозначил направление реформирования так: «Ввести единый критерий установления численности депутатов органов законодательной власти субъектов Российской Федерации. Сегодня это делается абсолютно произвольно, что иногда приводит к трудно объяснимым результатам. Например, многомиллионное население экономически сильной Москвы представлено в городской думе 35 народными избранниками, а в Народном Хурале Республики Тыва (экономические возможности которого, к сожалению, куда как более скромные по сравнению с Москвой, а население в 30 с лишним раз меньше) заседает 162 депутата. Необходимо предусмотреть гибкий порядок постепенного выравнивания этих перекосов. Представительство должно быть более универсальным» [1].

Действительно, если величина регионального парламента критически мала (как в Москве), нарушается конституционное право граждан на представительство, которое, по мнению некоторых конституционалистов, хотя и не обозначено в Конституции РФ прямо, но является обобщенной характеристикой целого ряда конституционных прав, связывающих гражданина и государство [2]. Так что в позиции Президента можно увидеть стремление увеличить необоснованно маленькие региональные парламента. Кстати сказать, первые предложения увеличения численности Московской городской Думы и установления единых, обусловленных численностью населения, стандартов представительства, прозвучали в адрес ЦИК и Государственной Думы ФС РФ в 2005 году; они были сформулированы фракциями Московской городской Думы (фракции «Союз правых сил», «Яблоко», «Родина», «Партия жизни») [3].

Однако в самих регионах предложение было интерпретировано иначе: как призыв сократить непомерно большие парламента субъектов Российской Федерации (очевидно, в русле общих настроений экономии в условиях финансового кризиса). Так, парламентарий Свердловской области Дмитрий Вершинин заявил: «Количество депутатов надо сокращать, но не в Законодательном Собрании Свердловской области» [4].

К альтернативе «увеличивать или сокращать?» следует добавить еще один вопрос. Если численность региональных парламента отнесена Конституцией РФ к сфере собственного ведения субъектов Федерации, не противоречит ли ее регулирование федеральным законом принципам федерализма? Именно с коллизии двух принципов, принципа федерализма и принципа представительного правления, следует начать рассмотрение вопроса о том, кто вправе определять численность парламента субъектов федерации. Аналогии с федеральным регулированием численности представительных органов местного самоуправления неуместны как раз потому, что статус субъекта федерации принципиально отличается от статуса муниципального образования (публичного, но не государственного образования). В отличие от

негосударственных публичных образований (в том числе автономий в составе унитарных государств), субъекты федерации являются *соучредителями федеративного государства*. Какие правовые последствия это влечет для субъектов федерации и федерации в целом?

С точки зрения правового позитивизма, учредительная власть – совокупность органов, правомочных разрабатывать и пересматривать конституцию [5]. Но, как замечает Ж.-П. Жакке (Jean Paul Jacque), первоначальная учредительная власть (в отличие от институциональной) – это «власть факта», обусловленная тем политическим порядком, который и вызывает необходимость принятия новой конституции [5, с.108]. В таком случае, учредительная власть – это не столько совокупность государственных органов, сколько такое политическое действие, в котором сообщество, учреждающее государство, способно выступать как единое целое. Кто бы ни осуществлял учредительную власть, отмечает Ханс Линдахл (Hans Lindahl), «он должен утверждать, что действовал от имени коллективного» [6]. Учредительная власть, следовательно, способ преобразования политической воли в право за счет признания каждым себя частью целого.

Конституционная практика становления федерализма указывает на то, что субъекты федераций являются соучредителями федеративного государства независимо от порядка образования федерации. Соучастие субъектов федерации в учредительном процессе может быть недостаточно формализованным (или вовсе не иметь внятных правовых форм), но таковы вообще особенности первоначальной учредительной власти. Даже в договорных федерациях участие субъектов федераций в учреждении федеративного государства не сводится лишь к формальному акту заключения договора, ратификации федеральной конституции и передаче федеральному уровню власти части своих суверенных прав. Имеет место двусторонний процесс согласования фундаментальных параметров организации государственной власти, влияния конституционного права субъектов федерации на федеральное конституционное право и наоборот. Уильям Бернам (William Burnham) подчеркивает, что «многие принципы устройства власти были «заимствованы» отцами-основателями США из конституций штатов и вписаны в федеральную Конституцию 1787 года» [7]. Трудно отрицать влияние Конституции Баварии на Основной закон ФРГ. Невозможно не видеть в содержании Федеративного договора отражение реальной асимметрии политического самоопределения российских регионов начала 1990-х гг. и их притязаний на более высокий статус [8].

Институциональная учредительная власть в федеративном государстве уже предполагает формальное закрепление существенных полномочий субъектов федерации, участвующих в процессе внесения изменений в действующую конституцию. Субъекты федерации наделяются правом принятия или одобрения тех правовых актов, которыми вносятся поправки (изменения) в конституции, реже они наделяются еще и правом конституционной законодательной инициативы (Россия, Бразилия, Канада). В любом случае волю субъектов федераций выражают представляющие их органы – законодательные собрания (конституирующее представительство) или палаты территориального представительства в общенациональном парламенте (представительство интересов). Региональные сообщества в составе унитарных государств такими полномочиями не наделяются, им делегированы некоторые учредительные полномочия лишь в части изменения правового положения самого территориального коллектива, право учреждения автономии в формах и порядке, установленной единым учредителем – нацией.

Принципиальное отличие федераций от децентрализованных унитарных государств заключается также в том, что и на региональном уровне самоопределение имеет характер

учреждения государственности. И хотя справедливо замечание, высказанное еще Н.И. Лазаревским, что «поскольку всякое государство естественно законодательствует, указание на его автономию излишне» [9], немецкие конституционалисты говорят о «конституционной автономии» субъектов федерации [10]. Этот термин указывает на новое правовое качество регионального территориального коллектива. Субъекты федерации наделены *собственными* учредительными полномочиями, которые в отношении организации их власти имеют *исключительный* характер. Эти полномочия не делегированы федеральным уровнем государственности, а признаются принадлежащими субъектам федерации по праву. Соответственно, *в этой части учредительные полномочия изъяты из ведения федеративного государства или, во всяком случае, существенно ограничены*. Объединение в федеративное государство обусловлено целью (интересом) региональных территориальных коллективов сохранить свою государственную обособленность, или «конституционную автономию». На это обстоятельство, кстати, указывал и А. Яценко: «...Если автономия есть цель, то федеративное устройство есть лишь средство, быть может, наиболее действенная гарантия сохранения автономии...» [11]. Всякое ограничение учредительных полномочий, реализуемых субъектами федерации на своей территории, делает бессмысленной идею федерализма. Оно усиливает риски центробежных стремлений.

Устав (статут, конституция, хартия) автономии также разрабатывается парламентом автономии, но принимается или утверждается общенациональным парламентом [12]. Учредительные полномочия, которыми располагает парламент автономии, ограничены не только по формальным основаниям (процедурой принятия устава), но и по существу. Конституции децентрализованных и сложных унитарных государств содержат нормы о системе органов публичной власти и модели разделения власти в автономии (статьи 135-137 Конституции Азербайджана; статья 152 Конституции Испании; статьи 121-122 Конституции Италии; статья 136 Конституции Украины и др.). Так, согласно Конституции Испании, «институциональная организация автономии включает в себя: законодательное собрание, избираемое путем всеобщих выборов на основе пропорциональной системы представительства, гарантирующей также представительство различных районов территории; правительственный совет, выполняющий исполнительные и административные функции; его председателя, избираемого собранием из числа его членов и назначаемого Королем» [13].

Конституции федераций американского континента либо не регулируют вопросы организации государственной власти в субъектах федераций (США), либо ограничиваются рамочным регулированием. В статье 115 Конституции Мексиканских Соединенных Штатов перечислены общие принципы их организации и деятельности, в статьях 27 и 28 Конституции Соединенных штатов Бразилии установлен порядок избрания законодательных и исполнительных органов государственной власти субъектов Федерации с учетом требований представительного правления [14].

Среди европейских федераций лишь конституции Бельгии (гл. IV Конституции) и Австрии (статьи 95-96 Федерального конституционного закона) регулируют систему органов государственной власти субъектов федераций. Однако, на наш взгляд, эти исключения лишь подтверждают общее правило: Австрия является нетипично централизованной федерацией, а в конституционном законодательстве Бельгии отражен затяжной конфликт этнических сообществ (валлонов и фламандцев), что вынуждает особо оговаривать гарантии их корпоративного представительства. В Конституции Индийского Союза, наиболее детально регулирующей организацию государственной власти штатов Союза, установлены пределы численности Законодательных собраний (нижних или единственных палат парламентов штатов) – от 60 до

500 депутатов (статья 170 Конституции Индии), срок их полномочий, а также порядок формирования верхних палат – Законодательных советов. Состав верхних палат определяется в соответствии с принципами корпоративной автономии, то есть обязательного представительства интересов депутатов нижней палаты (1/3), муниципалитетов (1/3) и различных разрядов интеллигенции (1/3) [15]. Но следует помнить, что учреждение верхних палат происходит по усмотрению самих субъектов Индийского Союза. Следовательно, учредительные полномочия штатов в Индии ограничены лишь *общим конституционным требованием представительности парламентов*. По мнению В.В. Иванова, Индия представляет собой случай федерации, состоящей из квазигосударственных автономий, что и объясняет нетипичное (для федерации) конституционное регулирование статуса ее территориальных единиц [16].

Итак, конституционная практика современного федерализма свидетельствует: либо система органов государственной власти субъектов федерации не регулируется федеральным законодательством, либо она регулируется в той мере, в какой федерация (федеральная конституция) гарантирует представительный характер этих органов.

Практику Российской Федерации в этой части следует признать нетипичной, сближающей правовое положение российских субъектов Федерации с автономиями в составе децентрализованных унитарных государств, так как система органов государственной власти субъектов регулируется федеральным законом, к которому отсылает часть 1 статьи 77 Конституции РФ. Таким образом, реализация предложения Президента РФ в действительности открывает две (противоположные!) перспективы.

Первая. Федеральный законодатель признает принцип представительного правления как основополагающий (в Конституции РФ он, к сожалению, прямо не сформулирован), рассматривает себя в качестве гаранта конституционного права граждан на представительство в органах публичной власти. Одновременно он соблюдает конституционный принцип федерализма и определяет *минимальный стандарт представительности исходя из численности представляемого населения*. «Верхняя» граница величины регионального парламента в этом случае не нуждается в определении.

Вторая. Федерация настаивает на дальнейшей унификации правового положения представительных (законодательных) органов государственной власти субъекта РФ (все больше сближая правовое положение российских регионов с положением автономий в составе унитарных государств) и включает в число унифицированных признаков еще и численность депутатов представительных органов. В этом случае будут определены *как минимум, так и максимум* численности региональных парламентариев. Представительность парламента субъекта РФ может быть обеспечена лишь в том случае, если хотя бы верхняя граница его величины будет соотнесена с количеством представляемого населения (а также иными объективно значимыми характеристиками регионального сообщества, например, полиэтничностью, урбанизированностью, многоконфессиональностью и т.д.).

В целом, качество публичного представительства невозможно свести к количеству представителей. Чем более сложным является социум, тем более многообразными становятся формы представительства присутствующих в нем и нередко конкурирующих интересов. Но идея, высказанная Президентом, верна в том смысле, что численность представительных органов в России занижена повсеместно, и хуже всего дело обстоит именно с численностью региональных парламентов. В силу этого ранее они были «карманными думами» региональных губернаторов и президентов, а теперь стали «парламентами одной фракции». Кроме того, заниженная численность представительных органов субъектов Федерации в сочетании с императивно применяемой пропорциональной системой существенно снижает репрезента-

тивность последней. Из расчетов, представленных ЦИК, следует, что пропорциональная избирательная система обеспечивает соответствие между количеством полученных голосов и мандатов только в том случае, если распределяется по этой системе не менее 20 депутатских мест [17]. Если учесть, что в большинстве регионов половина депутатских мандатов замещается таким образом, необходимо минимальную численность регионального парламента повысить до 40 парламентариев. В предложениях фракций Московской городской Думы была предложена такая схема: 35 депутатов (при численности субъекта Федерации до 500 тысяч человек); 45 депутатов (при численности до 2 млн. чел.); 55 депутатов (при численности до 5 млн. чел.); 65 депутатов (при численности субъекта Федерации свыше 5 млн. чел.). Наконец, можно воспользоваться и «правилом кубического корня», то есть определять численность представительного органа как величину, равную кубическому корню от числа представляемого населения [18]. Такой подход был характерен для дореволюционной России и для государств современной Европы. К примеру, численность представительного органа 700 тысячного Стокгольма – 101 депутат, то есть один представитель примерно на 7 тысяч жителей. В Москве один представитель приходится на 300 тысяч жителей [19]. Однако нужно учесть, что и численность Государственной думы Федерального Собрания РФ составляет примерно 72% от расчетной величины («идеальной» была бы численность в 524 депутата). Отклонения от расчетной численности региональных парламентав гораздо более существенные. Например, расчетная численность Думы ХМАО составляет более 100 депутатов, а фактически их 28; расчетная численность парламента Челябинской области – более 150 депутатов, а по факту их 60. Видимо, повышение численности региональных парламентариев действительно должно быть постепенным, на первых этапах не достигающим «идеальных» значений. Возможно, пока они могли бы составить 50% от расчетной величины (как минимум). Численность представительных органов местного самоуправления, обозначенная федеральным законодателем для сопоставимых по количеству жителей муниципальных образований, равна примерно 30% от рассчитанной по методу кубического корня. Округляя результаты расчетов, получим следующую схему (см. Таблица № 1). Заметим, что наименьшая величина совпала с требованием минимума 40 представителей, что необходимо для оптимального функционирования наиболее распространенной модели избирательной системы в субъектах РФ.

Таблица 1

Соотношение численности населения субъекта федерации и величины представительного органа государственной власти

Численность регионального территориального коллектива	Расчетная численность представительного органа власти	50% от расчетной численности парламента	Округленная величина численности парламента
до 500 тыс.	79	40	40
от 500 тыс. до 1 млн.	100	50	50
от 1 млн. до 1 млн. 500 тыс.	114	57	60
от 1 млн. 500 тыс. до 2 млн.	126	63	65
от 2 млн. до 2 млн. 500 тыс.	136	68	70
от 2 млн. 500 тыс. до 3 млн.	145	73	70
от 3 млн. до 3 млн. 500 тыс.	152	76	75
от 3 млн. 500 тыс. до 4 млн.	159	80	80
от 4 млн. до 4 млн. 500 тыс.	165	83	80

При численности населения, превышающей 10 млн. жителей, Московский парламент должен иметь 108 (50% от 216), или округленно, 110 депутатов; парламент Свердловской области – 80 депутатов; Дума Ханты-Мансийского автономного округа – Югры должна насчитывать 60 представителей. Что же касается оптимальной численности Великого Хурала Республики Тыва, то следует помнить о двухпалатной структуре этого парламента. Только его нижняя палата (Законодательная палата) работает на постоянной профессиональной основе, принимает законы и является палатой представительства всего сообщества региона. Ее численность крайне мала, всего 32 депутата, и также нуждается в увеличении. Вторая палата, палата представителей, не работает на профессиональной основе. Фактически, должность представителя является почетной должностью и общественным обременением. Численность палаты составляет 130 представителей. Эта палата является, главным образом, выразительницей местных территориальных интересов (она избирается по мажоритарной системе) или интересов традиционных этнических меньшинств региона, что, скорее, соответствует принципам эффективного публичного представительства, нежели противоречит им. Учитывая сохранение практики бикамерализма в субъектах РФ (и, безусловно, приветствуя эту практику) надо сделать важную оговорку: стандарты численности должны быть адресованы либо однопалатному парламенту в целом, либо его «сильной палате», если представительный орган двухпалатный.

Впрочем, самые справедливые стандарты численности представительных (законодательных) органов государственной власти не станут нормой закона без надлежащей политической воли.

Примечания

1. Послание Президента РФ Дмитрия Медведева Федеральному Собранию Российской Федерации. 12 ноября 2009г. // Российская газета. – 13 ноября 2009. – № 5038 (214).
2. Астафичев П.А. Народное представительство в современной России: проблемы теории и правового регулирования: дис... д.ю.н. – М.: МГУ, 2006.
3. О гарантиях избирательных прав москвичей. Письмо фракций Московской городской Думы Председателю ЦИК РФ А.А. Вешнякову. 15.06.2005 № 8-99-5330/5 [Электронный ресурс]: Режим доступа: http://kataev.mos.ru/nprav/polit/pisma_frak.htm
4. Свердловский депутат: сократить количество депутатов нужно в нескольких региональных парламентах // 12.11.2009. ИА REGNUM. [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://www.regnum.ru/news/1224443.html>.
5. Жакке Ж-П. Конституционное право и политические институты. Учебное пособие / Пер. с франц. В.В. Маклакова. – М.: Юристъ, 2002. – С. 107.
6. Lindahl H. Constituent Power and Reflexive Identity: Towards an Ontology Collective Selfhood // The Paradox of Constitutionalism: Constituent Power and Constitutional Form/M. Loughlin, N. Walker ed. – Oxford Univ. Press, 2007. – P.18.
7. Бернам В. Правовая система США. Вып. 3 / Под ред. В.А. Власихина. – М.: Новая юстиция, 2007. – С. 73.
8. Кутафин О.Е. Российская автономия. – М.: ТК Велби; Проспект, 2006. – С. 278-279.
9. Лазаревский Н.И. Русское государственное право. – СПб., 1913. – Т. 1. – С. 217.

10. Маунц Т. Государственность и конституционный статус земель (основные элементы федеративного государства) // Государственное право Германии / Сокращенный перевод немецкого семитомного издания: в 2-х т. / Отв. ред. Б.Н. Топорнин. – М.: РАН ИГП, 1994. – Т.2 – С.7.
11. Ященко А. Теория федерализма. Опыт синтетической теории права и государства. – Юрьевъ, 1912. – С. 346.
12. Конституционное право зарубежных стран: Учебник для вузов / Под ред. М.В. Баглая, Ю.И. Лейбо, Л.М. Энтина. – М.: ИНФРА*М-НОРМА, 1999. – С. 129.
13. Конституция Испании // Конституции государств Европейского Союза / Под ред. Л.А.Окунькова. – М.: ИНФРА*М-НОРМА, 1997. – С.407.
14. Конституции зарубежных государств. Американский континент. – Ереван: Мхитар Гош, 1998.
15. Кашкин С.Ю. Политические и конституционные институты Индии // Современное конституционное право зарубежных государств. – М.: 1991. – С. 106-107.
16. Иванов В.В. Вопросы теории государственного устройства // Журнал российского права, 2002. – № 1. – С. 97.
17. О методических рекомендациях по выбору вида пропорциональной системы при подготовке проекта закона субъекта Российской Федерации о выборах депутатов законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации: Постановление Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 25 декабря 2002 года № 167/1419-3 // Вестник ЦИК, 2002. – № 11.
18. Мельников, А.Н., Поликарпов, Б.Э. Становление городского самоуправления в современной России // Правоведение, 1995. – № 2. – С. 56-62; Кынев А.В. Сокращай и властью. Регионы укрупняются, а депутатов в заксобраниях становится все меньше и меньше // Независимая газета. 16.12.2008. [Электронный ресурс]: Режим доступа: http://www.ng.ru/ng_politics/2008-12-16/11_regions.html.
19. Вишневикий Б. Пятьдесят на тридцать шесть. Парламент Ленинградской области обсудит варианты своей численности // Новая газета – Санкт-Петербург, 13 марта 2006г. [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://www.novayagazeta.spb.ru/2006/18/2>.

Ю.Н. Стражевич

ПОНЯТИЕ И ЗНАЧЕНИЕ ПРЕЗУМПЦИИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ БРАКА

Исходя из ст. 1, 10 Семейного кодекса РФ (далее СК РФ), брачные отношения возникают на основании государственной регистрации брака. В ст. 3 Федерального закона от 15.11.1997 № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» закрепляется, что заключение брака является актом гражданского состояния, характеризующим правовое состояние граждан и влияющим на возникновение, изменение или прекращение прав и обязанностей. Далее, в ст. 6 данного закона указывается, что государственная регистрация актов гражданского состояния устанавливается в целях охраны имущественных и личных неимущественных прав граждан, а также в интересах государства. Целью государственной регистрации является установление бесспорного доказательства того, где соответствующие факты имели место и когда они произошли [1].

Таким образом, можно согласиться с исследователями, которые рассматривают регистрацию брака в органах загса как условие, при котором брак получает защиту со стороны государства [2]. С.Я. Паластина отмечает, что специфическая форма заключения брака в виде государственной регистрации союза между мужчиной и женщиной является средством управления в сфере брака и семьи со стороны государства [3].

Исследователи единодушно приходят к мнению, что, определяя порядок и условия заключения брака, государство тем самым проявляет свою заинтересованность в появлении семьи, способной выполнять свое назначение и с помощью норм семейного права создает препятствия на пути создания заведомо неполноценной семьи [4]. Государственный контроль при заключении брака, осуществляемый путем установления в нормах СК РФ условий заключения, продиктован заботой о здоровье супругов и их потомства (брачный возраст, запрещение браков с недееспособными и между близкими родственниками), гарантирует свободу личности при заключении брачного союза (взаимное согласие вступающих в брак), способствует утверждению морали (запрещение многобрачия и браков между усыновителями и усыновленными).

Но, с другой стороны, традиционно в России брак и семья расценивались как частное дело, брачно-семейные отношения не подвергались детальной правовой регламентации, и в настоящее время вмешательство государства в эту сферу общественных отношений не является всеобъемлющим.

Как правильно отмечает О.Д. Югай, государство может лишь через отрицание сказать, что не является браком, при этом руководствуясь такими принципами, как единобрачность союза мужчины и женщины, свобода брака, равенство супругов, совершение в порядке и форме, устанавливаемых законом [5].

Исходя из этого, законодатель при регулировании брачных правоотношений использует правовую презумпцию действительности брака, имеющую своей целью облегчить как участникам семейных правоотношений, так и правоприменителю процесс доказывания существования брака.

Установление презумпции действительности брака следует закрепить в ст.1 СК РФ принципу недопустимости произвольного вмешательства в дела семьи.

Согласно ст. 27 СК РФ, признание брака недействительным производится судом при нарушении условий, установленных ст. ст. 12-14 и п. 3 ст. 15 СК РФ, а также в случае заключения фиктивного брака. Таким образом, согласно презумпции действительности брака, сформулированной в ст. 27 СК РФ, если государственная регистрация брака осуществлена, то правовые последствия возникают, несмотря на несоблюдение любого из условий (или их совокупности) вступления в брак. Данная презумпция может быть опровергнута только в суде. Для ее опровержения истцу необходимо доказать, что было нарушено одно из условий заключения брака, брак является фиктивным или лицо, заключавшее брак, скрыло от другого наличие у него венерического заболевания или ВИЧ-инфекции. В том случае, если истец не сможет доказать ни одно из данных обстоятельств, суд откажет в удовлетворении иска, т.е. брак не будет признан недействительным.

Так, Президиум Московского областного суда [6] отменил решение мирового судьи 30-го судебного участка Долгопрудненского судебного района о признании недействительным брака по иску К. к Р.

К. обратился в суд с иском к Р. о признании брака недействительным, в обоснование своих требований указал, что 6 декабря 2002 года вступил с ответчицей в брак, который был зарегистрирован Медведковским отделом ЗАГС г. Москвы. После регистрации брака Р. с ним не поддерживала супружеских отношений, общих детей нет, совместного хозяйства не вели. Через некоторое время ему стало известно, что супруга поддерживает отношения с другим мужчиной. По его мнению, при регистрации брака ответчица не имела намерений создать семью, лишь преследовала цель получения гражданства Российской Федерации. Удовлетворяя заявленные требования, мировой судья пришел к выводу о том, что ответчица вступила в брак без намерения создать семью.

Между тем, в надзорной жалобе Р., опровергая выводы мирового судьи относительно фиктивности брака, указывает, что в 2005 году К. обращался в суд с иском к ней о расторжении брака, но от заявленных требований отказался в связи с примирением. В подтверждение этого ответчица приложила к надзорной жалобе определение мирового судьи 31-го судебного участка Долгопрудненского судебного района от 27 июня 2005 года, которым производство по делу о расторжении брака между сторонами было прекращено. Кроме того, она указывает в жалобе, что истец, зная о месте ее временного нахождения и имея постоянную телефонную связь с ней в период рассмотрения дела, чему подтверждением является детализация данных, выданная оператором связи, К. неправильно в исковом заявлении указал ее место жительства. При таких обстоятельствах фиктивность брака не считается доказанной, а значит, и брак не может быть признан недействительным.

Учитывая, что презумпция действительности брака может быть оспорена, законодатель устанавливает для суда специальные правила рассмотрения данной категории дел, тем самым еще раз подчеркивая принцип недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в дела семьи.

Право обратиться в суд с требованием об опровержении данной презумпции имеется только у определенных лиц, прямо указанных в ст. 28 СК РФ. Таким образом, предмет доказывания по данной категории дел включает факты, подтверждающие то, что у лица, обратившегося в суд, есть право требования признания брака недействительным:

1) наличие родительских правоотношений, если иск предъявляется родителем несовершеннолетнего супруга (лицом, его заменяющим);

2) наличие брачных отношений, если иск предъявляется супругом по данному браку, считающему, что его права нарушены или супругом по предыдущему браку;

3) вступление в законную силу решения суда о признании супруга недееспособным и назначение лица, обратившегося в суд, его опекуном, если иск предъявляется опекуном недееспособного супруга;

4) нарушение прав и интересов других заинтересованных лиц, если иск предъявляется другими лицами (например, члены семьи нанимателя-супруга, без согласия которых вселяется супруг нанимателя) [7].

Кроме указанных лиц, предъявлять иск предоставлено право государственным органам в лице прокурора и органов опеки и попечительства. Однако они могут обращаться с требованием об опровержении презумпции действительности брака только при определенных нарушениях, имевшихся при заключении брака. Так, органы опеки и попечительства вправе предъявлять иск только в интересах несовершеннолетних и недееспособных лиц. Прокурор наделен более широкими возможностями, однако, и он не имеет право предъявлять иск, если основанием недействительности брака является нарушение условия о возрасте, а к моменту предъявления иска супруг достиг совершеннолетия. Также прокурор не имеет права предъявлять иск, если основанием недействительности брака является сокрытие венерического заболевания или ВИЧ-инфекции.

Нужно отметить, что норма ст. 28 СК РФ, закрепляющая круг лиц, имеющих право оспаривать действительность брака, стала предметом рассмотрения Конституционного суда РФ. По мнению заявителей, п. 1 ст. 28 СК РФ содержит необоснованно суженный круг лиц, имеющих право требовать признания брака недействительным, что нарушает их права, гарантированные статьями 2, 18, 45, 46, 55 (часть 3) и 56 (часть 3) Конституции РФ, статьями 3, 5, 6, 8, 13, 14 и 17 Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколами № 1 и № 7 к ней.

Конституционный Суд РФ в своем определении указал, что Конституция РФ гарантирует каждому право на судебную защиту его прав и свобод, как оно сформулировано в статье 46 (часть 2) Конституции РФ, и непосредственно не устанавливает какой-либо определенный порядок судебной защиты по заявлениям заинтересованных лиц. Из названного конституционного права не следует возможность выбора гражданином по своему усмотрению любых способов и процедур судебной защиты, особенности которых применительно к отдельным видам судопроизводства и категориям дел, которые определяются, исходя из Конституции РФ, федеральными законами. Именно такой случай предусмотрен в п. 1 ст. 28 СК РФ, устанавливающим исчерпывающий перечень лиц, которым предоставлено право требовать признания брака недействительным, что, следовательно, не может рассматриваться как нарушение каких-либо конституционных прав [8].

Говоря о презумпции брака и лицах, имеющих право предъявлять требования о ее опровержении, необходимо отметить, что такое право законодатель дает не обоим лицам, состоящим в браке и желающим опровергнуть его действительность, а только так называемому добросовестному супругу.

Так, Судебная коллегия по гражданским делам Московского областного суда отменила решение Ивантеевского городского суда Московской области о признании брака недействительным. Рассмотрев материалы дела, суд установил, что П. обратилась в суд с иском к ответчику о признании недействительным брака, заключенного между ними 28.03.1998, ссылаясь на то, что они являются близкими родственниками – братом и сест-

рой. Судом установлено, что П. (добрачная фамилия А.) и А. имеют общих родителей и являются родными братом и сестрой. Данное обстоятельство сторонам было известно.

В своем определении суд указал, что если брак заключен с нарушением требований ст. 14 СК РФ, то право на обращение в суд с требованием о признании брака недействительным предоставлено супругу, не знавшему о наличии обстоятельств, препятствующих заключению брака. Не имеет права на предъявление иска о признании брака недействительным лицо, виновное в заключение недействительного брака. Таким образом, П. не относится к числу лиц, которые вправе возбуждать вопрос о признании брака недействительным именно по основанию близкого родства, поскольку ей было известно о наличии препятствий к заключению брака [9].

Анализ положений п. 1 ст. 28 СК РФ позволяет отнести к категории добросовестного супруга следующих лиц:

- супруга, который при заключении брака не достиг совершеннолетия;
- супруга, права которого нарушены заключением данного брака по причине нарушения его волеизъявления;
- супруга, который не знал о наличии обстоятельств, препятствующих заключению брака;
- супруга, который не знал о фиктивности брака;
- супруга, от которого было сокрыто другим супругом наличие у последнего венерического заболевания или ВИЧ-инфекции.

Указанных лиц можно классифицировать на три группы:

1) лица, которые вступая в брак, не знали и не могли знать, что брак совершается с нарушением закона (при наличии обстоятельств, препятствующих заключению брака);

2) лица, чье волеизъявление на брак было нарушено (заключение брака при отсутствии добровольного согласия; заключение фиктивного брака и сокрытие другим супругом заболевания, поскольку это является частным случаем заблуждения, нарушающего свободное согласие на брак; недостижение возраста как основание для принятия осознанного решения);

3) несовершеннолетний супруг, который знал о нарушении условия о возрасте при заключении брака и мог даже способствовать его нарушению (например, подделал документы).

Считаем, что в последнем случае признание лица добросовестным супругом всегда без исключения является нарушением общих правил об опровержении презумпции действительности брака. Определяя круг истцов по делам о признании брака недействительным, закон исходит из того, что иск об этом может предъявить лишь супруг, права которого нарушены таким браком, но не виновная сторона [10]. Предоставляя лицу право оспорить действительность брака по такому основанию, как недостижение возраста во всех случаях, СК РФ тем самым нарушает данное правило, поскольку нарушение закона происходит со стороны несовершеннолетнего, который, зная о том, что он не достиг брачного возраста, все же вступил в брак. Учитывая, что до достижения совершеннолетия действует презумпция отсутствия полной гражданской дееспособности лица, т.е. оно не способно приобретать права и создавать для себя обязанности [11], но также учитывая, что законодатель признает за гражданами способность осознавать противоправность своих действий и нести за них ответственность в гражданских правоотношениях начиная с 14 лет (ст. 1074 ГК РФ), считаем, что в случае, если несовершеннолетний способствовал такому правонарушению, как искажение (сокрытие) данных о своем возрасте, он не

должен признаваться добросовестным супругом. Предлагаем дополнить абзац 1 п. 1 ст. 28 СК РФ указанием на то, что право подать иск о недействительности брака по такому основанию, как недостижение брачного возраста, должно быть предоставлено только несовершеннолетнему супругу, который своими противоправными действиями не способствовал заключению данного брака.

Рассматривая понятие «добросовестный супруг», нельзя не заметить следующее противоречие, существующее в законодательстве. Если, как уже было отмечено выше, анализ ст. 28 СК РФ позволяет выделить разные категории добросовестных супругов в недействительном браке, то в ч. 4 ст. 30 СК РФ прямо указывается, что добросовестным супругом следует считать только супруга, права которого нарушены заключением такого брака. Считаю, что для устранения правовой коллизии необходимо изменить данную норму, указав, что добросовестным супругом признается не только супруг, права которого нарушены заключением такого брака, но и супруг, который не знал об обстоятельствах, препятствующих заключению брака.

Еще одним правилом рассмотрения дел о недействительности брака, направленным на сохранение брака, является правило о том, что брак не может быть признан недействительным после его расторжения, за исключением случаев наличия между супругами запрещенной законом степени родства либо состояния одного из супругов в момент регистрации брака в другом нерасторгнутом браке (ч. 3 ст. 29 СК РФ).

Как указал Пленум Верховного суда РФ в своем Постановлении от 5 ноября 1998 г. № 15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака», если брак расторгнут в судебном порядке, то иск о признании такого брака недействительным может быть рассмотрен судом при условии отмены решения о расторжении брака, поскольку, принимая такое решение, суд исходил из факта действительности заключенного брака. Если же брак расторгнут в органах записи актов гражданского состояния, а впоследствии предъявлены требования об аннулировании записи о расторжении брака и о признании его недействительным, суд вправе рассмотреть эти требования в одном производстве (п. 23).

Закон допускает возможность сохранения брака, даже если презумпция его действительности была оспорена. Данные правила сформулированы в ст. 29 СК РФ. Анализ данной нормы позволяет говорить о том, что законодатель разделяет основания оставления брака в силе (санирования) на две группы, и в зависимости от того, к какой из групп они относятся, определяет действия суда при рассмотрении дел об оспаривании действительности брака.

В одном случае он предоставляет суду, исходя из обстоятельств дела, самому решать, оставлять ли брак действительным или нет. В данную группу входят следующие основания санирования брака: во-первых, условие, при наличии которого брак признается недействительным, отпало; во-вторых, один или оба супруга являются несовершеннолетними.

Во вторую группу входит только одно обстоятельство: лица, зарегистрировавшие фиктивный брак, до рассмотрения дела судом фактически создали семью. В этом случае суду адресуется императивное правило: суд не может признать брак фиктивным, т.е. он обязан санировать данный брак.

Формулируя данные правила, законодатель исходил из невозможности предусмотреть различные жизненные обстоятельства, присутствующие при заключении брака и изменившиеся в период его существования до момента подачи иска о признании

его недействительным. Поэтому, даже если препятствия к браку отпали (например, предыдущий брак прекращен, недееспособное в момент регистрации брака лицо признано дееспособным), суд может признать его недействительным, исходя, например, из интересов добросовестного супруга, других лиц, права которых были нарушены, а также из морально-этических соображений [12]. А в том случае, если супруги настаивают на том, что ими создана семья, хотя изначально брак заключался как фиктивный, суд должен установить, создана ли семья на самом деле, т.е. ведут ли супруги общее хозяйство, живут ли вместе, воспитывают и содержат ли общих детей (детей одного из них). Когда же эти и подобные обстоятельства не доказаны, суд не может признать брак санированным.

Считаем, что действующий институт санирования брака нуждается в совершенствовании. Так, вызывает сомнение правило о том, что только по усмотрению суда брак может быть санирован, если несовершеннолетний супруг просит сохранить брак. Недостижение брачного возраста является самоустраняемым обстоятельством, т.е. в любом случае данное обстоятельство будет преодолено (с течением времени лица достигнут совершеннолетия или до его достижения смогут обратиться за получением согласия для вступления в брак). О.Ю. Ильина отмечает, что законодательное закрепление условий заключения брака призвано обеспечивать, прежде всего, интересы лиц, вступающих в брак [13]. Поэтому считаем, что, давая суду право признать брак недействительным, даже если несовершеннолетний супруг желает оставаться в этом браке, тем самым закон позволяет суду вмешиваться в дела семьи и своим прямым указанием, не считаясь с интересами лиц, может запретить им находиться в браке.

Нужно заметить, что в семейном законодательстве других стран данное правило сформулировано иначе, чем в СК РФ. В семейном законодательстве Украины [14], Белоруссии [15] и Грузии [16] указывается, что суд может признать брак недействительным по причине нарушения условия о возрасте, только если этого требуют интересы супруга, который на момент регистрации брака не достиг совершеннолетия. Считаем, что данное положение более отвечает принципу невмешательства в дела семьи и презумпции действительности брака, чем закрепленное в российском законодательстве. Исходя из этого, предлагаем положение, содержащееся в п. 2 ст. 29 СК РФ сформулировать следующим образом: «суд может признать брак недействительным на основании не достижения супругом(ами) брачного возраста в случае, если ему(им) не был снижен брачный возраст, только если этого требуют интересы супруга(ов), вступившего(их) в брак до достижения брачного возраста».

Раскрывая презумпцию действительности брака, необходимо рассмотреть вопрос, может ли данная презумпция быть оспорена после того, как брак был прекращен в результате смерти одного или обоих супругов. Семейный кодекс РФ ничего не говорит об этом. Поэтому следует согласиться с мнением исследователей, что, учитывая присущий семейному праву метод диспозитивности, можно прийти к выводу об отсутствии препятствий к признанию брака недействительным после его прекращения в результате смерти одного из супругов. Тем более что судебная практика идет в данном случае по пути признания таких браков недействительными.

Так, Ш., А. и И. обратились в суд с иском к гражданке Х. о признании свидетельства о браке и свидетельства о праве на наследство на имя Х. недействительными, а также об установлении факта принятия наследства. В обоснование своих требований они указали следующее.

1 августа 1948 г. Ш. вступила в зарегистрированный брак с Г. От этого брака они имели двоих детей: дочь И. и сына А. В 1961 году супруги приобрели дом в г. Беслане, где проживали всей семьей. В 1966 году Ш. переехала в г. Владикавказ в связи с тем, что отношения между ней и мужем стали неприязненными. При этом брак расторгнут не был. После смерти Г. (29 октября 1997 г.) его дети фактически приняли наследство. Осенью 1999 года им стало известно, что ответчица Х. в 1978 году зарегистрировала брак с их отцом Г. и, получив свидетельство о праве на наследство, оформила дом на себя.

Как указал Верховный Суд РФ, рассматривая данное дело, из содержания ст. 28 СК РФ следует, что с требованием о признании брака недействительным вправе обращаться другие лица, права которых нарушены заключением этого брака. А. и И. в силу закона являлись наследниками имущества, оставшегося после смерти их отца. В результате регистрации в 1978 году брака Г. с Х. последняя также в силу закона стала наследницей имущества в равных с А. и И. долях, от чего их доли в наследственном имуществе уменьшились. Следовательно, А. и И., считая свое имущественное право в результате заключения Г. брака с ответчицей нарушенным, были вправе на основании ст. 28 СК РФ просить суд о признании брака недействительным [17].

Считаем, что поскольку существование брака являет юридическим фактом, влияющим на возникновение, изменение и прекращение других правоотношений, то, следовательно, в том случае если оспаривание его действительности может повлиять на существование других правоотношений, то законодатель не должен запрещать обращаться в суд с иском о недействительности брака, даже если брак уже был прекращен в связи со смертью супругов. Тем не менее, исходя из презумпции действительности брака и принципа невмешательства в семью, данное право должно быть предоставлено с определенными ограничениями. В частности, это касается предъявления иска о признании брака недействительным на основании его фиктивности, если оба супруга уже умерли.

Согласно ст. 28 СК РФ, по данному основанию подать требование о признании брак недействительным может супруг, который не знал о фиктивности брака, и прокурор. Таким образом, в том случае, если оба супруга умерли, наследники могут обратиться через прокурора в суд с требованием о признании брака недействительным. Б.А. Булаевский считает, что, предоставляя прокурору право требовать признания фиктивного брака недействительным, «закон, по сути, расставил приоритеты между публичными и частными интересами, определив главенство публичных. В делах подобного рода надзор за законностью как проявление публичного (государственного) интереса «перекрывает» любые интересы отдельно взятых лиц, в том числе и самих супругов. Именно поэтому прокурор вправе требовать признания фиктивного брака недействительным даже тогда, когда осведомленные о фиктивности брака «супруги» намеренно создали лишь подобие семьи. И хотя, как правило, вопрос о фиктивности возникает в связи с ущемлением чьих-либо частных интересов, прокурор выступает в делах подобного рода в качестве защитника законности» [18]. В целом соглашаясь с данной позицией, считаем, что в ситуации, когда оба супруга умерли, невозможно точно и полно оценить, была ли в период брака создана семья или нет, поскольку никто, кроме самих супругов, не сможет пояснить, имелись или нет между ними семейные отношения, а если не имелись на момент заключения брак, то возникли ли они в период брака. Как верно отмечает Л.М. Пчелинцева, «с точки зрения доказывания, дела о фиктивности брака представляют для суда значительную сложность, особенно когда намерения создать семью не было только у одного из супругов, так как этот недобросовестный супруг на определенное время создает видимость семьи, а получив желаемое, резко меняет свое поведе-

ние» [19]. Поэтому считаем, что законодательно должен быть установлен запрет на признание брака недействительным по основанию его фиктивности, если оба супруга умерли, по причине того, что невозможно получить достоверные сведения об их отношениях.

Признание брака недействительным является правовой санкцией за нарушение семейного законодательства при заключении брака. Однако возможность применения данной санкции ограничена закреплением в СК РФ презумпции действительности брака. Согласно данной презумпции, брак, даже совершенный при нарушении установленных законодателем условий для его заключения, является действительным и порождает для лиц, в нем находящихся, правовые последствия. Наличие презумпции действительности брака основывается на таком принципе семейного права, как недопустимость произвольного вмешательства кого-либо (в том числе государственных органов) в дела семьи. Данная презумпция находит свое выражение, во-первых, в ограничении круга лиц, имеющих право ее оспаривать, во-вторых, в невозможности признания брака недействительным после его расторжения, и, в-третьих, в предоставлении суду возможности оставить брак в силе, несмотря на имеющееся основание его недействительности на момент заключения брака.

Примечания

1. Ваничкина О.Ю. Комментарий к Федеральному закону «Об актах гражданского состояния» (постатейный). – М.: ЗАО Юстицинформ, 2006. – С. 12.
2. Маелов В.Ф., Подопригора З.А., Пушкин А.А. Действующее законодательство о браке и семье. – Харьков, 1974. – С. 30.
3. Паластина С.Я. Юридические факты в советском семейном праве // Правоведение. – 1976. – №3. – С. 49.
4. Нечаева А.М. Семейное право. Курс лекций. – М.Юрист, 1998. – С. 92.
5. Югай О.Д. К вопросу о понятии и правовой природе брака // Семейное и жилищное право. – 2007. – №3. – С. 5.
6. Постановление Президиума Московского областного суда от 19 марта 2008 г. №231. Дело №44г-113\08 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.advocate-realty.ru/practices/items/?category=388868>.
7. Мировой судья в гражданском судопроизводстве / под ред. А.Ф. Ефимова и И.К. Пискарева. – М.: Издательский дом «Городец», 2004. – С. 120.
8. Определение Конституционного Суда РФ от 23 июня 2005 г. №228-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Авдеева Виктора Михайловича и Клюкиной Виктории Викторовны на нарушение их конституционных прав пунктом 1 статьи 28 Семейного кодекса Российской Федерации и частью второй статьи 61 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации». [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://iv.garant.ru/SESSION/S__Vh8dNQ1o/PILOT/main.html.
9. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Московского областного суда от 2 февраля 2006 года. Дело №33-189. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.advocate-realty.ru/practices/unitsp/?id=389078>.
10. Рабец А.М. Семейное право: курс лекций. – Белгород: БКИ «Везелица», 1998. – С. 82.
11. Мохов А.А. Презумпция дееспособности лица, достигшего установленного законом возраста, и ее применение в судебной практике // Арбитражный и гражданский процесс. – 2004. – №12. – С. 31.

12. Вишнякова А.В. Комментарий к семейному кодексу Российской Федерации. – М.: АСТ, АСТ МОСКВА, КОНТРАКТ, 2008. – С. 58.
13. Ильина О.Ю. Брак как форма государственного признания отношений между мужчиной и женщиной // Семейное и жилищное право. – Юрист. – 2006. – №4. – С. 32.
14. Ст. 41 Семейного кодекса Украины от 2002. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ubc.ua/Law/simcod_r.html.
15. Ст. 47 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье от 9 июля 1999 г. №278-3. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.tamby.info/kodeks/kobs.htm>.
16. Ст. 1142 Гражданского кодекса Грузии от 26.06.1997. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1259884>.
17. Определение Верховного Суда РФ от 20 октября 2003 года. Дело №22-В03-5. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.advocate-realty.ru/practices/unitsp/?id=389058>.
18. Булаевский Б.А. О признании брака недействительным в интересах несовершеннолетних. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.to-1.ru/articles/171/>.
19. Пчелинцева Л.М. Семейное право. – М.: НОРМА-ИНФРА-М, 2006. – С. 120.

В.В. Кульчевский

СУБЪЕКТНЫЙ СОСТАВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И НЕОБХОДИМОСТЬ ЕГО ОПТИМИЗАЦИИ

Исходя из определения состава федерации как совокупного числа субъектов, входящих в нее, мы можем констатировать, что в составе Российской Федерации по состоянию на 1 марта 2008 г. находится 83 субъекта федерации. Очевидно, что даже для такого огромного государства, как Россия с относительно малочисленным населением, а также множеством малозаселенных пространств, это много. В США (второй по составу федерации в мире) – 50 субъектов федерации, но численность населения более чем в два раза превышает численность населения в России. В Индии с ее колоссальным населением – всего 25 субъектов федерации. Многочисленность субъектов федерации создает трудности как в управлении страной в целом, так и экономикой отдельных субъектов федерации, которые вынуждены тесно координировать свои действия для достижения определенных результатов.

Так, в 90-е годы на региональном уровне в силу быстро развивающихся экономических отношений местные лидеры в целях координации своих действий были вынуждены налаживать связи между соседними субъектами федерациями. Так появились ассоциации экономического взаимодействия, которые создавались самими политико-территориальными единицами. Изначально они возникали стихийно. Не было даже правовой базы, на основе которой они могли налаживать контакты. Некоторые субъекты федерации, например, Калининградская область, входили сразу в несколько ассоциаций.

По мере развития ассоциаций на территории Российской Федерации стали появляться предложения по укрупнению субъектов федерации на их основе. Хотя это вызывало неприятие у правящей элиты в таких регионах, однако со временем, нам кажется, развитие экономических процессов потребовало бы слияния субъектов федерации на базе ассоциаций экономического взаимодействия. Губернаторы своими действиями подталкивали процессы объединения регионов. Как справедливо отмечает В.Н. Руденко, ассоциации могли стать основой укрупненных субъектов федерации со сбалансированной экономикой и бюджетами. Они были готовы взять на себя не только функции экономической интеграции регионов, но и функции макроэкономического управления во взаимодействии с федеральным центром. На определенном этапе инициатива ассоциаций была принята: руководителям ассоциаций было предоставлено право участвовать в заседаниях Правительства Российской Федерации, внутри ассоциаций начались процессы создания межрегиональных ведомственных структур. Изначально федеральным центром была избрана политика регламентарного контроля над формированием и деятельностью межрегиональных ассоциаций, а позже – интеграции их в структуры федеральной исполнительной власти: в 1998 г. руководители ассоциаций были введены в состав Правительства Российской Федерации на правах федеральных министров [1].

Но объединение пошло по другому пути. В естественно назревавший процесс укрупнения регионов вмешался федеральный центр. С изданием Указа Президента Российской Федерации от 13 мая 2000 г. № 849 «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе» акценты изменились. По сути дела, феде-

ральная власть перехватила инициативу. Полномочный представитель Президента Российской Федерации в Федеральном округе стал неким связующим звеном – посредником между губернатором и Президентом России. Под них стали выстраивать структуру силовых министерств и ведомств.

Сколько бы у нас ни критиковали такое положение вещей, подобная надстройка в России существовала всегда. В царской России был институт генерал-губернаторов, которые имели широкие полномочия, например, могли отменять решения и действия губернаторов (хотя не следует забывать об унитарном устройстве России того времени). Они являлись органом надзора за административной властью в губерниях. Нередко генерал-губернаторы вторгались в деятельность местных органов управления. В советское время субъекты федерации – республики – входили в состав краев. Такая конструкция позволяет контролировать всю территорию государства с большим количеством субъектов федерации. Возможность самораспада государства сводится к минимуму. Двухуровневое субнациональное деление государственной (федеральной) территории является весьма эффективной моделью поддержания единства и целостности Российской Федерации.

Официально губернаторы не подчиняются Полномочным представителям Президента, реально же находятся под их контролем. В результате, за формально избранным губернатором «надзирает» чиновник из Администрации Президента России. В то же время, губернаторы имеют возможность напрямую взаимодействовать с Президентом Российской Федерации. В таких условиях получается дублирование функций на местах при зависящем от Президента губернаторе как непосредственно, так и через должностных лиц его Администрации, двухуровневое субнациональное деление федеральной территории становится бессмысленным. Второй, вышестоящий уровень должен контролировать нижестоящий, который и так зависим от федеральной власти. Исходя из существования института Полномочных представителей как весьма оригинального префекта федеральной власти на определенной территории, мы можем приблизительно определить возможное минимальное количество субъектов Российской Федерации в рамках данной конструкции. Из семи существующих федеральных округов самый малочисленный Уральский федеральный округ, который включает Курганскую область, Свердловскую область, Тюменскую область, Челябинскую область, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа, т.е. минимальное количество субъектов в федеральном округе – шесть. Если умножить количество федеральных округов на минимальное количество субъектов округа, то получится 36 субъектов федерации. Таким образом, минимально допустимой планкой для такой модели является приблизительно 40 субъектов федерации. Если ее снизить, например, до трех субъектов федерации в федеральном округе, возможность распада многонационального государства резко возрастает. Если же количество субъектов увеличить, появится необходимость создавать дополнительно один или несколько федеральных округов, а может быть, и менять систему, т.к. модель станет неэффективной. Безусловно, это теоретические подсчеты, например, в современных условиях сокращение субъектов федерации до 6 является эфемерной идеей.

Сложная ситуация сложилась и в структуре Российской Федерации, которая также нуждается в коренной перестройке. Прежде всего, это ее асимметричный характер .

При образовании составных частей федерации используются два основных критерия:

– территориальный – основанный на политической, экономической и географической обособленности;

– этнический – обусловленный влиянием национального, религиозного, лингвистического, культурно-этнического и иных этнодемографических факторов.

По первому критерию образованы США, где штаты возникли исторически при естественном развитии и объединении общин. Вторым критерий был использован Индией, в которой штаты сформированы на языковой, религиозной, территориальной и географической основах. В некоторых федерациях употребляются оба критерия. Например, Эфиопия состоит из 11 автономных регионов (штатов), 8 из которых образованы по этническому принципу, а остальные по территориальному [2].

Как правило, в национально-территориальных субъектах наряду с государственным языком федерации применяется еще один официальный язык, являющийся национальным языком большинства местного населения субъекта. Так, в части 2 статьи 16 Конституционного акта Канады 1982 закреплено, что официальными языками Канады являются английский и французский языки, хотя франкоговорящее население из всех провинций доминирует только в Квебеке и составляет значительную долю населения провинции Нью-Брансуик [3].

Структурными элементами Российской Федерации являются республики, края, области, города федерального значения, автономная область, автономные округа – равноправные субъекты Российской Федерации (ч. 1 ст. 5 Конституции России). Рассмотрим те субъекты федерации, статус которых имеет существенные различия и закладывает основы асимметричности в структуре Российской Федерации. Это города федерального значения; автономные округа, входящие в состав сложноустроенного субъекта федерации; а также республики.

Особенности правового положения городов федерального значения

Города федерального значения отличаются от остальных членов федерации сочетанием в себе одновременно статуса субъекта федерации и статуса населенного пункта – города. Остальные субъекты, являясь территориальными единицами, включают в свой состав города, иные населенные пункты. Москва как субъект России по своему конституционно-правовому статусу формально не отличается от другого города федерального значения – Санкт-Петербурга. Однако Москва является столицей России. Статус столицы определен в Законе Российской Федерации от 15 апреля 1993 г. № 4802-1 «О статусе столицы Российской Федерации». Столица – место нахождения федеральных органов государственной власти, представительств субъектов Российской Федерации, а также дипломатических представительств иностранных государств. Столичное правительство обязано предоставлять им здания, земельные участки, жилищно-коммунальные, транспортные и иные услуги. Москва как столица должна обеспечивать необходимые условия для проведения общегосударственных и международных мероприятий, согласовывать генеральный план развития города с федеральными органами государственной власти. Одновременно органы государственной власти Москвы вправе участвовать в разработке и осуществлении целевых федеральных программ, касающихся Москвы, в развитии федеральных систем связи, федеральных дорог и иных федеральных транспортных систем на территории столицы.

Нормами Федерального закона от 6 октября 2003 г. №131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» городам федерального значения предоставлено право осуществления местного самоуправления органами местного самоуправления на внутригородских территориях (ст. 79), иные крупные города лишены подобного права.

Особенности правового положения автономных округов

Автономные округа могут входить в состав края или области. В этом случае отношения между автономным округом и сложноустроенным субъектом могут регулироваться федеральным законом и договором между органами власти края, области и органами власти входящего в его состав автономного округа (ч. 4 ст. 66 Конституции).

По представлению законодательных и исполнительных органов любого автономного образования может быть принят федеральный закон об этом субъекте Российской Федерации. Скорее всего, эта норма не будет использована Еврейской автономной областью и Чукотским автономным округом, поскольку их статус не отличается от статуса края или области. Такой закон может быть нужен только автономным округам в составе края или области. Однако изменить конституционный статус субъекта федерации федеральным законом нельзя, можно лишь подтвердить его полномочия в том случае, если договорный процесс внутри сложноустроенного субъекта не конструктивен. Но в Конституции не были установлены пределы юрисдикции области (края) на территорию автономных округов, власти которых часто вообще не считались с областными (краевыми) законами.

Еще до принятия Конституции Российской Федерации противоречивость статуса автономных округов вызывала бурные споры, для разрешения которых не раз сторонам приходилось обращаться в суд. В Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 11 мая 1993 г. по делу о проверке конституционности Закона Российской Федерации от 17 июня 1992 г. «О непосредственном вхождении Чукотского автономного округа в состав Российской Федерации» закреплялось, что нахождение автономного округа в крае или области, равно как и выход, не влияют на его конституционно-правовой статус. Нахождение автономного округа в крае или области не означает поглощения его территории. Естественно, такое решение не разрешило принципиальные противоречия в сложноустроенных субъектах.

Поэтому неудивительно обращение в Конституционный Суд России трех Дум Тюменской области о толковании ч.4 ст. 66 Конституции. Автономные округа при этом считали, что юрисдикция Тюменской области на них не распространяется. В Постановлении констатировалось следующее: территория и население округов являются составной частью территории и населения области, следовательно, население округов вправе принимать участие в выборах органов государственной власти области, а органы государственной власти округов обязаны организовать эти выборы на своей территории. Разграничение полномочий между областью и округами осуществляется только по предметам совместного ведения федеральными законами или договорами, предметы собственного ведения регулируются каждым субъектом самостоятельно. Отсутствие же договора не может служить препятствием для распространения юрисдикции области (края) на автономные округа. Статус автономного округа может быть изменен без согласия области или края по части 5 статьи 66 Конституции России.

В Федеральном законе от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» разграничиваются полномочия между органами государственной власти края, области и автономными округами в сложноустроенных субъектах Российской Федерации.

В настоящее время сложноустроенными субъектами федерации в России являются Архангельская и Тюменская области. По сути дела, федеральная власть по отношению к ним поставлена перед трудным выбором. Их статус-кво во многом объясняется благоприят-

ными экономическими условиями в округах, даже несмотря на постоянно уменьшающийся объем полномочий, но присутствует заинтересованность в процессах объединения со стороны областных властей обоих субъектов. Население округов в большинстве своем вряд ли поддержит идею объединения на референдуме. Его сложно будет заинтересовать строительством перинатальных центров, противотуберкулезных диспансеров и реконструкцией аэропортов. Объединение же в Тюменской области сопряжено еще с одной проблемой. Существуют сценарии по постепенной передаче оставшихся полномочий окружных властей областным, но по своим экономическим потенциалам Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа уступают лишь Москве, если их укрупнить с областью, то почти посреди России федеральный центр получит настолько мощный в экономическом отношении субъект федерации, что равных ему не будет. Это не вписывается в концепцию выравнивания экономического развития регионов. Полагаем, что укрупнение Тюменской области в обозримом будущем неуместно. Возможен даже выход округов из области как решение проблемы «матрешки», вариант по передаче полномочий области можно будет реализовать в Архангельске. Исходя из сложившейся ситуации до 31 декабря 2015 г. был продлен Договор между органами государственной власти Тюменской области и обоих округов, который закрепляет сложившуюся систему отношений в сложноустроенном субъекте. Продолжают эффективно функционировать на территории области Совет Губернаторов и Совет трех Дум. Очевидно, вопрос об укрупнении либо разукрупнении Тюменской области остается открытым. Наиболее действенный способ разрешить его – принять, наконец-то, Федеральный конституционный закон об изменении статуса субъекта Российской Федерации (ч. 5 ст. 66 Конституции), в котором предусмотреть возможность выхода автономного округа из состава области. Тогда можно будет ликвидировать такую аномалию в российском федеративном устройстве как сложноустроенные субъекты федерации.

Есть и другие способы решения проблемы. Так, М.С. Саликов видит теоретическую возможность непосредственного вхождения автономных округов в состав Российской Федерации путем заключения договора между автономным округом и сложносоставным субъектом федерации (ч. 4 ст. 66 Конституции), а затем такой договор должен получить юридическое закрепление на федеральном уровне [4].

Особенности правового статуса республик

В отличие от других субъектов федерации, республики признаются государствами. Слово «государство» употребляется для характеристики субъектов федерации и в других странах («штат» от английского «state» в Австралии, США, Индии, «estado» в Бразилии, Мексике означает «государство»), но его значение переосмыслено (американские, малайзийские, бразильские или мексиканские штаты не рассматриваются как государства) [5]. Республики, не являясь суверенными государствами, не имеют права заключать международные договоры с иностранными государствами и между собой, не вправе провозглашать своей исключительной собственностью землю, ее недра, природные богатства, что ранее делалось. Но власть в таких государствах не является суверенной, республики самостоятельны только в рамках, установленных Конституцией. Республики не вправе нарушать государственную целостность России, единство системы государственной власти. Конституция Российской Федерации не закрепляет право выхода республик из состава федерации. Они самостоятельно принимают государственную символику.

В соответствии с п. «а» ч. 1 ст. 72 Конституции России, к совместному ведению Российской Федерации и республик относится обеспечение соответствия Конституции

Российской Федерации и федеральным законам конституций и законов республик, а в отношении других субъектов федерации – уставы, законы и *иные нормативные правовые акты*.

Как указывается в ч. 2 ст. 68 Конституции России, республики вправе устанавливать свои государственные языки. В органах государственной власти, органах местного самоуправления, государственных учреждениях республик они употребляются наряду с государственным языком Российской Федерации. В соответствии с Законом Российской Федерации от 25 октября 1991 г. № 1807-1 «О языках народов Российской Федерации» алфавиты государственного языка Российской Федерации и государственных языков республик строятся на графической основе кириллицы. Иные графические основы алфавитов государственного языка Российской Федерации и государственных языков республик могут устанавливаться исключительно федеральными законами. Данная норма была признана Конституционным Судом соответствующей Конституции Российской Федерации.

Кроме того, республики имеют свои конституции, иные субъекты федерации принимают уставы, которые должны быть приняты только законодательным органом субъекта Российской Федерации, а республики же вправе самостоятельно определять вопрос о порядке принятия своей конституции: на референдуме либо законодательным органом власти (ч. 1 и 2 ст. 66 Конституции России). В республиках формируются конституционные суды, а в иных субъектах – уставные. Высшими должностными лицами республик являются президенты, в других субъектах, как правило, губернаторы. Центрами республик являются столицы в отличие от административных центров прочих субъектов России.

В статье же 65 Конституции Российской Федерации республики среди иных видов субъектов федерации находятся на первом месте, хотя с позиции равноправия субъектов Российской Федерации логичным выглядело бы их перечисление в алфавитном порядке. Скорее, это дань «социалистической» традиции в построении федеративного государства. Так, С.А. Авакьян считает, что настоящий порядок перечисления в Конституции Российской Федерации субъектов остался в наследство от того времени, когда национальный принцип построения Российской Федерации был связан только с автономными республиками в ее составе. В тот период края, области, города республиканского подчинения были административно-территориальными единицами и не могли быть равными с республиками. Автономные же области и автономные округа входили в состав соответственно краев и областей, т.е. были по рангу заведомо ниже не только республик, но краев и областей. Архаизмы сопровождают всю нашу жизнь, и мы научились с этим мириться, следовательно, порядок перечисления субъектов в ст. 65 Конституции России не означает возвышения одних субъектов федерации над другими [6].

Как отмечает О.Е. Кутафин, в апреле 1990 г. Верховным Советом СССР был принят Закон «О разграничении полномочий между Союзом ССР и субъектами Федерации», в котором автономные республики в составе РСФСР были признаны (одновременно) и субъектами в составе РСФСР, и в составе союзной федерации. Татарстан сделал выбор в пользу более высокого статуса, а потому и не включил в свою Декларацию о государственном суверенитете указания на то, что он является субъектом РСФСР. В качестве субъекта распавшегося Союза ССР Татарстан заявил о своей готовности к подписанию нового Союзного Договора, а 26 декабря 1991 г. принял Декларацию о вхождении в состав СНГ. 15 февраля 1994 г. был подписан Договор о разграничении полномочий с Россией.

De jure учреждение республики предшествовало учреждению Российской Федерации в правовых параметрах Конституции 1993 года. Следовательно, в российском федерализме присутствуют элементы договорного федерализма.

Суммируя мнения исследователей относительно оптимизации состава России, можно выделить следующие препятствия рационализации состава субъектов Российской Федерации [7]:

- 1) проблемы неравного статуса субъектов федерации;
- 2) национально-территориальный принцип образования некоторых субъектов федерации;
- 3) многочисленность субъектов Российской Федерации;
- 4) наличие сложноустроенных субъектов в России;
- 5) экономическая несамостоятельность ряда субъектов Российской Федерации – отсутствие у российского федерализма естественной экономической основы.

Отметим, что сам по себе факт наличия в составе федерации множества субъектов либо слабое экономическое развитие некоторых из них не означает, что необходимо менять состав и структуру такого государства. При определенных обстоятельствах оправданно существование относительно большего числа субъектов федерации. Например, в Швейцарии 23 кантона (26 с полукантонами), на первый взгляд, для такой маленькой страны это много, однако, если учитывать огромную лингвистическую составляющую в Швейцарском государстве, то в таком случае можно говорить даже о его целесообразности. Финансовые же проблемы в субъекте федерации далеко не всегда могут быть вызваны неоптимальным построением состава федерации, но если же экономическая нестабильность, причем перманентная, у подавляющего числа субъектов федерации, то это должно настораживать, а в совокупности с другими критериями, мы выделили их пять, можно настаивать на изменениях в составе субъектов Российской Федерации.

Очевидно, неравноправие в России между субъектами недопустимо. Это грозит развалом федерации. Необходимо не только менять структуру Российской Федерации, но и сокращать количество субъектов федерации. Огромная территория сама по себе не требует большого количества субъектов. Кроме того, необходимо отказаться от формирования федерации в России, построенной по национально-территориальному принципу. Опыт зарубежных федераций (Чехословакии, СФРЮ, ситуация в Боснии и Герцеговине, а также Бельгии), да и СССР свидетельствует, что таким образом изначально закладывается возможность развала государства в моменты кризиса федеральной власти.

И.А. Конюхова считает, что национальный фактор оказывает разрушающее воздействие на государственность России, влияет на рост национализма. В то же время нельзя игнорировать на современном этапе свершившийся факт образования республик-государств на национально-территориальной основе. Причину конфликтности она видит в наличии в конституционной модели асимметрии двух основных пороков, искусственно стимулирующих развитие национального фактора – структурирование субъектов федерации в форме республик на квазинациональной основе и выбор формы самоопределения народов в виде «республика – государство» [8].

Мы разделяем позицию М.С. Саликова в том, что «нельзя отождествлять решение национального вопроса с обязательным предоставлением территории, где проживает тот или иной этнос, статуса национально-государственного образования. Право на самоопределение – не панацея для решения всех этнонациональных проблем. Ведь существует

немало средств для обеспечения полноценного развития любой нации, проживающей на территории федеративного союза, при отсутствии у нее субъектного статуса» [9].

Р.Г. Абдулатипов полагает: «Многонациональность – это не проигрыш, а огромный выигрыш. Потенциал, который не использован» [10]. Нам кажется, такой «потенциал» может быть использован только в одном случае – для дестабилизации федерации.

По мнению Э.В. Тадевосяна, «на нынешнем этапе развития российского федерализма в нем могут сохраняться в рамках принципиально единого статуса субъектов Российской Федерации известные элементы частичного неравноправия, связанные с объективно обусловленной асимметрией Российской Федерации, вызванными историческими, географическими и иными факторами, но не ставящие под сомнение их равноправие между собой в главном и в основном – в отношениях с федеральным центром» [11].

Никто не оспаривает исторические, географические и иные особенности субъектов федерации. Однако в правовом положении субъекты Российской Федерации должны обладать одинаковым статусом, который должен быть закреплен в Конституции государства.

В 90–е годы Л.М. Карапетян видел главную опасность в сохранении единой и неделимой Российской Федерации не в количестве и равноправии статуса субъектов федерации, а в политико-правом (конституционном) и фактическом их равноправии [12]. Сегодня можно с уверенностью говорить о том, что невозможно достичь конституционного и фактического равноправия субъектов федерации без выравнивания их статуса, объединение же субъектов федерации – лишь одна из форм оптимизации субъектного состава Российской Федерации.

По мнению А.В. Усягина, главной проблемой в территориальном устройстве Российской Федерации является несоответствие административных, экономических, этнических и политических границ территорий. Обозначившийся переход от индустриальной к постиндустриальной фазе развития отдаляет сложившуюся сетку административно-территориального деления России от реальных экономических связей и отношений [13].

Нам кажется, придание равного конституционно-правового статуса субъектам Российской Федерации отвечает государственным интересам России. Один из шагов в данном направлении – сведение к минимуму в структуре России видов субъектов федерации. Подавляющее число субъектов в России являются дотационными, неспособными самостоятельно, без поддержки федеральной власти выполнять свои обязательства. Сохранение субъектов федерации, наделенных атрибутами власти, но не поддерживающих приемлемого уровня жизни населения, не имеет смысла. Объединение субъектов в России лишь одна, но *не единственная*, из форм оптимизации субъектного состава Российской Федерации. В некоторых случаях могут быть востребованы процедуры присоединения, разделения, выделения субъектов федерации.

Политика федеральной власти в настоящее время направлена на сокращение субъектов Российской Федерации. Ликвидируются, прежде всего, сложноустроенные субъекты (края и области, имеющие в своем составе автономные округа). Это оптимизирует процесс управления государством, во-первых. Во-вторых, приводит в соответствие с Конституцией России принцип равноправия субъектов, закрепленный в ст. 5. В-третьих, укрупнение субъектов за счет автономных округов позволяет сократить влияние национального принципа в построении федерации. Мы разделяем мнение О.А. Углановой о том, что процесс объединения субъектов федерации базируется на унитарных началах российского федерализма с тенденцией к преобладанию административно-территориального принципа государственного устройства государства [14].

Примечания

1. Руденко В.Н. Ассоциации экономического взаимодействия субъектов Российской Федерации: правовой статус и роль в становлении федеративных отношений // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. – 1999. – № 4. – С. 127-137.
2. СЗ РФ. – 2000. – № 20. – Ст. 2112.
3. Конюхова И.А. Современный российский федерализм и мировой опыт: Итоги становления и перспективы развития. – М.: ОАО «Издательский дом «Городец»»; «Формула права», 2004. – С. 57.
4. Конституции Зарубежных государств / В.Н. Дубровин [и др.]. – М.: Юрлитинформ, 1996. – С. 322.
5. Саликов М.С. Сравнительный федерализм США и России. – Екатеринбург: УрГЮА; Изд-во Гуманитарного университета, 1998. – С. 156-157.
6. Чиркин В.Е. Конституционное право зарубежных стран – М.: Юристь, 1997. – С. 463.
7. Авакян С.А. Конституционное право России: Учебный курс. – 2-е изд., перераб. и доп. – Т. 2. – М.: Юристь, 2006. – С. 83.
8. См., например, Глигич-Золотарева М.В. Правовые основы федерализма. – М.: Юристь, 2006. – С. 339; Добрынин Н.М. Новый российский федерализм: Модель будущего государственного устройства Российской Федерации. – Новосибирск: Сибирская издательская фирма «Наука» РАН, 2003.
9. Конюхова И.А. Современный российский федерализм и мировой опыт: Итоги становления и перспективы развития. – М.: ОАО «Издательский дом «Городец»»; «Формула права», 2004. – С. 282.
10. Саликов М.С. О преимуществах и возможностях создания территориальной Федерации // Полис. – 1998. – № 3. – С. 210.
11. Абдулатипов Р.Г. Состояние и перспективы российского федерализма: политика, право, экономика // Социально-политический журнал. – 1997. – № 4. – С. 15.
12. Тадевосян Э.В. К вопросу о характере государственной власти субъекта Федерации // Государство и право. – 2002. – № 3. – С. 26.
13. Карапетян Л.М. Субъекты федерации. // Свободная мысль. Теоретический и политический журнал. – 1996. – № 11. – С. 92.
14. Усягин А.В., Шишков М.К. Территориальное управление в России: теория, история, современность, проблемы и перспективы [Электронный ресурс]: Режим доступа // <http://www.terrus.ru/mono/>.
15. Углова О.А. Конституционное регулирование субъектного состава Российской Федерации: автореф... канд. юрид. наук. – Саратов, 2007. – С. 8.

Н.А. Усольцева

МОРСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И БЕЗОПАСНОСТЬ МОРЕПЛАВАНИЯ В НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫХ АКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Освоение Мирового океана всегда было неразрывно связано с проблемой обеспечения безопасности мореплавания. Несмотря на постоянное развитие методов, способов и технических средств обеспечения безопасности мореплавания, в море ежегодно терпят кораблекрушения более 200 крупных судов.

Международный характер использования Мирового океана для мореплавания предполагает применение международного подхода при решении проблемы обеспечения безопасности мореплавания и требует международно-правового регулирования. К настоящему времени международно-правовая практика накопила достаточное количество нормативных актов, регламентирующих вопросы безопасности мореплавания. Правовой основой совместных действий государств служат международные договоры в области обеспечения безопасности мореплавания.

Существует много различных толкований термина «безопасность». Так, например, Федеральный закон «О транспортной безопасности», принятый в 2007 году [1], толкует понятие безопасности как «состояние защищенности объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств от актов незаконного вмешательства». В отдельных словарях данный термин трактуется как – «свобода от опасности», «отсутствие потери денег», «свобода от недопустимого риска». Такое многообразие и смешение понятий затрудняет научные разработки и практическое приложение их результатов в данной области.

Анализируя и синтезируя для различных ситуаций понятие опасностей на море, можно прийти к выводу, что под безопасностью следует понимать состояние равновесия между окружающей природной средой, судном и человеком. Нарушение этого равновесия за счет непреодолимых природных сил стихии, отказов человека или техники чревато рядом последствий, именуемых как «аварийные морские происшествия» [2; с. 25].

Безопасность на море изначально имела два диапазона измерений: безопасность судоходства и безопасность судовождения. В настоящее время они объединены в один термин, который именуется «безопасностью мореплавания». Требования обеспечить безопасность мореплавания практически всегда были абсолютны.

На самом деле, никакая хозяйственная деятельность, в том числе транспортная деятельность на море, не возможна без сбоев, но, тем не менее, реализация понятия «безопасность мореплавания» должна определять технически, организационно, экономически, политически, социально обоснованный в конкретном государстве, в конкретный исторический период уровень надежности транспортного процесса.

Помимо использования самого понятия «безопасность мореплавания» в нормативно-правовом регулировании находит закрепление понятие «концепция безопасности мореплавания». Основная позиция концепции базируется на том, что обеспечить абсолютную безопасность нельзя, но можно достичь приемлемого риска, при котором опасность минимальна. В то же время безопасность должна обеспечивать сохранность человеческих жизней и имущества на море, которое обеспечивается системой нацио-

нальных и международно-правовых мер технического, организационного, социального и правового характера. Соединив данные подходы, можно установить, что «концепция безопасности мореплавания» – это система взглядов на обеспечение таковой, определенное понимание явлений, процессов, касающихся обеспечения безопасности мореплавания.

Исходя из вышеизложенного, можно установить употребление термина «безопасность мореплавания» в следующем значении – это относительно стабильное состояние (положение), свободное от опасностей, которое обеспечивается системой международных и национальных мер технического, организационного, экономического, социального и правового характера, направленных на уменьшение и предотвращение аварийности в целях сохранности человеческих жизней и имущества на море, защиты и сохранения морской среды.

Еще одним из направлений, рассматриваемых в связи с безопасностью мореплавания, является политика в области безопасности и защиты окружающей среды. Вообще, в политике безопасности должна предусматриваться система мер, блокирующих причины всех видов опасности, с которыми столкнулось человечество. Опасность же представляет собой потенциальную угрозу человеческой жизни или здоровью, собственности или окружающей среде [2; с. 26].

Использование термина «безопасность мореплавания» сопряжено с вопросами применения и регламентации понятия «морская безопасность», которое используется на морском и внутреннем водном транспорте. На морском транспорте данное понятие неразрывно связано с понятиями «судоходство», «морское судоходство», «торговое мореплавание».

В статье 2 Кодекса торгового мореплавания РФ [3] под торговым мореплаванием понимается деятельность, связанная с использованием морских судов для перевозки грузов, пассажиров и их багажа, промысла водных биологических ресурсов, разведки и разработки минеральных и других неживых ресурсов морского дна и его недр, лоцманской и ледокольной проводки, подъема затонувшего имущества, спасательных и буксирных операций, гидротехнических, подводно-технических и других подводных работ, санитарного, карантинного и другого контроля, защиты и сохранения морской среды, проведения морских научных исследований, учебных, спортивных, культурных и иных целей.

Исходя из определения, данного в КТМ РФ, понятие «морская безопасность» включает в себя безопасность мореплавания, защиту человеческой жизни, поиск и спасание на море, защиту и сохранение морской среды, то есть является общим понятием. В результате существования нескольких терминов, определяющих требования к уровню безопасности морского судоходства, возникает пробельность как использования данных терминов, так и правового закрепления самих критериев безопасности. В связи со спецификой использования на нескольких видах транспорта термина «морская безопасность» и частой заменой данного понятия термином «безопасность мореплавания», у эксплуатантов морских судов существует возможность уклониться от исполнения требований нормативных актов, определяющих критерии безопасности судоходства, как на морских, так и на внутренних водных путях.

Морская безопасность должна обеспечиваться: неукоснительным исполнением и соблюдением соответствующих норм права; поддержанием, совершенствованием и развитием средств навигационного обеспечения морских путей; государственным контролем и надзором за выполнением требований к техническому состоянию и годности мор-

ских судов, их всестороннему оснащению и обеспечению, подготовке и дипломированию членов экипажей судов; оперативным доведением необходимой информации до участников перевозочной и иной деятельности на акваториях.

Анализ состояния морской безопасности в Российской Федерации в сравнении с уровнем безопасности в странах-членах Международной морской организации показывает негативную тенденцию роста числа морских происшествий с участием судов под российским флагом. В большинстве своем это суда класса «река – море».

Основными причинами происшествий с морскими судами являются: их износ и старение; перевод таких судов под флаги иностранных государств; переоборудование судов внутреннего водного транспорта устаревших проектов в морской класс; сознательное превышение загрузки судов и многие другие [4; с. 44].

При рассмотрении вопросов соблюдения требований морской безопасности эксплуатантами морских судов, возникает необходимость проанализировать структуру органов власти, обеспечивающих соблюдение данных требований.

С 2004 г. в системе Министерства транспорта РФ ведомственные функции по надзору и контролю за обеспечением безопасности мореплавания и судоходства на внутренних водных путях выполняют: капитаны морских портов – в акватории порта и прилегающих к ним водах; государственные инспекторы Госморречнадзора Федеральной службы по надзору в сфере транспорта – в территориальном море и на внутренних водных путях.

Но эффективность осуществления вмененных данной службе и капитанам морских портов функций контроля и надзора за безопасностью мореплавания и судоходства на морских и внутренних водных путях не очень высока ввиду разграничения зон контроля и сфер влияния должностных лиц. Не принимаются должные меры для устранения выявленных правонарушений, виновные лица в основном не привлекаются к административной ответственности. На данном этапе развития транспортных отношений контрольно-надзорные функции осуществляются Службой морской безопасности Федерального агентства морского и речного транспорта Минтранса России, в сфере безопасности мореплавания в акватории морского порта и прилегающих к нему вод – капитанами морских портов, переподчиненными непосредственно Федеральному агентству морского и речного транспорта Минтранса России [5], в сфере безопасности судоходства на внутренних водных путях и безопасности мореплавания в территориальном море – Федеральной службе по надзору в сфере транспорта Минтранса России, в сфере технического надзора – Российским морским регистром судоходства и Речным регистром судоходства Федерального агентства морского и речного транспорта Минтранса России. Разобщенность органов управления по контролю и надзору в сфере морской безопасности, так как и разобщенность и замена терминологии, не способствует четкому соблюдению законодательства в области обеспечения морской безопасности.

Кроме того, в области обеспечения морской безопасности и безопасности мореплавания на сегодняшний день действуют и применяются приказы Министерства морского флота СССР и Минтранса России о мерах по повышению безопасности мореплавания [6], которые требуют серьезной переработки с учетом изменившейся с момента их внедрения и начала применения обстановки.

В попытке решения хотя бы части накопившихся проблем, государство, в рамках Морской доктрины Российской Федерации, закрепило принципы национальной морской политики России, среди которых особо выделяются:

- государственный контроль над судами, плавающими под Государственным флагом Российской Федерации, государственный портовый контроль;
- сохранение и совершенствование системы подготовки кадров, обучения и воспитания молодежи;
- соблюдение международных договоров и соглашений, международного законодательства.

В качестве функциональных направлений национальной морской политики России определены:

- формирование нормативной правовой базы морской деятельности, соответствующей нормам международного права и интересам России;
- повышение безопасности морских перевозок, защиты окружающей среды от возможных негативных последствий морской деятельности, в том числе путем установления специальных лицензионных условий и требований.

Обеспечение реализации национальной морской политики происходит в первую очередь такими базовыми принципами морской безопасности и безопасности судоходства, как:

- государственный контроль за выполнением классификационных требований к техническому состоянию и годности судов, их всестороннему оснащению и обеспечению, подготовки и сертификации экипажей судов;
- создание условий для сохранения и привлечения квалифицированных кадров в плавсостав и сферу управления морской деятельностью [7].

Государственный надзор на морском транспорте должен быть направлен на: обеспечение соблюдения транспортного законодательства в данной сфере деятельности; предотвращение транспортных происшествий; защиту прав потребителей транспортных услуг; обеспечение безопасности транспортных операций и качество работ и услуг; выявление отклонения в данной сфере деятельности от установленных нормативных правовых актов и внесение в них необходимых поправок.

Естественно, требования транспортной безопасности должны выполняться всеми хозяйствующими субъектами на водном транспорте, а контролироваться соответствующими государственными управлениями по надзору и контролю на морском транспорте Ространснадзора совместно с правоохранительными органами, уполномоченными в данной сфере деятельности: транспортной милицией, транспортной прокуратурой и Федеральной службой безопасности РФ [8; с. 20].

С учетом вышеизложенного полагаем, что назрела острая необходимость в унификации нормативно-правовых актов, регулирующих вопросы морской безопасности, а именно:

- 1) разработать и принять Федерального закона либо постановления Правительства (во исполнение ФЗ «О транспортной безопасности») «О морской безопасности, безопасности мореплавания и судоходства на внутренних водных путях»;
- 2) внести изменения в действующий Кодекс торгового мореплавания РФ, введя его содержание нормы о морской безопасности и безопасности мореплавания;
- 3) замкнуть в подчинении капитана морского порта на Федеральной службе по надзору в сфере транспорта Министерства транспорта РФ как на основной надзорно-контрольный орган в сфере морского и речного транспорта.

Кроме того, считаем, что необходимо внедрение на морском транспорте Системы управления безопасностью. При этом желательно нормативно закрепить создание и

функционирование систем управления безопасностью двух уровней: эксплуатанта и судна. Каждая из систем должна представлять собой комплекс взаимосвязанных элементов, согласованное функционирование которых должно обеспечивать достижение целей, связанных с управлением безопасностью:

- обеспечивать безопасную практику эксплуатации судов и безопасные для человека условия труда;
- обеспечивать защиту от всех выявленных опасностей для мореплавания;
- постоянно улучшать навыки берегового и судового персонала, относящиеся к управлению безопасностью, включая готовность к аварийным ситуациям, связанным как с безопасностью, так и защитой окружающей среды.

Системы управления безопасностью должны исключить неопределенность в функциональных обязанностях, каналах и способах получения информации, что особенно важно в экстремальных ситуациях.

Система управления безопасностью эксплуатанта должна включать следующие функциональные требования:

- 1) политику в области безопасности и защиты окружающей среды;
- 2) инструкции и процедуры для обеспечения безопасной эксплуатации судов и защиты окружающей среды согласно международному праву и законодательству государства флага;
- 3) установленный объем полномочий и линии связи между персоналом на берегу и на судне, а также внутренней связи;
- 4) порядок передачи сообщений об авариях и случаях несоблюдения требований международных и национальных актов;
- 5) порядок подготовки к аварийным ситуациям и действий по их устранению;
- 6) порядок проведения внутренних проверок и обзора управления.

Эксплуатант должен определить ответственность, полномочия и взаимоотношения всего персонала, осуществляющего управление безопасностью и предотвращением загрязнения, непосредственную работу по их обеспечению и ее проверку, и оформить это в виде документов.

Системы управления безопасностью эксплуатанта и судна должны быть сертифицированы, т.е. должно быть установлено компетентным органом и подтверждено специальным документом соответствие эксплуатанта и судна требованиям международных и национальных актов в сфере морской безопасности. Сертификация должна производиться Правительством государства, под флагом которого судно имеет право плавать. Если эксплуатант ведет свои дела в иной стране, чем та, под флагом которой имеют право плавать его суда, то сертификация может осуществляться правительством этой страны, но при условии, что сертификация производится по поручению государства флага.

Последнее положение в особенности существенно для эксплуатантов, суда которых плавают под разными флагами или под флагом страны иной, чем та, в которой эксплуатант зарегистрирован или ведет свои дела. Следует иметь в виду, что сертификация данной страны ее судов, плавающих под «чужим» флагом, может производиться только в том случае, если это определено соответствующим межправительственным соглашением. После того как будет установлено, что эксплуатант и его управление на судне действуют в соответствии с нормативными требованиями, судну выдается «Свидетельство об управлении безопасностью».

Возможно, если в нормативные акты будут внесены предлагаемые изменения, ситуация, связанная с морской безопасностью и безопасностью судоходства будет изменена при практической реализации транспортных услуг.

Примечания

1. Федеральный закон от 09.02.2007г. № 16-ФЗ «О транспортной безопасности» // Российская газета. – 14 февраля 2007 г. – № 31.
2. Мамонова А.С. Современные подходы к регулированию безопасности мореплавания. // Морское право. – 2005. – № 4. – С. 25-27.
3. Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации: Федеральный закон от 30.04.1999г. № 81-ФЗ // Российская газета. – 1-5 мая 1999. – № 85-86.
4. Скрынник А.М. Государственный надзор за исполнением законодательства о морской безопасности, безопасности мореплавания и судоходства на внутренних водных путях. // Транспортное право. – 2008. – № 3. – С. 43-45.
5. Федеральный закон от 08.11.2007г. № 261-ФЗ «О морских портах в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. – 14 ноября 2007 г. – № 254.
6. Приказ Министерства транспорта РФ от 26.07.1994 № 63 «О мерах по повышению безопасности мореплавания» // Российские вести. – 01 сентября 1994 г. – № 164.
7. Морская доктрина Российской Федерации на период до 2020 г.: утв. Президентом РФ 27 июля 2001 года. – [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://www.ftoa.ru>.
8. Скрынник А.М. Правовое регулирование управления государственного надзора на морском и внутреннем водном транспорте в России. // Транспортное право. – 2007. – № 2. – С. 17-20.

Н.И. Чарковская

**НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ
НАДЕЛЕНИЯ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ
ОТДЕЛЬНЫМИ ГОСУДАРСТВЕННЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ**

В настоящее время сформировалось определенное представление о наделении органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями в теории и на практике. Федеральное законодательство регулирует эти отношения. В частности, ФЗ от 6.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [1] (далее – ФЗ № 131) по сравнению с ранее действующим законом более подробно регламентирует данный институт, субъекты Российской Федерации достаточно часто используют указанную процедуру, также имеется определенная судебная практика по вопросу о законности наделения, публикуется много работ, посвященных анализу указанной темы. Вместе с тем, рассматриваемый институт имеет ряд нерешенных до сих пор вопросов. Их постановке и посвящена настоящая статья.

Первый вопрос, который необходимо решить, – это соотношение понятий «наделение полномочиями» и «делегирование полномочий». Термин «делегирование полномочий» ранее уже употреблялся в отечественном законодательстве: под делегированием полномочий понималось возложение одним органом на другой обязанности и предоставление ему на один раз права решить вопрос, отнесенный к компетенции первого органа. При этом поручения, даваемые в порядке делегирования полномочия, отличались от иных поручений вышестоящего органа нижестоящему, которые служили проявлением обычного руководства без внесения изменений в разграничение компетенции органов. «При делегировании, в отличие от простого поручения, другой орган... получает такие правотворческие полномочия, которых ранее у него не было. Причем и орган, который произвел передачу (делегацию), не теряет своей компетенции на издание нормативных юридических актов по данному кругу вопросов» [2, с. 27].

В настоящее время подходов к соотношению анализируемых понятий несколько. В соответствии с одним, наиболее распространенным, эти термины признаются тождественными, авторы употребляют их как слова-синонимы [3]. По мнению других авторов, «наделение» включает в себя «делегирование». В частности, Е.Н. Селютина указывает, что «наделение органов местного самоуправления государственными полномочиями возможно в двух формах – передача и делегирование» [4, с. 19]. Аналогичная позиция поддерживается и иными исследователями [5, с. 417] Существует также мнение, в соответствии с которым «передача полномочий органам исполнительной власти может осуществляться в виде наделения или делегирования. Наделение полномочиями означает установление (правовое закрепление) полномочий за определенными органами власти, а делегирование означает их передачу» [6, с. 98-99].

Таким образом, можно констатировать разнообразие позиций по исследуемому вопросу. Однако такое разнообразие мнений не способствует формированию единой правоприменительной практики. В связи с этим в федеральном законодательстве необходимо закрепить ключевой момент разграничения понятий «наделение» и «делегирование», а именно: сохраняет ли государственный орган передаваемые полномочия за собой или

нет, имеет ли возможность орган государственной власти одновременно с муниципальным органом исполнять переданное полномочие?

Представляется логичной и обоснованной следующая мысль М.Ю. Дитятковского: «Принятие закона о наделении органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями означает, что указанные полномочия должны осуществляться именно органами местного самоуправления и что органы государственной власти со дня введения в действие указанного закона не могут одновременно осуществлять указанные полномочия. Иное означало бы нарушение принципа разграничения компетенции между органами власти и привело бы к закреплению возможности дублирования полномочий органов государственной власти и органов местного самоуправления» [7]. Такой подход соответствует позиции, которая имела место в нашем государстве и утвердилась в мировой практике.

Вместе с тем нельзя, как представляется, не процитировать указанного выше автора далее: «Термин «наделение» может использоваться в качестве синонима термину «делегирование». В связи с этим наделение органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями означает делегирование органам местного самоуправления отдельных государственных полномочий на возвратной основе для их осуществления». Указанное определение не исключает использования понятия «делегирование» в том значении, в котором оно употребляется в науках теории государства и права, конституционного права. Это позволяет также рассматривать наделение органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями в качестве формы делегирования полномочий с одного уровня власти на другой» [8, с. 25]. Таким образом, первоначально высказанная логичная мысль перечеркнута допущением использования иных подходов к соотношению исследуемых категорий. Представляется, что такой подход недопустим. Необходимо выработать единообразную терминологию и именно ее использовать.

Второй вопрос тоже терминологический: о соотношении понятий «наделение полномочиями» и «передача полномочий». В законодательстве в некоторых случаях используется первое понятие, в некоторых – второе. Так, например, органам местного самоуправления могут *передаваться* (курсив – автора) следующие государственные полномочия:

1) отдельные полномочия по государственному управлению охраной труда (ст. 216 Трудового кодекса РФ) [9];

2) первичный воинский учет (ст. 8 ФЗ от 28.03.1998 № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе») [10];

3) полномочия на государственное регулирование тарифов на тепловую энергию (за исключением производимой в режиме комбинированной выработки электрической и тепловой энергии), отпускаемую от источника тепловой энергии, обеспечивающего снабжение тепловой энергией потребителей тепловой энергии, расположенных на территории одного муниципального образования (ст. 21 ФЗ от 26.03.2003 № 35-ФЗ «Об электроэнергетике») [11].

Органы местного самоуправления могут *наделяться* (курсив наш – Н.Ч.) следующими государственными полномочиями:

1) полномочиями на подготовку проведения сельскохозяйственной переписи в порядке, установленном законодательством Российской Федерации (ст. 9 ФЗ от 21.07.2005 № 108-ФЗ «О Всероссийской сельскохозяйственной переписи») [12];

2) полномочиями по организации заготовки, переработки, хранения и обеспечения безопасности донорской крови и ее компонентов (ст. 13 Закона РФ от 06.09.1993 № 5142-1 «О донорстве крови и ее компонентов») [13];

3) полномочиями по защите исконной среды обитания, традиционного образа жизни, хозяйствования и промыслов малочисленных народов (ст. 6 ФЗ от 30.04.1999 № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации») [14].

Законодатель рассматриваемые термины использует как синонимы. Однако полагаем, что «передача полномочий» более широкое по объему понятие и включает в себя «наделение полномочиями». Передача полномочий возможна (если брать за основание выделения видов возможность исполнять передающим органом передаваемые полномочия) путем: наделения или делегирования. Представляется, что указанные термины должны получить не только научную разработку, но и законодательное закрепление.

Третий вопрос – вопрос о выделении предметов совместного ведения органов государственной власти и органов местного самоуправления. Некогда нами была высказана мысль о выделении предметов совместного ведения органов государственной власти и органов местного самоуправления, которая воспринята была весьма критично [15, с. 5]. Вместе с тем, использование законодателем в определении вопросов местного значения и полномочий муниципальных органов конструкции «участие в...» подтверждает необходимость выделения предметов совместного ведения. Участвовать, т.е. осуществлять часть полномочий. Не это ли и есть предметы совместного ведения?

К вопросам местного значения ФЗ № 131 относит:

– участие в профилактике терроризма и экстремизма, а также в минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма и экстремизма в границах поселения;

– участие в предупреждении и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций в границах поселения;

– участие в сохранении, возрождении и развитии народных художественных промыслов в поселении.

Кроме того, указанный закон предоставляет право органам местного самоуправления решать такие вопросы, не отнесенные к вопросам местного значения, как:

– участие в организации и финансировании проведения на территории поселения общественных работ для граждан, испытывающих трудности в поиске работы, а также временной занятости несовершеннолетних граждан в возрасте от 14 до 18 лет;

– участие в осуществлении деятельности по опеке и попечительству;

– участие в организации и осуществлении мероприятий по мобилизационной подготовке муниципальных предприятий и учреждений, находящихся на территории поселения.

Таким образом, конструкция «участие в...» используется:

1) для определения вопросов местного значения,

2) для обозначения государственных полномочий, которые могут осуществляться органами местного самоуправления. Думается, что использование указанной конструкции в первом случае недопустимо, так как это вопросы местного значения, и органы местного самоуправления их *решают*, а не *участвуют* в их решении (курсив наш– Н.Ч.). Во втором случае можно говорить, по нашему мнению, о предметах совместного ведения.

М.Ю. Дитятковский отмечает: «Появление в Федеральном законе № 131 механизма участия органов местного самоуправления в осуществлении государственных полномо-

чий может иметь определенные негативные последствия, поскольку увеличение числа таких государственных полномочий приводит фактически к возможности органов государственной власти передавать органам местного самоуправления отдельные государственные полномочия без соблюдения процедуры соответствующего наделения и без передачи необходимых для осуществления указанных полномочий материальных ресурсов и финансовых средств» [8, с. 37]. И с этим нельзя не согласиться. Однако если это полномочия предмета совместного ведения, то исполняются они должны на принципах софинансирования, размеры и порядок которых должны быть законодательно определены.

Четвертый вопрос: каковы основания и порядок прекращения исполнения переданных государственных полномочий? Представляется возможным выделить следующие способы прекращения исполнения государственных полномочий органами местного самоуправления:

- отказ от исполнения переданных государственных полномочий (по инициативе муниципального органа на основании признанного в судебном порядке несоответствия федеральных законов, законов субъектов Российской Федерации, иных нормативных правовых актов Российской Федерации, предусматривающих наделение требованиями, предусмотренным статьей 19 ФЗ № 131);

- прекращение в связи с тем, что соответствующим бюджетом не предусмотрено выделение субвенций на осуществление государственных полномочий;

- изъятие (отзыв) государственных полномочий у органов местного самоуправления (осуществляется по инициативе государственных органов).

При этом следует отметить, что в федеральном законодательстве не установлены основания и порядок такого прекращения. В ст. 10 Закона Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 30 сентября 2008 г. № 91-оз «О наделении органов местного самоуправления муниципальных образований Ханты-Мансийского автономного округа – Югры отдельными государственными полномочиями в сфере государственной регистрации актов гражданского состояния» установлено, что прекращение полномочий осуществляется законом округа, а одним из возможных условий принятия такого закона является издание Губернатором автономного округа решения об изъятии у органов местного самоуправления отдельных государственных полномочий в связи с ненадлежащим осуществлением указанных государственных полномочий [16]. Однако в законодательстве не установлено, что следует понимать под «ненадлежащим осуществлением государственных полномочий», кто и как это будет определять?

Вместе с тем, в Модельном законе «Об общих принципах и порядке наделения органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями» указано, что основанием отзыва исполнения государственных полномочий может являться решение суда о неисполнении органами местного самоуправления отдельных государственных полномочий, которыми они наделены. Такое решение может быть вынесено, если судом установлено, что органы местного самоуправления не исполняли указанные полномочия в отношении конкретных физических или юридических лиц, не принимали решений и (или) не осуществляли действий, которые они обязаны были принять и (или) осуществить в соответствии с законом, наделившим их указанными полномочиями, либо не исполнили решение суда об исполнении указанных полномочий [17, с. 230-249].

Кроме этого, вопросы вызывает и следующая норма ст. 19 ФЗ № 131: «Положения федеральных законов, законов субъектов Российской Федерации, предусматривающие наделение органов местного самоуправления отдельными государственными полномо-

чиями, вводятся в действие ежегодно соответственно федеральным законом о федеральном бюджете на очередной финансовый год, законом субъекта Российской Федерации о бюджете субъекта Российской Федерации на очередной финансовый год...».

Представим ситуацию. Субъект РФ наделяет муниципальное образование государственными полномочиями по регистрации актов гражданского состояния. В течение пяти лет исполнение данного полномочия финансируется. Но затем в бюджете не предусмотрен такой вид расходов (по какой-либо причине). Учитывая ФЗ № 131, органы местного самоуправления не исполняют указанное государственное полномочие. Возникают как минимум два основных вопроса:

1) что делать с муниципальным органом по записи актов гражданского состояния и его сотрудниками (орган ликвидировать? работников уволить? по какому основанию? кто будет нести соответствующие расходы?)?

2) куда обращаться населению по поводу регистрации актов гражданского состояния? (ведь люди продолжают рождаться, умирать, заключать и расторгать браки и т.п.).

Очевидно, что механизм, придуманный и закрепленный в законодательстве в целях защиты интересов муниципальных органов, оказывается нерабочим.

Таким образом, институт наделения органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями требует дальнейшего развития: более подробного изучения и нормативного регулирования.

Примечания

1. Собрание законодательства РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.
2. Алексеев С.С. Общая теория социалистического права. Свердловск, 1965.
3. См, например: Пешин Н.Л. Государственная власть и местное самоуправление в России: проблемы развития конституционно-правовой модели. – М., 2007. – С. 192-201; Рыжков Ю. Делегирование государственных полномочий органам местного самоуправления // Законность. – 2007. – № 9 (СПС «КонсультантПлюс») и др.
4. Селютина Е.Н. Взаимодействие органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления: правовой и политический аспекты: автореф. дис... канд. юрид. наук. – Орел, 2003.
5. См, например, Комментарий к Конституции Российской Федерации. – М., 1994.
6. Игнатюк Н.А. Спровоцированное изменение законодательства о полномочиях органов исполнительной власти в РФ // Федерализм. – 2005. – № 2. – С. 96-105.
7. Дитятковский М.Ю. К вопросу о понятии осуществления органами местного самоуправления отдельных государственных полномочий // Конституционное и муниципальное право. – 2008. – № 2 (СПС «КонсультантПлюс»).
8. Дитятковский М.Ю. Осуществление органами местного самоуправления отдельных государственных полномочий: проблемы муниципально-правовой теории и практики: автореф. дис. на соискание уч. ст. д.ю.н.. – Омск, 2008.
9. Трудовой кодекс РФ от 30.12.2001 № 197-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1. Ст. 3.
10. Собрание законодательства РФ. 1998. № 13. Ст. 1475.
11. Собрание законодательства РФ. 2003. № 13. Ст. 1177.
12. Собрание законодательства РФ. 2005. № 30. Ст. 3119.
13. Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 28. Ст. 1064.

14. Собрание законодательства РФ. 1999. № 18. Ст. 2208.
15. Соломка Н.И. Взаимоотношения органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления: автореф. дис... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 1999.
16. Новости Югры. – 21 октября 2008 г.
17. Модельный закон «Об общих принципах и порядке наделения органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями». Принят на двадцатом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ (Постановление № 20-11 от 7 декабря 2002 года) // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств. – 2003. – № 30 (часть 2).

ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

С.А. Денисов

КЛУБ ИСТОРИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ: ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ СО СТУДЕНТАМИ И ШКОЛЬНИКАМИ

Значительная дидактическая и воспитательная роль внеклассной работы по истории давно доказана школьной практикой. Важность этой работы обусловлена, в первую очередь, тем, что она поддерживает на высоком уровне познавательный интерес учащихся к предмету. Эффектная по форме, с наглядно диагностируемым результатом, эта работа во многом способствует созданию благоприятного имиджа педагога. Вместе с тем, серьезная внеклассная работа по истории требует значительных временных затрат и компетентности педагога не только в узко профессиональной области «учитель истории».

Известно, что одной из эффективных организационных форм внеклассной работы по истории является исторический кружок. В отличие от массовых форм (экскурсий, вечеров, конференций), кружок объединяет небольшую группу учащихся для длительной и регулярной работы. В настоящее время методически обоснованным считается принцип, когда объединение учащихся происходит на строго добровольной основе, без каких-либо элементов принуждения, с одной стороны, и без запретов участвовать по причинам неупеваемости или плохой дисциплины, с другой стороны.

Организационная форма «исторический кружок» не вызывает возражений, когда речь идет об объединении школьников под руководством педагога. Однако если в работе объединения принимают участие студенты и увлекающиеся историей взрослые, вероятно, целесообразнее использовать понятие «клуб».

В отличие от традиционных школьных кружков, клуб явление более широкое и самостоятельное, в нем объединяющим началом является духовная близость людей, разных по возрасту и основной деятельности, но увлеченных одним делом (в нашем случае – историей и историческим моделированием). Из истории движения модельеров известно, что объединения такого рода могут базироваться на основе государственных или муниципальных образовательных учреждений (школ, училищ, вузов, центров дополнительного образования), производственных, коммерческих структур и других организаций.

Клуб исторического моделирования, функционирующий в настоящее время на площадке МОУ СОШ № 24 города Сургута, вырос из школьного кружка историко-археологической направленности.

Предыстория клуба начинается в начале 90-х гг. прошлого века в школе № 2 уральского городка Далматово, где автор пытался увлечь школьников основами археологических знаний на классных часах и моделированием миниатюрных копий средневекового оружия в школьной мастерской. Практическое знакомство далматовских школьников с археологией произошло во время работ по расчистке усыпальницы основателя города (старца Далмата). Несколько дней ребята наблюдали за работой археологов из г. Кургана. Работы велись с благословения церковных властей, руководил раскопками М.П. Вохменцев. В результате раскопок был вскрыт кирпичный саркофаг и обретенны

мощи святого старца. Когда археологи закончили работу, автор и его воспитанники под присмотром монастырских послушников приняли участие в благоустройстве места усыпальницы. Еще одной формой работы были экскурсии и походы с целью знакомства с природными и историческими достопримечательностями края. Например, место впадения реки Суварыш в реку Исеть изобилует разновременными археологическими памятниками, а высокие обрывистые берега реки Могильная содержат значительное количество останков ископаемых животных (волосатого мамонта, шерстистого носорога, овцебыка, гигантского оленя и др.). В эти же годы начинает формироваться коллекция артефактов (археологических и этнографических предметов, останки доисторической фауны). Первым экспонатом коллекции стал шлифованный каменный топор (вероятно, эпохи неолита или ранней бронзы) переданный нашему кружку П.И. Орловым, учителем физики, кумиром молодых учителей школы № 2 г. Далматово. До настоящего времени коллекция пополняется за счет случайных находок, предметов, переданных клубу школьниками и их родителями, коллегами и просто знакомыми. Эти артефакты стали частью экспозиций двух школьных кабинетов истории, музея «История ремесел» СурГПУ, музея «Традиционные ремесла и прикладное искусство» МО СОШ № 24 г. Сургута.

В 1998-2003 гг. интересный, но до некоторой степени дискретный опыт по организации и функционированию исторического кружка накапливался в школе № 13 г. Сургута. В те годы в этом учебном заведении кружковая работа всесторонне поддерживалась директором Т.А. Пономаревой. Исторический кружок, получивший название «Скиф», входил в школьный клуб «Орион». Первое время клуб объединял школьников, увлеченных спортивным туризмом, его организаторами и руководителями были автор этой статьи и учитель информатики А.В. Мальгин. Вскоре клуб «Орион» стал включать в себя три секции: «Скиф» (руководитель С.А. Денисов; знакомство с археологическим прошлым окрестностей Сургута и района), «Торнадо» (руководитель А.В. Мальгин; спортивные туристические походы), «Сыны Отечества» (руководитель В.Г. Симоник; раскопки и перезахоронение останков советских воинов, погибших в Тверской области в 1942-1943 гг.). Все три секции клуба входили в состав детской организации «Истоки», руководил которой заместитель директора по воспитательной работе школы № 13 С.А. Дикопольцев.

В 2000 году члены школьного кружка «Скиф» впервые приняли участие в археологической экспедиции исторического факультета СурГПУ (тогда еще СурГПИ). Всего в археологические экспедиции под эгидой этого высшего учебного заведения учащиеся школы № 13 выезжали четыре полевых сезона (2000-2003 гг.). Знакомство школьников с археологией Западной Сибири было бы невозможно без деятельной поддержки исследователей – археологов и преподавателей этого вуза. В те годы большую методическую и практическую помощь оказали кружку д.и.н., профессор И.Г. Глушков, к.и.н., доцент Т.М. Захожая и другие. Во время археологических экспедиций учащиеся приобщались как к раскопкам памятников древности, так и к экспериментальной археологии. В это время в клубе были созданы первые *реплики* древней посуды и оружия, шла работа над созданием образцов технологического оборудования (гончарный круг, кузнечный мех и др.) Исторический кружок школьников «Скиф» перестал действовать, когда его руководитель перешел на работу в качестве научного сотрудника археологической лаборатории СурГПИ.

В 2006 году опыт организации школьного исторического кружка оказался востребованным в СурГПУ, когда студенты социально-гуманитарного факультета выступили с

инициативой создания студенческого клуба исторического моделирования. Инициативе студентов была оказана поддержка со стороны руководства факультета и вуза. Первоначально материальной базой клуба стала школьная мастерская лицея № 1. Для придания клубу организационной легитимности между деканатом исторического факультета СурГПУ и руководством лицея был заключен договор. Лицей предоставлял клубу возможность проводить занятия (включая моделирование и археологические эксперименты) в школьной мастерской. В работе студенческого клуба активно принимали участие школьники лицея № 1. Этот период оказался достаточно продуктивным, были разработаны методики и на их основе созданы более десяти реплик древнего оружия.

С 2008 года клуб продолжает свою работу на базе школы № 24. Результативная деятельность клуба (создание базы археологических и этнографических источников, моделирование технологических процессов традиционных культур, создания реплик старинных предметов) позволила разработать проект школьного музея «Традиционные технологии и прикладное искусство». Проект музея получил поддержку в виде денежного гранта, что позволило приступить к оформлению экспозиции.

Следует отметить, что администрация МОУ СОШ № 24 (директор И.В. Усольцева) всесторонне поддерживает наш клуб, справедливо рассматривая его как эффективное средство социализации подрастающего поколения.

Свою главную *цель* руководители клуба видят в создании культурного пространства, где молодые люди разного возраста и рода занятий могли бы сотрудничать в области исторического моделирования и реконструкций, совершенствуя свои когнитивные и социальные навыки. В практической деятельности клуба заявленная цель реализуется через решение ряда *задач*:

- создание психологически комфортных условий для раскрытия индивидуальных наклонностей и способностей молодых людей (студентов и школьников);
- поддержка интереса к прошлому человеческого общества и к жизни современного социума;
- формирование навыков работы с научно-популярной и специальной литературой;
- участие в научно-исследовательских проектах;
- создание технических условий для развития практических навыков работы с различными материалами (глиной, деревом, металлом);
- формирование и совершенствование навыков археологического и исторического макетирования и моделирования, исторических реконструкций;
- экспонирование изготовленных моделей, участие в фестивалях исторических моделистов.

С момента своего возникновения наш клуб работает по трем взаимосвязанным направлениям:

- изучение археологических, этнографических, исторических источников;
- экспериментальная обработка различных материалов и физическое моделирование предметов древнего и средневекового вооружения, орудий труда, предметов быта, одежды;
- работа по формированию музейного фонда, создание музейной экспозиции.

Практика работы клуба показала, что наиболее рационально занятия организовывать два раза в неделю (в нашем клубе это среда и суббота) по 2,5 астрономических часа. На теорию следует отводить не более 40-50 минут, остальное время – это практические занятия по моделированию (создание реплик).

На занятиях клуба и в самостоятельной работе студенты и школьники используют значительный фонд собранных в клубе печатных изданий по археологии, этнографии, краеведению. Многие экземпляры монографий и сборников научных статей из клубной библиотеки являются малотиражными изданиями и не всегда доступны даже специалистам. Клуб сотрудничает с Лабораторией по изучению традиционных систем жизнеобеспечения (СурГПУ), ООО НПО «Северная археология» (г. Нефтеюганск), музеями города и района. Такое сотрудничество позволяет членам клуба при создании реконструктивных версий и моделей широко использовать археологические и этнографические артефакты в качестве первоисточников. Представители клуба активно исследуют и перенимают сохраняющийся ремесленный опыт русского и коренного населения нашего округа и соседних территорий. Регулярно пополняется коллекция этнографических артефактов, отражающих традиционные ремесла и промыслы. Из сотен собранных предметов назовем лишь наиболее значимые. Обработка черных металлов представлена кузнечной наковальней, молотом, клещами, точильным камнем, образцами кузнечной продукции. Колокольчики, бубенчик, литые бронзовые кресты и иконы, серебряный потир являются предметами ремесла мастеров, работающих с цветными металлами. С ткачеством можно познакомиться благодаря горизонтальному ткацкому станку, ножной и ручной прялке, тканым половичкам, разнообразной вышивке. Русская гончарная керамика представлена несколькими типами сосудов вековой давности. Интересен собранный в клубе ручной деревообрабатывающий инструмент (различные типы рубанков, калевки, шпунтовники, буравчики, резцы и др.)

В клубе накоплен значительный опыт по реконструкции традиционного технологического оборудования и реплик исторических предметов. Здесь следует отметить, в первую очередь, кузнечные меха, построенные по образцу мехов XIX века (оригинал хранится в областном музее г. Тюмени). Реплика мехов неоднократно использовалась как элемент выставочной экспозиции и как действующее технологическое оборудование, при помощи которого можно осуществлять реальный процессковки черных металлов. Для Лаборатории по изучению традиционных систем жизнедеятельности (СурГПУ) изготовлен вертикальный ткацкий станок, также регулярно востребованный на выставках и фестивалях.

Физическое моделирование артефактов члены клуба стремятся осуществлять с максимально возможным приближением к историческим реалиям. Технический уровень изготовления реплик не всегда совершенен, но, тем не менее, позволяет использовать их в музейных экспозициях, на исторических фестивалях, в качестве наглядных пособий на учебных занятиях. Развитие технической базы клуба направлено на осуществление процесса моделирования с максимальным приближением к традиционным технологиям. Членами клуба создаются реплики мечей, кинжалов, шлемов, пластинчатых доспехов, щитов, луков, стрел и др.

Как показывает опыт, для создания имиджа и последующей успешной деятельности немаловажное значение имеет наличие символического названия клуба, различной атрибутики, обретение и сохранение традиций. В качестве названия клуба в настоящее время утвердилось имя древнеугорской богини Тарн (Тарэн). Из многообразных и зачастую зловещих образов этой богини мы выбрали те, что наиболее соответствуют мироощущению современного человека. Это божество женского пола, олицетворяющее стихии Огня и Воды (двойственная Тарн с одним ликом, в котором угадываются два лица – огонь и вода). Образ богини Тарэн (Тарн) иногда приобретает необозримый размах, в нем

сочетаются, помимо Воды и Огня, Небо и Земля. В образе богини соседствуют война и мир. От ее имени происходит прилагательное «тарнын» – военный. Время богини Тарн – это одновременно время боли и величия, страха и силы. Тарн объединяет части мира в целое, наполняет его смыслом. Про людей бывалых, прошедших огонь и воду, говорили, что они видели лицо Тарн [1].

К сожалению, до настоящего времени клуб не имеет своего герба. По замыслу активистов клуба, герб должен символизировать неразрывную взаимосвязь прошлого и настоящего, материального и духовного, вечного и преходящего. В гербе могут быть использованы изображения предметов материальной и символов духовной культуры народов, издревле заселявших зауральскую землю. Клуб намерен объявить конкурс среди учащихся школы № 24 на лучший эскиз клубной символики.

Одним из диагностируемых результатов деятельности клуба является распространение опыта моделирования через публикации, выступления на конференциях, а также предоставление материалов для написания курсовых работ и дипломных проектов. По результатам технологических экспериментов, проведенных в клубе, в настоящее время написано более десятка научных работ. Фонды библиотеки нашего клуба использовала студентка исторического факультета СурГУ А.В. Патрушева при написании дипломной работы. По материалам клуба пишет диплом студент социально-гуманитарного факультета СурГПУ П.С. Головков. Павел Головков неоднократно награждался грамотами за доклады на конференциях различного уровня во многом благодаря экспериментальным работам, проводимым в клубе. Школьники успешно осваивают накопленный в клубе исследовательский опыт и практику моделирования. В 2006 году ученик МОУ СОШ № 13 Симаков Николай занял II место за доклад на секции школьников VIII межвузовской конференции «Россия и мир: история и современность». В прошлом учебном году ученик 6 «В» класса школы №24 Чингузов Сергей изготовил действующую модель традиционного лука и стрел и выступал с описанием процесса моделирования на школьной научной конференции (I место), а также на городской конференции «Шаг в Будущее – Юниор». Следует заметить, что школьники с энтузиазмом приобщаются к древним ремеслам. Участвуя в проекте «Инновационная мастерская народных традиций», они продемонстрировали свои навыки на открытом занятии «Традиционная металлообработка», где за 2 часа, используя кузнечные и слесарные приемы работы, изготовили оригинальный подсвечник. Работки клуба способствовали победе в конкурсе проектов «Наш регион 2009».

В настоящее время исследовательская и практическая деятельность клуба позволяет приступить к обобщению наработанных методик в специальном пособии. Для коллег-моделистов интересным будет каталог этнографических артефактов и реплик, изготовленных в нашем клубе.

Члены клуба достаточно хорошо освоили методику изготовления традиционного охотничьего снаряжения: лука, стрел, колчана. Приведем некоторые методические рекомендации, позволяющие изготовить пригодные для тренировочной стрельбы лук и стрелы. Действующая реплика лука может быть изготовлена как в мастерской, обеспеченной элементарным ручным инструментом, так и в полевых условиях.

В качестве этнографического прототипа при создании модели традиционного металлического устройства был использован охотничий лук, хранящийся в Музее Природы и Человека д. Русскинская. Учет конструктивных особенностей и тонкостей технологической процедуры осуществлялся благодаря исследованиям историков, этнографов, археологов XIX – начала XXI вв. [2; 3; 4; 5].

Традиционно исследователи выделяют пять конструктивных частей ручного лука: концы (верхний и нижний), плечи (верхнее и нижнее), рукоять [6, с.141]. В специальной литературе гибкие части лука (плечи) могут называться *кибитью*, а концы – *концевыми вставками*. У традиционного лука ханты рукоять и плечи не отделяются конструктивными элементами, а плавно перетекают друг в друга. Концевые вставки лука из музея д. Русскинская изготовлены из естественно загнутых толстых черемуховых веток. На торцах вставок вырезаны поперечные пазы под тетиву. Верхняя изогнутая часть вставок профилирована в виде буквы «Т». При натяжении тетивы петля охватывает узкую часть профиля концевой вставки. Нижняя часть концевых вставок имеет треугольную форму и специальные выступы для упора плечевых планок. Треугольными концами вставки надежно вклеены в плечи лука. Специально оставленные выступы дополнительно фиксируют наружную и внутреннюю планки. Места соединения деталей лука укреплены обмоткой из бересты.

Общая длина лука из музея д. Русскинская (по внешней дуге) – 175 см. Ширина плеч не превышает 4-х см, при этом у рукояти и вместе вклейки концевых вставок сужается до 3-х см. Толщина плеч не более 2-х см, причем наружная планка значительно тоньше внутренней (0,5 см).

По этнографическим данным, планки плеч (кибиты) традиционного лука охотников Западной Сибири изготавливались из разных пород дерева. Наружная планка лука выстругивалась из березы, так как этот материал обладает достаточной упругостью и прочностью. Внутренняя сторона изготавливалась из кедра или сосны, при этом обязательно выбиралась кремлевая древесина. Согласно источнику, кремлевая древесина образуется в овальных стволах деревьев и характеризуется редкими и широкими годовыми кольцами. В оригинальной технологии детали лука соединялись рыбьим клеем. [7, с. 99-100].

Материал для моделирования (комлевые части березы и кедра диаметром 10-15 см. и длиной около 2-х метров) мы обычно заготавливаем в середине или в конце осени на месте старых лесных вырубок. В таких местах молодой лес растет излишне густо, и его прореживание не наносит ущерба природе.

С заготовок топором или скобелем снимаем кору и подсушиваем их несколько дней. Если изготовление лука происходит летом, сушка древесины проводится обязательно в тени, если зимой – в помещении вдали от отопительных приборов. После подсушивания (заготовки на ощупь перестают быть влажными) вдоль всей длины заготовок просверливаются отверстия, и с помощью клиньев, вбиваемых в эти отверстия, заготовки раскалываются вдоль волокон на две плахи. Плахи с крупными сучками для изготовления планок не годятся. На березовых плахах сучков вообще не должно быть, их наличие значительно снижает упругость и прочность лука. На кедровых заготовках мелкие сучки допустимы, так как внутренняя планка работает на сжатие и наличие сучков на прочность влияет незначительно. Следует отметить, что заготовка древесины требует значительного опыта и терпения, даже с учетом тщательного отбора деревьев в лесу при обработке многие заготовки приходится выбраковывать.

Березовая плаха обтесывается до толщины в один сантиметр, а кедровая остается не менее трех сантиметров. Опыт показывает, что планки лучше выстругивать постепенно, в течение 3-4-х дней, снимая за один проход слой древесины в 5-10 мм и подсушивая заготовки после каждого снятого слоя. Планки в полной мере сохраняют упругость и прочность, если лишнюю древесину стесывать с места раскола плахи, оставляя нетронутой наружную сторону. Кору следует снимать так, чтобы не повредить древесину, лучше ос-

тавить на наружной стороне немного лубкового слоя. Любое повреждение наружного слоя древесины может спровоцировать трещину.

Для полного приближения к исторической реальности обработку заготовок следует осуществлять только традиционными инструментами: скобелем, топором, ножом. Однако на практике, для ускорения процесса моделирования и повышения качества работы, мы, помимо перечисленных инструментов, используем рубанок и напильник с крупной насечкой.

Полученные планки окончательно высушиваются в слегка изогнутом виде. По мнению исследователей, планки для лука традиционно изгибались в специальном приспособлении. Такое приспособление (гибало) известно по этнографическим источникам. Как замечают исследователи, в старину гибалом называлась доска с рядом просверленных дырок, куда вставлялись несколько небольших деревянных стержней, между которыми и закреплялась планка [8, с. 179].

Вместо традиционной черемухи концевые вставки луков мы обычно изготавливаем из заранее просушенных березовых брусков. Как уже отмечалось, эти детали лука имеют сложную форму, их изготовление требует неторопливой тщательной работы. Собственно форма концевых вставок не обязательно должна копировать музейные экземпляры, вполне допустимы варианты, так как сама по себе морфология концов на функциональность лука не влияет.

На поверхность подготовленных деталей в местах будущей склейки наносятся пересекающиеся нарезки, в них концентрируется клей, за счет чего увеличивается прочности соединения. В традиционной технологии склеиваемые детали прижимались друг к другу с помощью специальной веревочной скрутки, петля которой затягивалась деревянным рычагом. В современных условиях для удобства и ускорения технологического процесса допустимо использовать столярные струбицы.

Лук склеивался рыбьим клеем, сваренным из чешуи, жаберных крышек, кишок и воздушных пузырей рыб. Эксперименты по изготовлению такого клея в нашем клубе пока не проводились. При склеивании деталей лука традиционный рыбий клей заменяется современным эластичным, например, из серии ПВА (марка «Столяр»). Для увеличения надежности соединения лук в нескольких местах перематывается шпагатом из натуральных волокон. Такая обмотка не только укрепляет, но и декорирует изделие. Крапивные, льняные, джутовые шпагаты, из которых скручивается обмоточная веревка, в настоящее время продаются в специализированных магазинах. Из этого же материала скручивается тетива лука. Лук и тетива пропитываются двумя-тремя слоями жидко разведенного клея.

Известно, что стрелы изготавливаются в зависимости от величины и силы натяжения луков. Изготовленные в нашем клубе реплики лука имеют силу натяжения тетивы от 8 до 12 кг. Согласно законодательству Российской Федерации такое метательное устройство не является оружием.

Стрелы выстругиваются из прямослойной сосновой или еловой древесины. Заготовкой служит доска, которая колется вдоль волокон на квадратные бруски. Бруски длиной 70-80 см скругляются при помощи ножа или рубанка. В современных условиях окончательная отделка древка может быть завершена наждачной бумагой. Толщина готовых древков варьируется от 0,5 до 0,8 мм. Формовка наконечников в нашем клубе производится кузнечной ковкой или (чаще) слесарными операциями (рубка, опиление). Дляковки металла используется обычная муфельная печь. Для изготовления реплик наконечников подходит низкоуглеродистая сталь (марка Ст. 1 современной классификации). По-

лученные в результатековки или слесарной обработки наконечники вручную шлифуются абразивами. Как правило, репликам придается форма, близкая к археологическим или этнографическим типам. Согласно источникам, оригинальные стрелы имели оперение из маховых перьев крупных птиц, зачастую хищных. У нас нет возможности снаряжать стрелы исторически достоверным оперением. В связи с этим, основная часть моделируемых стрел изготавливается с оперением из тонкой кожи (замши). Многолетний стрелковый опыт убедил нас, что эффективное оперение должно состоять из трех лопастей (это полностью согласуется с традицией). Менее трудоемкое в изготовлении, оперение из двух лопастей значительно хуже стабилизирует стрелу в полете. Кожаное оперение вклеивается в специальные пазы, вырезанные вдоль древка таким образом, чтобы лопасти располагались относительно друг друга под углом в 120 градусов. На конце стрелы вырезается специальный паз под тетиву.

Очевидно, что снаряжение лучника не будет полным, если не снабдить его чехлом для лука и колчаном. Известно, что для изготовления налуча и колчана в разных традиционных культурах использовались кожа, дерево, кора (иногда в сочетании). В нашем клубе изготовлен кожаный чехол для лука (по мотивам пазырыкской культуры Алтая), берестяной колчан тюркского типа, колчан из дерева и коры ивы (по мотивам западносибирского раннего железного века). Техника изготовления колчанов и других исторических моделей может стать темой для отдельного разговора.

На наш взгляд, клуб является перспективным молодежным объединением, предоставляющим возможность реализовать себя в увлекательном хобби – историческом моделировании. Надеемся, что наши усилия способствуют приобщению молодых людей к важной культурной составляющей – традиционным ремеслам.

Примечания

1. Головнев А.В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. – С. 542-545.
2. Дунин-Горкавич А.А., Тобольский Север. В 3х т. – Т.3. Этнографический очерк местных инородцев. – М.: Либерия, 1996.
3. Патканов С.К. Остяцкая молитва Сочинения в двух томах. – Т.1. – Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999.
4. Медведев А.Ф. Оружие Новгорода Великого // МИА № 65. – М., 1959.
5. Соловьев А.И. Оружие и доспехи. – Новосибирск: «ИНФОЛИО-пресс», 2003.
6. Медведев А.Ф. Оружие Новгорода Великого... – С. 141.
7. Дунин-Горкавич А.А., Тобольский Север... – С. 99-100.
8. Соловьев А.И. Оружие и доспехи. – Новосибирск: «ИНФОЛИО-пресс», 2003. – С. 179.

А.А. Хадынская

**ПОЭТИКА ЭКФРАСИСА В РАННЕЙ ЛИРИКЕ Г. ИВАНОВА:
ОПЫТ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СБОРНИКА «САДЫ»**

Современное литературное образование, ориентированное, прежде всего, на воспитание «человека культуры», все активнее обращается к изучению художественного произведения в широком культурологическом контексте. Бахтинская идея о филологии как о «тексте текстов» имеет глубокий культурологический смысл: словесное творение рождается в диалоге культур и сознаний, литературное произведение – это, по сути, и есть форма общения различных культур. Метод диалога, предложенный М.М. Бахтиным, оказался весьма востребованным для формирования у учащихся и студентов гуманитарного мышления.

В учебном пособии В.А. Доманского «Литература и культура. Культурологический подход к изучению словесности в школе» предлагается педагогическая технология изучения художественного текста как текста культуры, особое внимание уделяется теории интегративных связей литературы с музыкой, скульптурой, садово-парковым искусством и живописью. Относительно последнего упомянутого вида искусства исследователь отмечает, что «внутренняя связь литературы с живописью проявляется в том, что писатель, запечатлевая зрительные ощущения, создает иконописные образы, опираясь на ассоциации, контекст, слова-символы, переносное значение слова. Слово, таким образом, в художественном тексте выступает условным знаком предметов и понятий, в то время как в изобразительном искусстве художник передает зримые подобия изображаемых предметов при помощи красок, линий, тонов, цвета» [1]. В своей работе Доманский рекомендует организовать диалог «литература – живопись» различными способами: работа с иллюстрациями, использование полотен со схожим сюжетом в качестве наглядного пособия, актуализация ассоциативных связей картины и словесного текста, выявление «живописности» в самом стиле писателя. Думается, что для постижения смысла художественного текста в этом ракурсе менее всего приемлем метод наглядности. С нашей точки зрения, сходные по сюжету картина и литературное произведение являются разными текстами культуры и не объясняют один другого. Например, в качестве наглядного пособия к урокам по «Войне и миру» Л.Н. Толстого предлагается картина В. Верещагина «Конец Бородинского боя». При всей близости взглядов великих современников на войну они разные, как разнятся само их мировоззрение. Работа с иллюстрацией требует, в свою очередь, серьезной методической подготовки, так как это в любом случае авторская интерпретация литературного произведения, что следует четко разъяснить учащимся.

Наиболее интересным и продуктивным, на наш взгляд, будет поиск диалога этих видов изобразительных искусств в самом поле художественного текста. При этом, при всей полезности культурологического комментария, следует сделать акцент на литературоцентричности изучаемого предмета: именно в этом случае филология демонстрирует свой универсализм, когда союз литературы и живописи реализуется в слове.

Ярким примером подобного диалога может служить *экфрасис*. У В.А. Доманского он назван «жанром», «словесным описанием любого рукотворного предмета». В школьной практике этот термин используется редко, в вузовском же литературоведении он существует давно, но исследователи нечасто к нему обращаются.

Экфрасис в современном понимании – художественный прием, описание живописных произведений словесным способом, в широком смысле его можно трактовать как воспроизведение одного вида искусства средствами другого. Этот прием не нов в литературе, экфрасисом пользовались еще античные авторы (описание щита Ахилла у Гомера), в русской литературе находим его у Гоголя, Лескова, Достоевского.

С нашей точки зрения, реализация культурологического подхода к поэтическому тексту может быть осуществлена на примере рассмотрения поэтики экфрасиса в раннем сборнике Г. Иванова «Сады». Речь пойдет, в основном, о символике цвета как о важнейшей составляющей экфрасиса.

Живопись – это, прежде всего, господство цвета. Мироззрение художника во многом можно определить по его колористическим предпочтениям, цветовым и световым решениям. Г. Иванов, тонко чувствующий живопись и хорошо в ней разбирающийся, демонстрирует в сборнике индивидуальный художнический почерк, оригинальную цветовую палитру, искусно выраженную поэтическим словом. Г. Иванов разделял идею начала XX века о новом синтезе искусств в ее акмеистическом представлении, когда живопись и лирика сольются в слове. Именно слово, став для поэта «кистью», окажется способным отразить теснейшую взаимосвязь этих видов искусства. Традиционное в культуре уподобление пера кинжалу как оружию пиита (Пушкин, Лермонтов) уступает у Г. Иванова место новой поэтической метафоре: перо – это кисть «поэта тире художника», рисующая окружающее в цвете, способная отражать малейшие колористические нюансы, то есть использующая типично живописные приемы при создании художественного образа.

Прежде чем рассмотреть специфику колорита у Г. Иванова, необходимо сделать краткий экскурс в теорию цвета. В работе известного искусствоведа Н.Н. Волкова «Цвет в живописи» [2] рассмотрены самые разные колористические концепции и выявлены важнейшие цветовые закономерности в живописи. Несмотря на явное предпочтение автором реалистической живописи перед модерном и отрицание значимости экспериментов с цветом в последнем, исследование сохраняет свою актуальность и в наши дни, особенно в теоретическом аспекте.

Н.Н. Волков сравнивает понимание цвета у ученых, художников, а также традиционное, исторически сложившееся в обществе представление о нем. Для науки цветоведения существует три основных цвета: **красный**, **зеленый**, и **синий**, что соответствует цветовым рецепторам человеческого глаза. Эта триада лежит в основе исчисления цветов, начало которому положил Ньютон. Он графически изобразил это в виде известного цветового круга с семью секторами (пресловутая «радуга»). Число семь восходило у Ньютона к пифагорейскому представлению о единых числовых законах мировых гармоний (семь тонов в музыкальной гамме и пр.). Для художника этот тройной союз не так актуален, как триада **красного**, **желтого** и **синего**. Указанные цвета соответствуют трем краскам, из которых можно получить путем смешения наибольшее число цветов. Кроме того, существует представление о четырех основных цветах: **красный**, **желтый**, **зеленый** и **синий**. Они совершенно друг на друга не похожи, тогда как остальные похожи на один из основных. Кстати, в европейских языках именно они обозначаются словами, корни которых уходят вглубь времен. Все остальные цвета обозначаются или составными словами (желто-зеленый, сине-зеленый и т. д.), или словами, происходящими от слов, обозначающих конкретные предметы (фисташковый, лимонный, оранжевый и т. д.). Перечисленные основные цвета относятся к так называемым **хроматическим**, то есть тем,

которые обладают цветовым тоном. Существуют еще **ахроматические** цвета, соответственно, им не обладающие: **белый, серый и черный**.

В качестве иллюстрации значимости цветовой символики у Г. Иванова рассмотрим «Сады» как наиболее зрелый и сложившийся из всех ранних сборников, тем более что он завершает петербургский период творчества поэта, играя роль своеобразного «моста» в эмигрантское творчество. В нем, с нашей точки зрения, в концентрированном виде содержится все основные особенности поэтики раннего Г. Иванова.

В «Садах» у поэта уже сложились собственные колористические предпочтения. Цветовая палитра сборника включает в себя традиционную триаду основных хроматических цветов, среди которых доминирующим является **зеленый** («зеленые очи», «зеленою кровью дубов», «зелена кругом трава», «зелен ясень», «зелен клен», «блестит зеленая звезда», «на воде зеленой», «зеленое сукно»), реже **синий** («синий рай», «сгущался в синий») и **красный** («заката красный дым», «окна красны от зари»). Из ахроматических назовем **черный** («черные ветки шумят», «на черном цоколе»), **серый** («отблеск серый») и **белый** («локоть белый») – их значительно меньше. Из ньютоновского «радужного круга» присутствует, главным образом, **голубой** («к голубому раю», «за голубым голубком», «по голубым эмалевым волнам», «в голубом окне», «на чайнике, как небо, голубом»), редко **желтый** («по желтому ковру»). Но богатство колорита не исчерпывается у Г. Иванова использованием общепринятых в языке «цветовых» прилагательных, он находит много других способов обозначить свою палитру. Прежде всего, это традиционные глаголы, образованные от таких прилагательных: «трава пожелтеет», «на западе желтели облака», «так же небо синело», «а вдалеке чернеют снасти», «звезда зеленеет», «там зеленел моей Гюльнарны взор», а также подобные причастия: «листвой пожелтевшей играет», «с желтеющих листов».

Кроме того, словно опытный художник, поэт «разбавляет» основные цвета (в живописи это именуется «разбелкой»), что рождает множество оттенков, а выбранные им прилагательные, в свою очередь, демонстрируют богатство их выражения в слове («зеленоватый серп», «сумрак розовый», «розовый летит голубок», «бледно-розовая пена», «из пены розоватой», «я видел желтоватую луну», «бледно-синее небо», «в синеватом вечернем дыму»).

Среди редких, сложных цветов отметим оттенки красного: **багровый** («закат багровый»), **пурпурный** («плащом пурпуровым подбит»), **лиловый** («с лиловых облаков»), **малиновый** («малиновые крупные цветы»). Оттенки желтого обозначены, в основном, прилагательными **золотой** и **золоченый**, в данном контексте акцентируется именно цвет металла (примеры были приведены выше). Аналогичную функцию имеет прилагательное **серебряный**.

Представляют интерес цвета, обозначенные названиями предмета или вещества: «молочный туман», «над плоскогорьем цвета дыни». В действие вступают не только зрительные, но и обонятельные и даже вкусовые ощущения, пейзаж становится максимально приближенным к человеку, он его не только видит, но и чувствует. Подобные цветовые определения являются ярким примером синтеза поэзии и живописи, воплощенным в слове.

Необычный оттенок отражен словосочетанием «празлень стоячих вод», где цветовые представления соединены с пространственными, ощущение пространства усилено частью «пра», имеющей в этом контексте и значение давности (воды «стоят», в них давно нет движения), и значение глубины, которая имеет свой неповторимый, «древний» цвет.

В сборнике достаточное количество эпитетов, обозначающих пестроту, разнообразие цвета: «семицветною радугой», «старой ратуши цветные черепицы», «райская разно-

цветная птичка», «в разноцветные стекла», «барок разноцветные ряды». К ним примыкает эпитет «*павлиний*» («*павлиньи уборы отбросив*»), в одном случае определены даже его составляющие: «и взойдет в песках *павлиний золотой и синий рай*».

Помимо означенной цветовой палитры, следует отметить у Г. Иванова виртуозное владение «свето-теневогой техникой», при которой главным становится яркость излучения, светосила, имеющие не менее важное назначение, чем сам спектральный цвет. Художникам известно явление так называемого «цветового сдвига»: значительное уменьшение яркости излучения меняет цветовой тон: зеленые цвета синеют, синие становятся ближе к фиолетовым, желтые к оранжевым, оранжевые к красным, далее происходит обесцвечивание. Увеличение же яркости вызывает обратный эффект: красный цвет переходит в оранжевый, тот в желтый, следующий в белый. Фиолетовый переходит в синий, синий в голубой, далее – обесцвечивание. Красный и фиолетовый являются крайними звеньями в цветовой цепочке, при изменении яркости, в конечном итоге, от красного мы приходим к фиолетовому, замкнув спектральный круг. Поэтический аналог этого явления мы найдем у Г. Иванова в стихотворении «На западе желтела облака...»: «Сходила ночь, блаженна и легка, / И сумрак розовый сгустился в синий...». Розовый и синий выступают, в данном случае, аналогами красного и фиолетового как представители «теплых» и «холодных» цветов соответственно. Наступление ночи для лирического героя знаменуется, прежде всего, изменением цветовой палитры пейзажа, в этом своеобразии поэтического видения Г. Иванова вообще. Он очень чувствителен к переменам цвета, и, как можно судить после знакомства с основными закономерностями «цветового сдвига», абсолютно правильно с колористической точки зрения описывает смену цветов в зависимости от изменения яркости освещения (в роли источника света выступает заходящее солнце). Поэт видит пейзаж как истинный художник, но пользуется при его воссоздании своим главным средством – словом.

У любого настоящего художника собственная палитра образует ряд излюбленных устойчивых цветовых сочетаний. Как верно указывает Н.Н. Волков, «цветовой строй картины часто покоится на какой-нибудь гармонической паре», и далее он точно подмечает, что «есть контрасты острых цветов, создающих большое цветовое и эмоциональное напряжение... Такие пары порождают открытую дисгармонию, драматизм» [3]. Искусствовед поясняет, что цветовой контраст есть главное, на чем держится картина. В этом случае вполне допустима и обратная аналогия: уподобление цвета слову. Колористический «словарь» художника, построенный на такой системе контрастов, всегда будет ограниченным по сравнению с полным множеством красок и мощным со стороны изобразительных и выразительных возможностей. Среди мощнейших по эмоциональному воздействию контрастов Н.Н. Волков называет объединение «холодных» и «теплых» тонов (например, красное и синее), а также контрасты хроматических и ахроматических цветов (белое с красным, красное с черным и т. д.).

Суммируя все сказанное о роли и значимости цвета для художника, можно, воспользовавшись словами Н.Н. Волкова, охарактеризовать колорит картины в целом как «такое цветовое единство, ... в котором все пятна цвета влияют друг на друга, обогащая образ, и потому ни одно пятно не может быть лишним» [4].

Если воспринимать сборник «Сады» как некое художественное полотно (думается, настойчивые живописные мотивы дают такую возможность), то колорит такой импровизированной картины вполне определенный: из 47-ми стихотворений большая часть (32) построена на напряженном эмоциональном контрасте, то есть на соединении хроматических цветов с ахроматическими. Среди многочисленных тем сборника одной их главных является

тема любви (его первое издание 1921 года даже имело посвящение жене поэта Ирине Одоевой, в берлинском издании 1922 года оно было снято), и цветовой контраст с успехом ее реализует: романтическая любовь, кроме радости и счастья, в подтексте имеет неизбежную их утрату. Такое колористическое решение объясняется принципиальным внутренним драматизмом, содержащимся в любовном чувстве для романтика. Например, в стихотворении «Оттого и томит меня шорох травы...» тема исчезающей любви решена в сочетании **зеленого, красного и желтого** цветов, но они представлены не в «чистых» своих вариантах, а в оттенках (цвет *пожелтелой травы, увядшей розы, золота, заката*) [5]:

Оттого и томит меня шорох <i>травы</i> ,	И впервые плеснет ключевая вода
Что <i>трава пожелтеет</i> и <i>роза увянет</i> ,	В <i>золотое</i> , широкое горло кувшина.
Что твое драгоценное тело, увы,	
Полевыми <i>цветами</i> и <i>глиною</i> станет.	И другую, быть может, обнимет другой
	На <i>закате</i> , в условленный час, у колодца...
Даже память исчезнет о нас... И тогда	И с плеча обнаженного <i>прах</i> дорогой
Оживет под искусными пальцами <i>глина</i>	Соскользнет и, звеня, на куски разобьется.

Выбор словесного выражения таких оттенков совершенно понятен: читатель не только вполне представляет себе цвет заката или увядшей розы, но и подсудно держит в уме эту «сему» увядания, исчезновения, утраты и даже смерти. *Глина* выступает здесь и как цвет (красноватого, вероятно, оттенка), и как материал для кувшина, оказавшийся хрупким, как и сама любовь. *Прах* в контексте этого стихотворения получается интересного цвета: традиционная серо-черная смесь (цвет пепла) имеет красноватый оттенок глины, т. к. прах здесь не что иное, как осколки глиняного кувшина. Сочетание исходных цветов этих оттенков, красного и черного, традиционно в культуре полно драматизма. Их словесная «разбелка» снимает остроту этого драматизма, но не снимает сам драматизм. Цвет в стихотворении по мере прочтения меняется от пожелтелой травы и увядшей розы, через золото и цвет заката, до темного праха. Черный цвет ассоциируется большей частью со смертью, что подчеркнуто и значением слова «прах». Чтение по вертикали приводит нас к размышлению о бренности любви. Но взгляд «сверху», когда все цветовые пятна можно видеть одновременно, дает возможность родиться и другой трактовке: глиняный кувшин, творение человеческих рук, рассыпался в прах, но трава снова станет зеленой, а розы вновь расцветут, любовь останется в природе, когда даже «память исчезнет о нас».

В основе наиболее частотных цветовых сопоставлений в стихотворениях сборника лежит содружество четырех основных цветов (**красного, желтого, зеленого, синего**) с **белым** и **черным**, но у Г. Иванова, как это видно, большинство из них представлено в оттенках. Словесно это представлено либо цветовыми прилагательными с различными «оттеночными» суффиксами (типа *зеленоватый, желтоватый, синеватый* и пр.), либо «дефисными» образованиями (*бледно-розовый, бледно-желтый* и пр.), либо описательными конструкциями, где цвет представлен объектом действительности, в реальности наиболее часто этот цвет имеющим (*закат, кровь, снег, луна, небо, трава* и пр.). Относительно последнего следует оговориться, что, кроме прямого предметного значения, у подобных существительных в данном контексте актуализируется и цветовое значение: читатель, окунаясь в пестрый колорит поэтического текста, уже нацелен автором на «прочитывание» цвета, и *зори, жемчуга, солнце* и прочее совершенно определенно создают цветовую палитру сборника.

Искусствовед Н.Н. Волков, обнаруживая у цвета наличие эмоционального подтекста, вполне оправданно проводит аналогию живописи со словом: «в живописи конкретный цвет окружен ассоциативным ореолом, он носитель связанных с ним других сторон человеческо-

го опыта. В конкретном акте восприятия цвета реализована история «человеческой чувственности» [6]. Цвет красив или некрасив, весел или мрачен, тяжел или легкий. Именно конкретный цвет, а не абстрактный представляет собой «слово языка живописи».

Среди цветовых сочетаний в «Садах» наиболее часто вступают в союз желтый и синий, как в «чистом» варианте, так и в оттенках. Это цветовое сочетание для русской культуры станет одним из основных, во многом усвоенным через православие (вспомним хотя бы «Троицу» Рублева, построенную именно на этом контрасте). Ряд примеров из Г. Иванова:

По листьям золотым – моя дорога.	Я люблю, люблю и умираю...
О сердце, увяданию внемли!	Погляди – душа, как восок , как дым...
Пурпурные, плывите корабли	Скоро, скоро к голубому раю
И меркните у синего порога!	Лебедями полетим...
.....
Прихотью любви, пустыней	Холодеет осеннее солнце и листвою пожелтевшей
Станет плодородный край,	играет,
И взойдет в песках павлиний	Колыхаются легкие ветки в синеватом вечернем
Золотой и синий рай.	дыму...

Желтый цвет связан у поэта с солнцем, золотом; синий – с нежностью, с небом, с освобождением. Как видно из приведенных примеров, с сочетанием желтого и синего цветов связана в сборнике тема рая в разных ее интерпретациях и ассоциациях (прямое его упоминание, свобода, смерть).

Основной темой, объединяющей стихотворения сборника в идейно-тематическое единство, является тема «потерянного рая», утраченной гармонии. Символика «райского сада» имеет большую историю в культуре. В ранней лирике Г. Иванова она представлена во всех сборниках, но наиболее яркое воплощение она нашла в «Садах», во многом предопределив его название. В этом сборнике пасторальная тональность окрашена тоской по уходящей культуре, активно разрабатывается усадебный миф как характерное проявление этого процесса. Цветовая палитра сборника символизирует осознание лирическим героем хрупкости, непрочности такой гармонии, ее большой уязвимости.

Поэтические краски Г. Иванова совершенно определенно означают скорую гибель мира: наряду с зорями значительно больше встречается закатов; корабли уплывают по синему морю за горизонт, малиновки покидают привычные места; трава желтеет, розы вянут. Неустойчивое равновесие мира кажется тем прекраснее, чем острее осознается его скорая утрата. Мир еще полон красок и звуков, но все чаще солнце «холодное», луна «бледная», равно как и небо. У лирического героя все чаще беспокойно бьется сердце, душу терзает смутная тревога.

Символика цвета не может быть абстрактной; важно то, что окрашено в конкретные цвета в художественном мире поэта. Для выяснения этого рассмотрим ряд стихотворений, где, с нашей точки зрения, многокомпонентные цветовые сочетания наиболее адекватно отражают сложные эмоциональные переживания лирического героя.

В стихотворении «Из облака, из пены розовой...» [7] изображен прекрасный пейзаж, окрашенный в легкие, полупрозрачные тона:

Из облака, из пены розовой,	Там меланхолия, весна, прохлада
Зеленой кровью чуть оживлены,	И ускользящее серебро.
Сады неведомого халифата	Все очертания такого сада –
Виднеются в сиянии луны.	Как будто страусовое перо.

Там очарованная одалиска
Играет жемчугом издалека,
И в башню к узнику скользят записка
Из клюва розового голубка.
Я слышу слабое благоуханье
Прозрачных зарослей и цветников,

И легкой музыки летит дыханье
Ко мне, таинственное, с облаков.
Но это длится миг единый:
Вот снова комнатная тишина,
В горошину кисейные гардины
И Каменноостровская луна.

Стихотворение очаровывает нежностью красок, поэт умело, будто кистью, пользуется словом при создании пейзажа. При внимательном прочтении становится понятно, что «садов неведомого халифата» как таковых не существует, это плод фантазии лирического героя, рожденный при созерцании облаков на лунном фоне. Восточный сад, традиционно воспринимаемый как яркий и пестрый, здесь окрашен в пастельные тона: он «розоватый», «чуть оживлен» «зеленой кровью», переливается «ускользающим серебром», освещен «сиянием луны». По «вертикали» из цветов появляется сначала красный (разбеленный «облаками» до розового), потом зеленый (с красной «подмалевкой» – так психологически при прочтении осознается метафорическое сочетание «зеленая кровь»), далее желтый («разбавленный» теми же «облаками» до «сияния» – почти белого) и сам предсказанный белый («ускользающее серебро», бело-серое «страусовое перо» и молочного, желтовато-розового оттенка «жемчуг»), завершается все уже сочным розовым, в конце же описания дивного сада «заросли и цветники» становятся «прозрачными», «растворяясь» в «облаках». Цветовая палитра образует импровизированный круг: будучи порожденной розовым цветом из «облаков», им же и завершается, исчезнув в них же. Переливы цвета в стихотворении вполне объяснимы с точки зрения колористики: известно, что при разбелке желтый цвет розовеет или зеленеет, в зависимости от освещения. Свет луны, «разбавленный» «облаками», рождает «пену розоватую» и «зеленую кровь». Кроме того, в стихотворении срабатывает уже упомянутый нами закон «цветового сдвига», фиксирующий эффект последовательной смены цветов от зеленого до красного и их дальнейшее обесцвечивание при уменьшении яркости излучения (в нашем случае этот эффект достигнут тем, что луну закрыли облака). Перед нами не набор произвольных оттенков, а вполне реальная запечатленная картина ночной игры цвета и света, которая может быть объяснена с точки зрения науки цветоведения. Г. Иванов, таким образом, нисколько не грешит против истины, окрашивая свой пейзаж именно таким образом. Другое дело, что его цветовое решение действительно наполнено символическим смыслом, ибо живописный аспект теснейшим образом связан у него с поэтическим. Исходя из контекста всего сборника, можно заметить, что розовый, зеленый и желтый – цвета гармонии, в эмоциональном подтексте у них содержится ощущение покоя, счастья, очарования, любви. «Меланхолия» как удивительное сопряжение счастья и печали окрашена у поэта именно в такие цвета.

Композиционно стихотворение делится на две неравные части: четыре строфы и одна. Первая часть – описание пространства волшебного небесного сада, вторая – пространства точки наблюдения, Каменноостровской комнаты. Первая часть явно количественно перевешивает, она содержит практически всю цветовую палитру. Это пространство наполнено жизнью: «очарованная одалиска» в предвкушении любовного свидания, воздух полон запахов и звуков. Таинственный мир облаков безмерно далеко, но лирический герой ощущает его всеми органами чувств, даже «слышит» его «слабое благоуханье» (удивительный синтез!). Восточный привкус здесь явно европейского происхождения, маленькая сценка с одалиской скорее напоминает фривольную картину Буше в стиле рококо с одноименным названием (думается, эта живописная ассоциация здесь весьма

кстати), да и само слово «одалиска» хоть и тюркского происхождения, но прошедшее французскую «обработку» (odalisque). Пространственно (как в образном, так и в прямом смысле) более обширная композиционная часть значительно уступает во «временном» плане второй части, состоящей из одной строфы. «Но это длится миг единый», – отмечает лирический герой. Другой мир оказывается суженным до пространства комнаты, поэтично воспетые облака, переливающиеся разными красками, – весьма прозаичными «в горошину кисейными гардинами», «Каменноостровская луна» рождает совсем другие ассоциации (петербургская тема, «Каменноостровский цикл» А.С. Пушкина, комнаты-углы Достоевского, опять-таки «камень», «береговой гранит» города на Неве). Традиционно сложившаяся в русской литературе цветовая ассоциация с Петербургом – серый (цвет камня) и желтый (по Достоевскому). В тексте это луна, она освещает оба мира в стихотворении, точнее, они «наложены», как круги, один на другой, на луну как на центральную точку круга. Оба мира существуют одновременно, они параллельны; «переключение» с одного на другой происходит по принципу калейдоскопа, смещается фокус – и дальний «цветной» мир «приближается», становится виден и ощутим во всех подробностях. Границей служит окно (в культурологической символике один из важнейших ее знаков), оно обозначено гардинами как рамой, таким образом, видение прекрасного сада представляет собой «обраменное» (слово Г. Иванова) живописное полотно, зажившее своей жизнью, наполненное запахами и звуками. Душа лирического героя, как «жилица двух миров» (Тютчев), ощущает нерасторжимую их связь. Красочный мир «неведомого халифата» притягательнее для него, ярче и зримее, это пространство свободы, воздуха, движения, жизни. Петербургский мир беззвучный («комнатная тишина»), бесцветный (луна в последней строфе больше обозначает не оттенок желтого, как в четырех предыдущих, символизирует, скорее, тоску, печаль, одиночество, неподвижность: актуализация значения «камень» в ее именовании) и статичный (в его описании нет глаголов). Подобное двоемирие у Г. Иванова явно романтического происхождения, но разница с типичной романтической позицией в том, что на мир мечты падает «лунный» ответ. По идее, там должно быть солнце, чтобы противостоять луне, но его нет. Утопический мир явно обречен на гибель. Прямо об этом будет объявлено Г. Ивановым в более поздних сборниках эмигрантского периода, а пока это еще смутная догадка на уровне интуиции. Краски еще не поблекли, луна еще способна порождать цвет, хотя это и не свойственно ее природе, позже она лишится этого свойства. Намек на это уже содержится в сборнике: «бледное светило Оссиана», «жалкая луна» (стихотворение «Мы зябнем от осеннего тумана...»), «луны осенней таял полукруг» («В меланхолические вечера...»), «бледное светило» («Вечерний небосклон. С младенчества нам мило...»).

В стихотворении «Наконец-то повеяла мне золотая свобода...» [8] желтый цвет имеет оттенок «осеннего солнца» и «меда», далее он соединяется с белым («молочный туман») и начинает контрастировать с наступающими сумерками, причем они окрашены в красные тона («этот вечер, однажды, уже пламенел в Палестине»). Сумерки также представлены «синеющим небом» и «дымящимися» травами. Лирический герой видит картину заката как причудливую игру красок. В конце стихотворения солнце оказывается насыщенным всеми перечисленными цветами, поэт находит для описания такой картины оригинальную метафору: «солнце, что гасло, павлиньи уборы отбросив». Лучи заходящего солнца, устремляясь вверх от линии его окружности, действительно напоминают распущенный павлиньи хвост во всей красоте его радужного оперения. В последних строках стихотворения проясняется, что у прекрасного пейзажа, с такой любовью воспроизведен-

ного лирическим героем, есть еще один зритель. Это Иосиф, который «пробирался в Египет» с Марией и младенцем: пейзажем он «любовался, глаза прикрывая ладонью». Библейский подтекст диктует нам восприятие этой сцены как картины на сюжет из Священного Писания. Интерференция двух временных пластов оказалась возможной благодаря пейзажу, не менявшемуся с ветхозаветных времен. Лирический герой, прежде всего, замечает краски вечернего неба, и именно это пробуждает у него библейскую ассоциацию.

Композиционное членение стихотворения на две части по три двустишия, по сути, зеркально, что не раз подчеркивается в тексте («этот вечер, однажды, уже пламенел в Палестине», «так же небо синело и травы дымились сырые», «воздух, полный осеннего солнца, и ветра, и меда» – «и на солнце, что гасло, павлиньи уборы отбросив», «и звенят колокольчики мимо идущего стада» – «колокольчики мимо идущего звякали стада»). Одна из самых значимых для Г. Иванова оппозиций «прежде – теперь» в данном случае разрешается примирением в образе «золотой свободы». Это словосочетание в культуре имеет четкие ассоциации с Золотым веком, временем красоты и духовной свободы. Воздух напоен «медом» совершенно неслучайно: по Овидию («Метаморфозы»), человек периода Золотого Века, живя в гармонии с природой, питался медом, который он добывал из каменного дуба («вековые деревья» у Г. Иванова). Таким образом, в стихотворении, кроме библейского, обнаруживается и мифологический подтекст. Такой понятный и человечески объяснимый жест прикрывания глаз ладонью при наблюдении за садящимся солнцем приближает к нам библейского героя, стародавние времена оказываются близкими: и я так же смотрю на закатное солнце, и я вижу те же краски, в этом и заключается чудо, и чтобы оно произошло, достаточно представить себе Святое Семейство и верить в его существование.

Золотой (как вариант желтого) – не только образное именование первого из четырех веков человечества, но и один из символических цветов христианства. «Золотая легенда», в частности, в католической традиции, повествует о Рождестве Мадонны, там же говорится о муже ее Иосифе. Святое Семейство на картинах чаще всего изображалось в домашней обстановке, а если присутствовал пейзаж, то группа в большинстве случаев изображала сценку «Отдых на пути в Египет» («Бегство в Египет»), где на заднем плане был виден осел с поклажей. К стати, по одной из версий, на обратном их пути, уже из Египта, Иоанн Креститель встретил и крестил Иисуса, его же постоянным атрибутом считались медовые соты. Мед как символ, таким образом, входит в обе символические системы, мифологическую и христианскую, причем у поэта они не вступают в противоречие. Г. Иванов воспроизводит традиционный живописный библейский сюжет, сразу узнаваемый читателем, и к уже упомянутым краскам должны присоединиться, вероятно, красное платье и голубой плащ Марии (она Царица Небесная) – ее постоянные атрибуты. Так цветовая палитра словесного пейзажа расширяется за счет известных ассоциаций.

Символика сада тоже двояка: это и Аркадия, сад Золотого века, и христианский райский сад. С Марией символика сада также непосредственно связана: в живописных ранних примерах ее можно увидеть в *hortus conclusus* (лат. – запертый сад), который намекал на идею девственности; с садом же связана символика воды: мистическое очищение Девы Марии отражено в понятии *fons hortorum* (лат. – садовый источник). Тот же смысл непорочности имело зеркало, часто сопутствовавшее ее образу. В качестве ее атрибута часто выступало дерево Иессея, это генеалогическое древо Христа, произрастающее от Иессея, отца Давида, а также олива, живущая, по преданиям, не одну сотню лет. Мария была связана как с лунной, так и с солнечной символикой, о чем повествуют ла-

тинские тексты на полотнах с ее изображением: «Pulchra ut luna, electa ut sol» («Прекрасная, как луна, светлая как солнце»). Кроме того, иногда Деву Марию (беременную) изображали облаченной в солнце. Символика же винограда была как мифологической (связана с осенью, временем его сбора), так и христианской (евхаристическое вино). И то, и другое значение актуализировано в стихотворении. Золотой цвет – это также и цвет осени, словосочетание «золотая осень» стало устойчивым тропом.

«Павлиньи» уборы ассоциируются с пестротой, многоцветьем, но помимо этого за павлином закрепилась и христианская символика: еще в античности считалось, что его мясо не подвержено гниению, в этой религии он стал символом бессмертия и Воскресения Христа.

Все выявленные символы, так или иначе, присутствуют в стихотворении Г. Иванова: солнце, осень (в симбиозе: «осеннее солнце»), виноград, осёл (здесь мягче: ослик), луна (потенциально: наступают сумерки), сад («пустынный сад», а также в виде центрального мотива сборника), вода (здесь косвенно: «молочный туман», «травы сырые»), зеркало (зеркальность композиции стихотворения), древнее дерево Иисуса или вечная олива («вековые деревья пустынного сада»).

Как и в предыдущем рассмотренном нами стихотворении, цветовые ощущения соединены у поэта со слуховыми. Его пейзаж «озвучен» «шелестом вековых деревьев», звуком колокольчика. Колокол – один из древнейших символов музыки, по колокольчикам ударяет молоточком персонифицированная Музыка, как это делает и Давид, ветхозаветный автор псалмов.

Мифологический и христианский пласты не только не противоречат у Г. Иванова друг другу, но наоборот, принадлежат к одному культурному пространству «прошлого». Из оппозиционных они превратились у него в союзнические, объединяет их отсутствие категории времени, оба они оперируют понятием «вечность». В оппозицию к ним встало настоящее, принципиально не могущее, по Г. Иванову, оставить след в вечности. Золотой век для поэта – понятие расширенное, это Золотой век Культуры, настоящее же планомерно от нее отказывается. Задача поэта – сберечь ее, облечь в Слово, пока оно не утратило своего сакрального смысла.

С желтым цветом как одним из доминантных у Г. Иванова непосредственным образом связана «солнечная» и «лунная» символика. В сборнике «Сады» обе они присутствуют. Солнце преимущественно закатное, поэтому желтый цвет большей частью «подсвечен» красным (багровым, пурпурным). Упоминается оно крайне редко, всего в трех контекстах: связано с осенью или зимой как холодными временами года («осеннее солнце», «мороз и солнце»); с холодом («холодное солнце»), с сиянием («в солнечный сияющий мир»). Очевидно, что солнце в художественном континууме сборника больше по своей функции напоминает луну, ибо нет традиционного контекста «тепла». Луна же большей частью желтая (желтоватая) с янтарным («луна роняет янтари») или зеленым оттенком («зеленоватый серп»), часто связана с морем, холодными водами. Но есть ряд стихотворений, в которых наблюдается симбиоз двух светил в пространстве одного стихотворения, где они встречаются на границе дня и ночи – сумерках. Заря (утро) фигурирует в сборнике в три раза реже, нежели закат (вечер). Чаще описан закат с последующим наступлением ночи, нежели рассвет, которому она уступает место. Это вполне соответствует общему меланхолическому настроению сборника, связано с романтическим на тот момент мироощущением поэта (луна названа «бледным светилом Оссиана»).

Кроме солнца и луны, желтый цвет (во всех его оттенках) в сборнике имеют осенние опавшие листья и увядшие розы, в этот же ряд можно включить зерно и мед, редко небо («дынный горизонт»), облака и горы («плоскогорье цвета дыни»). Желтый цвет связан у Г. Иванова с печалью, тоской по прошлому; врез с традиционным эмоциональным его восприятием он больше холодный, нежели теплый, а его вариант «золотой» имеет, кроме цвета, еще и оценочное значение (то, что ушло навсегда).

Зеленый – цвет травы и листы, реке воды, но есть еще интересный образ «зеленой звезды», он встречается не только в «Садах», особенно часто его можно обнаружить в поздних сборниках. С ним у поэта связано особое ощущение личного присутствия в небесном пространстве, у него это посланница земли, иногда метафора души поэта. Количество зеленого в сборнике сопоставимо с желтым, это «положительный» цвет, и именно он является, пожалуй, единственным по-настоящему «теплым», он чаще всего появляется в своем «чистом» варианте, хотя можно увидеть и экзотический зеленый – малахитовый.

Красный у поэта встречается значительно реже, чем желтый, больше частью это тревожный цвет, им окрашено закатное небо; несколько раз он выступает в варианте «горящего пламени», но опять-таки, как и в случае с желтым, он не дает тепла («...Как холодно! Темно / Горит камин...»). Более мягкая его вариация – «румяный», «румянец», где чувствуется симпатия лирического героя к изображаемому. Чаще всего присутствует розовый как «разбеленный» красный, это у Г. Иванова цвет нежности, любви и легкой ироничности.

Синего очень мало, им окрашено небо (синонимом его иногда выступает рай), это больше холодный цвет («холодная синева»). Чаще встречается его аналог голубой, по функции он схож с розовым, часто они присутствуют вместе.

Чистый черный встречается всего пару раз, им окрашены предметы, которые должны быть сразу замечены, на них обычно падает большая смысловая нагрузка («чернеют снасти», «черный цоколь»). Значительно чаще он выступает в вариантах темноты, сумерек, тени, тьмы и полутьмы. Белый, как и черный, в чистом виде встречается редко («локоть белый»), в основном он представлен в вариантах света, сияния, блеска, отблеска, тумана, снега. Это традиционные контрастные цвета, противостоящие как основным, так и друг другу, но их привычное противостояние у поэта приобретает у поэта черты сходства: утро, сумерки и вечер (самые любимые поэтом часы суток) описаны как мерцающая игра красок, переход от темных тонов к светлым и наоборот.

Живые переливы оттенков цветов делают словесные пейзажи Г. Иванова максимально приближенными как к естественным (природа не знает чистых белого и черного), так и собственно живописным (обозначения красок, принятые у художников, отражают эту связь природы и искусства).

В связи с последним утверждением обращает на себя внимание использование поэтом названий цветов, привычных для профессиональных художников:

Опять **белила, сепия и сажа**,
И трубы гениев гремят в упор...
.....
Кружки **кармина**, кубики **индиго**
Становятся затейливым Китаем...

Г. Иванов настойчиво подчеркивает родство поэтического слова и кисти художника. Подобно ей, слово способно отразить не только разнообразнейшие цветовые оттенки, но и передать тончайшие оттенки чувств, возникающие при созерцании пейзажа. Цвет у Г. Иванова создает в лирическом тексте определенное настроение, колористическая то-

нальность служит знаком эмоциональных переживаний («Только край земли румянит / туч *закатная* тревога» и т. д.).

Мир, ощущаемый в красках, выдает в Г. Иванове истинного художника, для которого жизнь полна цвета. Стихотворения сборника напоминают живописные полотна: такой своеобразный вариант синтеза двух видов искусств позволяет обогатить наше восприятие художественного мира поэта. Живописные приемы и ассоциации, реализуясь в слове, демонстрируют поистине уникальные возможности последнего. Перед нами не просто словесные картины, это *звучащие* и *осязаемые* полотна, где переданы все возможные способы восприятия мира человеческими органами чувств. Мы не только видим зелень листвы, но и слышим ее шелест, не только замечаем «бледно-розовую пену / Над зыбкой зеленью струи», но и слышим шум падающей воды; «блеск дыни, винограда совершенство, / Румянец яблок, ананасов спесь» не только явственно зримы, но мы словно чувствуем их глянец-витость или шершавость, сразу вспоминаем их вкус. Преимущество слова в том, что им можно изобразить все, поэт апеллирует непосредственно к нашему воображению, активизируя тем самым зрительные, слуховые и кинестетические ощущения.

Примечания

1. Доманский В.А. Литература и культура. Культурологический подход к изучению словесности в школе: Уч. пособие. – М: Флинта. Наука, 2002.
2. Волков Н.Н. Цвет в живописи. – М., 1980.
3. Там же. – С. 25.
4. Там же. – С. 26.
5. Иванов Г.В. Собрание сочинений. В 3 т. – Т. 1. – М., 1994. – С. 205 (здесь и далее цитаты из сборника по этому источнику).
6. Волков Н.Н... С. 27.
7. Иванов Г. В... С. 220.
8. Там же. – С. 214.

СОЦИАЛЬНЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ

М.Ю. Мартынов

НАЦИОНАЛИЗМ И ПАТРИОТИЗМ В ИДЕОЛОГИИ МНОГОНАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

Ренессанс национального и этнического факторов в современных политических процессах в академическом дискурсе подчас проявляется в тенденции своеобразной реабилитации понятия «национализм», в освобождении его от шлейфа негативных коннотаций [1]. Объясняют это стремление, в частности, тем, что раз уж обществу нужна идеология, то националистическая в этом смысле предпочтительней, чем, например, религиозная или классовая [2]. Она позволяет обеспечить максимальную гибкость, уважительность к национальным вопросам в условиях полиэтнической страны. Чтобы, например, человек, объявляющий свою национальную особость, не рисковал быть обвиненным в национализме и покушении на права других национальностей [3, с. 55]. Подобные рассуждения о ценности и позитивности национализма логично приводят к выводу, что для российского государства единая национальная общность не является необходимостью и что она должна представлять собой объединение цивилизационных и субцивилизационных общностей в демократическую империю [4].

Чтобы распространение национализма не наносило ущерб целостности общества, выход видят в воспитании граждан в духе уважения к другим нациям, уравниванию национализма идеями общенационального патриотизма [3, с. 57]. Но это не снимает проблему, поскольку, несмотря на все многообразие подходов к определению понятия «национализм», все они инвариантно включают в его смысловой объем тезис о высшей ценности именно своей нации и ее первичности в государствообразующем процессе. С «патриотизмом» коррелирует «интернационализм», а понятие «национализм» им оппонирует.

Стремление избежать подобных импликаций заставляет авторов заниматься, по сути, манипуляциями со смысловым содержанием понятия «национализм». Наиболее распространенным приемом подобного катахреза становится различение «плохого» и «хорошего» национализма. Все дело, оказывается, в мере. Хороший, здоровый национализм – это тот, который уравнивается интернационализмом, уважением к другим нациям, и в этом случае такой «правильный» национализм составляет, якобы, неотъемлемую часть патриотизма. Если же национализм не уравнивается интернационализмом, то в этом случае возникает «плохой», экстремистский национализм, и происходит «неправомерное и весьма распространенное отождествление его с шовинизмом» [3, с. 57]. Чувство интернационализма сдерживает, «цивилизует» национализм (патриотизм), например, «вполне понятное и похвальное желание защищать свою Родину и свою нацию тоже имеет свои пределы, а предпринимаемые меры должны быть адекватны угрозам» [3, с. 58].

Подобного рода логически непротиворечивые рассуждения о необходимости уметь балансировать между национализмом и интернационализмом при попытках соотнести их с действительностью, тем не менее, оказываются, в свою очередь, не более чем словесной эквилибристикой. Кто будет измерять меру того и другого, как определить «пределы желаний защищать Родину» и их «адекватность угрозам»? В свое время Наполеон Бонапарт в письме

русскому царю жаловался на варварские, партизанские, нецивилизованные формы военных действий против его армии. С его точки зрения, вероятно, русские оказались излишне патриотичны (националистичны), используя неадекватные, неодобряемые интернациональным общественным мнением средства ведения войны. С точки же зрения самих русских, «дубина народной войны» – самый «ухватистый» и удобный инструмент, чтобы «гвоздить супостата».

Попытки установить меру патриотизма (национализма) выглядят абсурдно. Но и наоборот, предоставление «карт-бланша» национализму угрожает единству государства заменой его конгломератом «субцивилизационных общностей». Как представляется, существование данного противоречия объясняется некорректным использованием термина «национализм» для обозначения внешне похожих, но существенно разных процессов.

В первом случае его субстанциональное наполнение связано с существованием исторических общностей. Идентификация индивида с той или иной общностью – родом, племенем, народностью, нацией – действительно, не может не формировать у него отношение эмоциональной привязанности к «земле предков», психологической установки на защиту этой общности и на сохранение ее самобытности, особенности, обеспечивающих эту идентификацию. Эти чувства, известные с архаичных времен, с образованием нации приобретают форму национализма.

Во втором случае понятие «национализм» используется для обозначения общенациональной идеологии, предполагающей формирование в государстве единой нации, «снимающей» национальные различия. Но для обозначения этого способа идентификации гораздо уместнее употреблять понятие «патриотизм». В патриотизме национализм преодолевается, «снимается».

В этом смысле происхождение патриотизма не только отлично от национализма, но и противоположно ему. Поскольку «политическое развитие и демократизация предполагает объединение нации, замену множества традиций, религиозных, этнических центров авторитетом единой светской общенациональной политической власти» [5], то шанс превратиться в общество гражданское, демократическое, получают те государственные образования, в которых государственная политическая идея, обретающая опору в чувстве патриотизма, «снимает» догосударственные националистические формы идеологии. В государстве национализм не может являться частью патриотизма, потому, что если он имеет не культурологический, а политический характер, то может быть по отношению к нему только конкурентной идеей с разрушительными последствиями. Национальные идеи в многонациональном государстве не исчезают, но они теряют свой политический характер, трансформируются в идеи сохранения культурного своеобразия и становятся объектом государственной национальной политики.

Вероятно, впервые в истории в завершенном виде переход от способа идентификации с исторической общностью – родоплеменными группами – к идентификации с политическим институтом – государством – произошел в древнегреческих полисах в процессе синойкизма [6]. Именно ценности гражданского долга, общегосударственного патриотизма явились одним из столпов античности, позволив Древней Греции и Древнему Риму в цивилизационной иерархии стать на порядок выше современных им «варварских» обществ, идеологически опиравшихся на реликты родоплеменных привязанностей.

Национализм и патриотизм не могут быть априорно «плохими» или «хорошими». Являясь идеологическими конструктами, они способны служить как общественным, так и узкогрупповым целям. Патриотизм, как известно, может превратиться в прибежище негодяев и стать средством политических манипуляций. И наоборот, национализм, обычно выступаю-

щий разрушительной антигосударственной силой, способен сыграть и прогрессивную роль. Происходит это в тех случаях, когда само государство носит антинародный характер, как это имеет место, например, в случае контроля государством-метрополией колоний. Тогда национально-освободительное движение, используя идеологию национализма, становится путем формирования суверенной государственности. Но после получения независимости встает задача «снятия» национализма системой общегосударственных, патриотических ценностей. Для сложившегося государства национализм, под какими бы флагами заботы о сохранении наций он не возникал, в дальнейшем может выступать только угрозой.

Нынешний ренессанс национальных идей заключается отнюдь не в том, что они, якобы, по некоторым утверждениям, никогда и не теряли своего значения, а просто неоправданно игнорировались [7]. Причины возрождения национализма кроются не в его силе, а в слабости государства, которая проявляется либо в ослаблении скреп государственных институтов на общем фоне обозначившегося сегодня кризиса Вестфальской системы, либо в антинародной политике, проводимой правящей бюрократией.

Необходимость уточнения гносеологического содержания данных понятий представляет отнюдь не только академический интерес. Например, в ходе проводимых нами социологических исследований в Ханты-Мансийском автономном округе была зафиксирована, пусть и медленная, но вполне устойчивая тенденция роста националистических настроений молодежи. Причем рост этих настроений стал наблюдаться в среде достаточно образованной (точнее, полубразованной) и материально обеспеченной ее части. Интерпретировать данные факты можно, учитывая идеологические обстоятельства, в том числе и заметную неудовлетворенность молодежи предлагаемым прочтением отечественной истории. Существование общенациональной идеологии и патриотизма возможно только на основе мифа об общей истории народов, образующих государство, ведь «чтобы создать нацию, нужно восстановить ее историю» [8]. Причем историю героическую, которой можно гордиться. Между тем, взятый два десятилетия назад курс на поиски некоей «исторической правды» и бесконечного покаяния, привели к полному разрушению такой мифологии, появлению стыда за собственную историю, разрушению исторического самосознания народа. Вся отечественная история сегодня должна быть прочитана как великая и героическая. Эквики на наличие в ней «плохих», «черных» страниц девальвируют миф.

Например, чрезмерное акцентирование внимания на тоталитарном, репрессивном характере советского государства приводит к подобной девальвации исторического значения Победы советского народа в Отечественной войне. Если в СССР был тоталитарный режим, то, по определению, Красная Армия несла в Европу не освобождение, а рабство, которое, как ныне утверждают в некоторых странах Восточной Европы, было хуже нацистского. Навязывание подобного образа государства нынешнему поколению россиян вряд ли способствует формированию чувства гордости за свою историю.

И наоборот, общее великое прошлое способно консолидировать не только народы России, но и стать притягательной силой для граждан республик бывшего Советского Союза. Возможность чувствовать причастность к Победе в Великой Отечественной войне, общее патриотическое прошлое может играть в отношении этих стран не менее интегрирующую роль, чем экономические связи, газо- и нефтепроводы. В то же время, руководство республик, проводящих политику отказа от того же советского прошлого, лишают свои народы наиболее героической страницы собственной истории.

Между тем, как ни странно, доминирующий сегодня российский дискурс также не способствует консолидации нашего многонационального общества. Интерпретация оте-

чественной истории выглядит примерно так: до 1917 г. развитие России шло по восходящей линии, но было прервано революцией, которую совершили враги российского государства в лице революционеров. Для потребления массовым сознанием такая версия, на первый взгляд, выглядит приемлемой, позволяя оправдывать сегодняшние проблемы ссылкой на «сломанную» таким образом историю страны. Но на самом деле латентно она содержит провокацию национал-экстремистского мышления. Объяснение, откуда взялись революционеры-враги России, доминирующий дискурс не дает, и домысливать это приходится самому массовому сознанию. Оно же, как известно, всегда предпочитает объяснения самые простые. Поскольку в числе и революционеров, и членов первого советского правительства значительную долю составляли представители нерусских национальностей, то вывод обывателя однозначен: враги Великой России, сломавшие ее историю, – инородцы. Современная молодежь достаточно образована, чтобы обладать необходимыми знаниями для националистических выводов, и достаточно необразованна, чтобы эти выводы делать. Сегодня демократические политические силы, средства массовой информации часто сетуют на рост русского национализма и экстремизма, забывая, что своим однобоким, по сути конспирологическим, прочтением истории сами инспирируют его больше, чем кто-либо.

Таким образом, доминирующая ныне в массовом сознании версия отечественной истории служит не столько консолидации народов на основе идеи общегосударственного патриотизма, сколько подогревает межнациональное недоверие и подозрительность, провоцирует рост национализма.

Неизбежной альтернативой отсутствия общей героической истории народов, образующих государство, становится мифотворчество героической истории этносов и наций, входящих в государство. Общенациональные ценности патриотизма в этом случае замещаются национализмом, получающим позитивную дискурсивную коннотацию, нарастают шовинистические настроения, политические процессы набирают реверсионный ход – ослабляются институциональные скрепы государственности.

Примечания

1. См., например: Национализм в мировой истории / Под. ред. В.А. Тишкова и В.А. Шнидельмана. – М.: Наука, 2007. – С. 576.
2. См.: Миллер А.И. Дебаты о нации в современной России // Политическая наука, 2008. – №1. – С. 8-9.
3. См.: Герасимова А.А. Патриотизм как этнополитическая категория // Власть, 2007. – №4.
4. См.: Липкин А.И. К вопросу о понятии «национальной общности» и его применимости к России// Полис, 2008. – №6 – С. 126-127.
5. Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах. Сравнительное исследование/ Пер. с англ. Под. ред. А.М. Салмина, Г.В. Каменской. – М.: Аспект Пресс, 1997. – С. 54.
6. Всемирная история. – М.: Гос. изд-во политехнич. лит-ры, 1955. – Т.1. – С. 261.
7. См.: Кузнецов А.М. Этническое и национальное в политологическом дискурсе // Полис, 2007. – №6. – С. 10.
8. Валлерстайн И. Миросистемный анализ: введение. – М.: Изд. Дом «Территория будущего», 2006. – С. 139.

Я.Г. Солодкин

**ЕРМАК В ИСТОРИЧЕСКОМ СОЗНАНИИ
РУССКИХ СИБИРЯКОВ XVII ВЕКА**

В 1620-х – 1630-х гг., спустя несколько десятилетий после того как началось присоединение к Московскому царству «Сибирской земли», в этой «далечайшей государственной вотчине» стала формироваться литературная традиция. Одним из центральных персонажей первых памятников книжной культуры Сибири стал «ратоборный» атаман Ермак Тимофеевич.

О «Ермаковом взятии» этой бескрайней страны («Сибирском взятии Ермака Тимофеева», «Взятии атамана Ермака Тимофеева», «Сибирском от Ермака взятии») упоминали и многие тобольские летописцы [1, с. 32, 74, 138, 146, 189; ср. с. 178, 231, 258, 259, 301, 345, 356, 368], и томичи в челобитной 1649 г., и даже ханты [2, с. 122; ср. 154; 3, с. 93, 232, 233]. Потомки сподвижников Ермака помнили, что под его предводительством был захвачен «юрт» Кучума. Так, в 1647 г. добивавшийся зачисления в ряды казаков литовского списка отставной «дьячишко» У. Кузьмин уверял, что его дед С. Шемелин «пришел в Сибирь с атаманьями с Ермолком Тимофеевым с товарищи, в казаках, и Сибирь... очистил и кровью своею взял за саблю» [3, с.80-82, 153; 4, с.49; 5, с.69-71, 73, ср. 77-78; 6, с. 181, 192].

В 1621 г. в Тобольск прибыл сибирский «первопрестольник» Киприан, вскоре по его инициативе был составлен синодик «ермаковым казакам» (далее С – Я.С.). Как допускал А.П. Окладников, «Старорушанин» (таково было прозвище архиепископа) [7, с. 370, и др.] хотел объявить Ермака святым. Н.А. Миненко и Г.Л. Файзрахманову тоже думается, что Киприан «вспомянул» прославленного атамана, решив превратить его в патрона новой епархии [8, с. 132; 9, с. 47; 10, с. 110]. Такого мнения придерживается и Л.С. Соболева, полагающая, что первый тобольский владыка поставил Ермака и его соратников «у основания христианства на урало-сибирских просторах», сделал их патронами епархии, потребности обретения которых «для новокрещенных земель» и отвечало «обращение к подвигу казаков», «сбивших с куреня» «бесерменского» «салтана». В представлении исследовательницы, в С, сочиненном Киприаном, ермаковцы изображены «героями-страдальцами и мучениками», что обуславливалось, по всей видимости, «грядущей канонизацией» [11, с. 298, 301, 302, 305]. Впрочем, еще С.В. Бахрушин констатировал, что «велеумный и храбрый ритор» (как называется Ермак в Строгановской летописи (далее СЛ – Я.С.) [12, с. 38]) не был канонизирован «центральной церковной властью, несмотря на неоднократные домогательства Тобольской кафедры». Последнее утверждение, как и мысль Р.Г. Скрынникова, будто Киприану отказали во вселенском поминовении Ермака [13, с. 354; 14, с. 86, и др.], следует отклонить: каких-либо сведений о намерении причислить знаменитого атамана к сонму святых в нашем распоряжении нет, известие же С.У. Ремезова о царской и патриаршей грамотах (от 16 февраля 1636 г.) об установлении «всемирного» прославления «наставника» казаков, одолевших Кучума, не заслуживает доверия. (Кстати, утверждения, будто ремезовская «История Сибирская» создана к 100-летию зауральского похода Ермака, а ее автором успех дерзкой казачьей экспедиции приписан царю [15, с. 43, 48] – очевидные домыслы).

На основании С говорить о канонизации сподвижников Ермака и его самого едва ли стоит. Более оправданным может считаться тезис Е.И. Дергачевой-Скоп о том, что сибирские «первосвятители» стремились «поднять вес собственной архиепископии если не канонизацией, то хотя бы признанием Ермака «христианским воином»» [16, с. 55]. Таким «христианским воином» (или «человеком Божиим») Ермак (якобы получивший это прозвище у сподвижников, настоящее же его имя – Герман) представлен в Ремезовской летописи. Там атаман, сокрушивший «со единомысленники своими» «царство» «прегордого» Кучума, назван «храбрым смлада», «вседушно храбръствовавшим», «вельми мужъственным и разумным», «довольным» «всякой мудрости» [17, с. 550, 554, 560, 562, 563, 568].

По мнению Л.С. Соболевой, подвиг казаков и их предводителя Киприан (которого исследователь принимает за создателя С) видел, прежде всего, в жертвенном пролитии крови; едва ли не самого знаменитого атамана Бог, оказывается, «вооружи... волностью», т. е. желанием пролить кровь во имя очищения «Сибирской земли» от язычников, что превращало гибель ермаковцев «в акт самопожертвования», и недаром в «помяннике» умалчивается об обстоятельствах смерти Ермака, ибо она не соответствовала «мученическому канону» [11, с. 303, 305]. Точнее, в С сказано о том, как христианские «вои», включая их «вождя», пролили кровь «от нечестивых» при их внезапном нападении на «русский полк» у Вагайского устья, хотя и без тех подробностей, которые сообщили своим читателям сибирские летописцы. По словам неизвестного «списателя» С, бесстрашный атаман и его «товарство» – «единомысленная и предобрая дружина» – «храбръствовавши» в боях с «погаными», «восприяше щит истинныя веры и утвердишася мужествоно» [1, с. 70, 71, 380, 381]. Эти оценки вскоре были повторены Саввой Есиповым.

1 сентября 1636 г., по признанию ее автора, завершилось создание Основной редакции Есиповской летописи (далее ЕЛ – Я.С.), главным героем которой является предводитель немногочисленного казачьего отряда, овладевшего целым «бусурманским юртом» [18, с. 283]. (Полагая, что первое, причем с элементами художественного повествования, сочинение о Ермаке – это ремезовская «История» [19, с. 257], А.П. Ярков забывает о ЕЛ). Савва Есипов – дьяк трех к ряду тобольских архиепископов – стремился показать, как Сибирь просвещалась христианским учением, и окружить ореолом мученичества ее покорителей [20, с. 532; 21, с. 396]. В представлении Е.К. Ромодановской, «на протяжении всего повествования Есипов ни разу не дает авторской характеристики Ермака» [22, с. 173]. Но в «гистории» софийского приказного, служившего в Сибири, по меньшей мере, полтора десятилетия, подчеркнута, что Бог «вооружи славою и ратоборством» Ермака и его казаков, они «смерть [в] живот преложиша и восприимъше щит истинныя веры, и утверди[вше]ся мужественно, и показавше храбрость пред нечестивыми». Очутившись в одиночестве во время неожиданного нападения «поганных» в устье Вагая, «наставник» «русского полка» бежал в свой струг, но не сумел добраться до него и утонул [1, с. 42, 50, 52, 60, 63]. (Хотя «в русских летописях смерть Ермака описывается... достаточно не героически», вопреки представлению Е.А. Рябиной, едва ли стоит думать, будто власти не стремились превратить атамана в святого [23, с. 59], точнее, почитать казачьего предводителя как христианского «просветителя» «Сибирской страны»).

Недавно Е.К. Ромодановская повторила свой вывод, что в ЕЛ «Ермак и казаки всегда действуют как единое целое» [22, с. 172; 24, с. 96-97; ср. 3, с. 77]. Но сцена гибели атамана не составляет исключения. По свидетельству «архиепископия» дьяка, Ермак «прият» захваченного в плен Маметкула и «поведает же ему царское великое жалованье

и ублажает его ласкосердыми словесы» [1, с. 59]. (На взгляд Е. К. Ромодановской, в «Повести о Сибири и о сибирском взятии» Кучум «всегда изображается отдельно от приближенных» [22, с. 174]. Исследовательница забывает о том, что хан «изыде со многими людьми», к которым потом обратился с речью, на Чувашеву гору, а о пленении Маметкула «[плакася] царь и весь дом его» [1, с. 53-55, 59, ср. 59-60, 68]).

С точки зрения Л.С. Соболевой, «слогатель» ЕЛ последовательно исключает всякое упоминание о пролитии крови ермаковцами, которое мог найти в С [11, с. 303, 305]. В действительности владычный дьяк, писавший о мужестве и храбрости русских воинов, замечал, что они «неоскудно бо излия[ние] крови своя... восприяша,... учащаеми ранами от стрелных верж[ен]ий [от] окаянных агарян, и даша плещи своя на раны», а Иван IV пожаловал атаманов и казаков за службу и «за пролитие их крови» [1, с. 42, 50, 52, 58].

В ЕЛ, которая оценивается как «важнейший памятник сибирской исторической мысли XVII века» [25, с. 11], на взгляд Е.К. Ромодановской и Л.С. Соболевой, Ермак и его отряд выдаются за орудие Господа в борьбе с неверными, «меч обоюдоострый», выполняющий божественную миссию [11, с. 313; 26, с. 3, 6; 27, с. 361, и др.]. Вернее, как писал Есипов, атаман «з дружиною», очутившись «за Камнем», никого не боялся, «страх бо божий... яко меч обоюду остр идыи пред лицом рускаго полка, пожиная и поядая и страха» [1, с. 60].

Считается, что, по ЕЛ, освоение Сибири – «дело правительственной, государственной инициативы, осуществлявшей божественное предопределение» [28, с. 16]. Следует согласиться с другим заключением: как думалось Есипову, «казаки пришли в Сибирь сами по себе и не имели никакого отношения... к официальной государственной власти». Уже в преамбуле ЕЛ сказано, что ханство Кучума взято «изволением Божиим... от рускаго полка, собраннаго и водимаго атаманом Ермаком Тимофеевым». Вслед за С владычный дьяк утверждает, что «избра Бог не от славных муж, царска повеления воевод». «Сибирское взятие», о котором Грозный узнал по «отписке» Ермака, явилось для царя полной неожиданностью; лишь потом за «Камень» были отправлены государевы воеводы [1, с. 42, 50, 58, 60, 64 – 66, 70, 380; 26, с. 3, и др.].

Официальный летописец, по мнению В.И. Сергеева, выполнявший «заказ церкви», интересам которой отвечала есиповская «концепция» «Сибирского взятия», старался возвысить Ермака как патрона Тобольской епархии [29, с. 118; 30, с. 52, 60]. Последний взгляд, как мы видели, должен считаться натяжкой. В ЕЛ, где подчеркнута «мессианско-освободительная функция» казаков во главе с Ермаком, их зауральский поход «получает семантику воинского подвижничества» [11, с. 313, 314]. «Злочестивые татары» убедились, что русских одолеть невозможно, поскольку они находились под божественным покровительством; именно Господь даровал казакам победу «на окаянных и идолопоклонник и агарян» [1, с. 56, 62]. Вместе с тем, Есипов не скрывает, что перед битвой на Чувашевом мысу, в которой каждому ермаковцу противостояли десять или даже двадцать «поганых», атаманы и их соратники «убояшася, пристрастни быша»; некоторые хотели бежать, другие же, уповая на Бога, решили сражаться с «кучумлянами» [1, с. 53, 56, 62, ср. 33, 39, 131].

Отметим, что согласно С, заключающему ЕЛ, Ермак поверил «нечестивому» «шертованию» Карачи и отпустил к нему отряд Ивана Кольца, посовещавшись с «товарищи» [1, с.71, ср. 40, 90, 117, 128, 188, 189, 310, 363], тогда как ранее говорилось, что атаман «посоветова» с «дружиною», помогать бывшему «думному» хана или нет [1, с. 61, ср. 34, 86, 95, 113, 124, 134, 184, 248].

Среди «этапных», несущих «черты своеобразности в трактовке» Ермака, Л.С. Соболева называет Румянцевский и Новый (редакции 1629/30 г.) летописцы (далее РЛ и НЛ соответственно – Я.С.). Однако эти памятники явно вторичны относительно «Краткого описания о Сибирстей земли и о походе атамана Ермака» (далее КО – Я.С.) и ЕЛ. Л. С. Соболева также заблуждается, утверждая, что при описании гибели казачьего «полководца» на перекопи в РЛ появляются детали, рисующие «воинскую доблесть и бесстрашие атамана» [ср. 1, с. 34, 40, 63]. (Кстати, эта перекопь в XVII в. называлась Ермаковой [31, с. 5, 11, 75]. На Урале же известны Ермаковы городища и Ермаков камень).

В Забелинской редакции произведения Есипова («Сказании о Сибирстей земли...»), которую Е.К. Ромодановская рассматривает как «беллетристическую обработку» ЕЛ, сказано о плаче уцелевших сподвижников Ермака «яко по отце», а в уста царя Ивана вложено заявление, что победа над Кучумом одержана «радением атаманов и казаков», и мольба к Богу о помощи «старейшине» «рускаго полка» [1, с. 112, 114, ср. 116].

Считается, что в народной молве Ермак превратился в сибирского князя [32, с. 141, ср. 134]. Так, если верить КО и зависящему от его протографа НЛ, предводителя казаков, сокрушивших «Кучумово царство», распорядился «написать» в грамотах Иван Грозный. Это свидетельство вслед за Р.Г. Скрынниковым и Н.И. Никитиным нужно признать легендарным.

В Погодинском летописце (далее ПЛ – Я.С.) – самой любопытной из вторичных редакций ЕЛ – читаем, что Ермака «посла Бог очистити место идолское и победити царя Кучюма и безерменство его». В Сибирь, где «было безбожие», атаман, слывший Токмаком среди своего «товарства», пришел с Яика, но с волжскими казаками, и «православное воинство», одолевшее «злочестивого» хана, удостоилось похвалы московского государя [1, с. 130, 131, 133, ср. 44, 45, 48-51, 65, 120, 129, 137]. (Документально известно, что волжские атаманы и казаки в канун похода Ермака действовали на Яике [33, с. 30-31, ср. 38]).

В Распространенной редакции сочинения Есипова, открывающей Головинскую разновидность Сибирского летописного свода (далее СЛС – Я.С.), дважды указано, что Ивану IV «покори Бог царство Сибирское службою атамана Ермака Тимофеева» и его «дружины». Там же, как и в НЛ, читаем, что «старейшина» казаков, сокрушивших «Кучумов юрт», вначале предводительствовал разбойниками, и от царских воевод с Чусовой бежал за Урал. В Нарышкинской редакции СЛС сказано, что «христианороссийские люди» – Ермак «с товарищи» – изгнали хана из Сибирской земли и овладели его царством [1, с. 178, 181, 231-232, 238, 239, 301, 305, 356, 361].

В главе «О размышлении казаков» лихачевской редакции ЕЛ – «Слова о сибирской стране» – приведена речь Ермака. Последний якобы призвал своих соратников возложить упование на Бога и Пресвятую Богородицу, заявив: «Не от многих бо вои победа и одоление бывает, может бо Бог zde имя свое прославить и беспомощным нам помощи подати», мы сами слышали, сколько зла безбожные агаряне творят в Сибири и Пермской земле, и если Господь поможет, «то уж и по смерти нашей память наша не оскудеет во веки» (ранее сказано, что «не от многих бо вои победа на враги и одоление бывает, но Божию помощию»), а в С из концовки этого «летописца» – «не от многих вои победа и одоление бывает, но свыше, от Господа Бога. Может Бог и беспомощным помощи подати» [1, с. 120, 121, 128, ср. 51, 71]. (В СЛ эта речь атамана передана более подробно [12, с. 22-23, 69]). В той же редакции ЕЛ сравнительно с остальными сказано, что оспаривавший власть у Кучума Сейдяк «боязнь велию имеяху от» Ермака [1, с. 125, ср. 59, 64].

В хронографической повести «О победе на бесерменского сибирского царя Кучума Муртозелеева и о взятии Сибирского царства», сложившейся, по-видимому, во второй половине XVII в., хотя (подобно ПЛ и «Истории» С.У. Ремезова) не скрывается то обстоятельство, что Ермак грабил государеву казну на Волге, он представлен как «храбросердый» и «ратоборец непобедим», «искусный» ратному делу и «сияющий» «храбростию... паче сверстник своих» [34, с. 399-401].

Е.В. Пчелов констатирует, что если в историографии начало присоединения «Закаменской страны» к России традиционно связывается с походом Ермака, то в титуле московских государей наименование «Сибирская земля» впервые встречается еще в июне 1555 г. – через несколько месяцев после того как правитель Сибири Едигер обратился к Ивану IV с просьбой «взять» эту «землю» «под его руку», а определение «царь Сибирский» появилось в государевом титуле лишь в 1599 г., т. е. в предыдущем году тарские воеводы окончательно разгромили отряды Кучума. Хотя в глазах исследователя «титул весьма оперативно и очень гибко «реагировал» на присоединение новых земель», к примеру, Сибири, «совершенно очевидно, что именно события 1555 и 1598 гг. (а вовсе не поход Ермака) и были в восприятии их современников важнейшими этапами установления власти московского царя над Сибирью» [35, с. 124, 125, ср. 133, 134]. Это заключение кажется, по меньшей мере, неточным. В обширной дипломатической документации конца XVI – начала XVII вв. именно экспедиция казаков (зачастую изображаемых государевыми), впрочем, без упоминания Ермака, признается решающей вехой в процессе включения сибирских «землиц» в состав России [36, с. 48-53; 37, с. 28, и др.], иногда же этой экспедиции приписываются только карательные функции – русские нанесли поражение сибирскому «салтану», «поотступившему» от московского царя [38, с. 922, 939, 1042; 39, с. 27, 98, 279, 341, и др.]. В Соловецком летописце конца XVI в., Пискаревском и Сольвычегодском летописцах первой четверти следующего столетия, протографе КО, ЕЛ крушение Сибирского ханства считается результатом похода Ермака и его «дружины», зато умалчивается о превращении Едигера в вассала Ивана Грозного. Из перечисленных произведений о Едигере говорится лишь в «гистории» Есипова [1, с. 48, 55], где повествуется и про ставшее окончательным поражение, нанесенное «беззаконному» сибирскому властителю, хотя не воеводами Тары (точнее, письменным головой этого города А. М. Воейковым), а не названными поименно, в отличие от основателей Обского городка, Тюмени и Тобольска, «начальными людьми» будущей сибирской столицы. (Об экспедиции Воейкова против «кучумлян» мы узнаем лишь из НЛ и зависимого от него СЛС). К тому, как подчеркивается самим Е. В. Пчеловым, раз «Сибирская земля» находилась «под рукой» московского государя, ее подчиненность носила «более условный характер», чем «вотчин» русских правителей [35, с. 128].

По заключению Н.И. Никитина, популярность Ермака – следствие не только его отваги, но и сохранения татарской опасности, главным образом, со стороны Крыма; живучи были и воспоминания о монгольском иге [40, с. 87]. Но о Ермаке никогда не забывали в Сибири (в том числе в XVIII-XIX столетиях), которой крымцы, разумеется, не угрожали. Ханство же Кучума являлось не татарским, а полиэтничным, многие татары с конца XVI в. находились на службе у московских самодержцев в Тобольске, Тюмени, Таре. Ермак, открывший России «дорогу на простор», выступал символом утверждения христианства в ее новых владениях и воплощением беспримерного народного подвига.

Примечания

1. Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). – М., 1987. – Т. 36.
2. Бахрушин С.В. Научные труды. – М., 1955. – Т. 3. – Ч. 2.
3. Александров В.А., Покровский Н. Н. Власть и общество: Сибирь в XVII в. – Новосибирск, 1991.
4. Никитин Н.И. Тобольская «литва» в XVII в. // Город и горожане в XVII – первой половине XIX в. – М., 1991.
5. Никитин Н.И. Соратники Ермака после «Сибирского взятия» // Проблемы истории России. – Вып. 4. – Екатеринбург, 2001.
6. Покровский Н.Н. Сибирское общество XVII – начала XVIII в. по челобитным // Общественное сознание населения России по отечественным нарративным источникам XVI – XX вв. – Новосибирск, 2006.
7. Панченко О.В. Книгохранитель и уставщик черный дьякон Иеремия (Из истории соловецкой книжности XVII в.) // Книжные центры Древней Руси: Книжники и рукописи Соловецкого монастыря/ Отв. ред. С. А. Семячко. – СПб., 2004.
8. Окладников А.П. Туземные легенды о Ермаке (Опыт историко-этнографической интерпретации) // Сибирские огни. – 1981. – № 12.
9. Миненко Н.А. Предания о чуди и народная концепция присоединения Сибири (К изучению этнокультурных контактов русских с сибирскими татарами) // Этнические культуры Сибири: Проблемы эволюции и контактов. – Новосибирск, 1986.
10. Файзрахманов Г.Л. Русские источники истории средневековых татарских государств Западной Сибири // Сулеймановские чтения (десятые): Всерос. научно-практ. конф.: Мат-лы и докл. – Тюмень, 2007.
11. Соболева Л.С. «Государев атаман» Ермак Тимофеевич: векторы идеализации // Общественная мысль и традиции русской духовной культуры в исторических и литературных памятниках XVI – XX вв. – Новосибирск, 2005.
12. Сибирские летописи. – СПб., 1907.
13. Бахрушин С.В. Научные труды. – М., 1955. – Т. 3. – Ч. 1.
14. Скрынников Р.Г. Ранние сибирские летописи // История СССР. – 1979. – № 4.
15. Осминина Р. Родом неизвестный, душой знаменитый // Наука и жизнь. – 1982. – № 6.
16. Дергачева-Скоп Е.И. Заметки о жанре «Истории Сибирской» С.У. Ремезова. Статья 1 // Вопросы русской и советской литературы Сибири. – Новосибирск, 1971.
17. Памятники литературы Древней Руси: XVII век. – М., 1989. – Кн. 2.
18. Муравьев А.В., Сахаров А.М. Очерки истории русской культуры IX – XVII вв.: Кн. для учителя. 2-е изд., дораб. – М., 1984.
19. Ярков А.П. Кучум хан в истории и современности (историографические наблюдения) // «Сулеймановские чтения»: Мат-лы XI Всерос. научно-практ. конф. «Проблемы сохранения этнического самосознания, языка и культуры сибирских татар в XXI веке». – Тобольск, 2008.
20. Адрианов С. К вопросу о покорении Сибири // Журнал Министерства народного просвещения. – 1893. – № 4.
21. Лихачев Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. – М. – Л., 1947.

22. Ромодановская Е. Есиповская летопись. К 370-летию первой летописи Сибири // СО. – 2006. – № 8.
23. Рябинина Е.А. Образы Кучума и Ермака в представлениях тюркоязычного населения Западной Сибири // Емельяновские чтения: Мат-лы I межрегион. научно-практ. конф. – Курган, 2006.
24. Ромодановская Е.К. Русская литература в Сибири первой половины XVII в. (Истоки русской сибирской литературы). – Новосибирск, 1973.
25. Покровский Н.Н., Ромодановская Е.К. /Предисловие // Тобольский архиерейский дом в XVII веке: Изд. подг. Н.Н. Покровский, Е.К. Ромодановская. – Новосибирск, 1994.
26. Покровский Н.Н., Ромодановская Е.К./Предисловие//ПСРЛ. – Т. 36.
27. Литературные памятники Тобольского архиерейского дома XVII века: Изд. подг. Е.К. Ромодановская и О.Д. Журавель. – Новосибирск, 2001.
28. Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. – Новосибирск, 1982.
29. Сергеев В.И. К вопросу о походе в Сибирь дружины Ермака // Вопросы истории (далее – ВИ). – 1959. – № 1.
30. Сергеев В. И. У истоков сибирского летописания // ВИ. – 1970. – № 12.
31. Вотчины Тобольского Софийского Дома в XVII в. – Тюмень, 2001.
32. Дергачева-Скоп Е.И., Алексеев В.Н. «Житие Ермаково, как Сибирь взал...» (Одна из трансформаций жанра воинских житий в XVII в.) // Общественная мысль...
33. Сергеев В.И. Источники и пути исследования сибирского похода волжских казаков // Актуальные проблемы истории СССР. – М., 1976.
34. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции / Собр. и изд. А. Попов. – М., 1869.
35. Пчелов Е.В. Объектный титул русских государей: особенности структуры и принципы формирования // Вспомогательные исторические дисциплины – источниковедение – методология истории в системе гуманитарного знания: Мат-лы XX Международ. науч. конф. – М., 2008. – Ч. 1.
36. Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII века. – М., 1972.
37. Солодкин Я.Г. О формировании ранней официальной версии «взятия» и начала освоения Сибири // Западная Сибирь в академических и музейных исследованиях: Тез. окруж. научно-практ. конф., посвященной 40-летию Сургут. краевед. музея. – Сургут, 2003.
38. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. – СПб., 1851. – Т. 1.
39. Белокуров С.А. Сношения России с Кавказом. – Вып. 1. – М., 1889.
40. Никитин Н.И. «За други своя» // Военно-исторический журнал. – 1993. – № 6.

В.Д. Пузанов

СЛУЖИЛЫЕ ЛЮДИ ТУРИНСКОГО ОСТРОГА

Туринский острог был построен в 1600 г. по указу царя Бориса Годунова. Назначение Туринского острога заключалось в организации связи между Верхотурьем и Тюменью. К Туринскому острогу были приписаны из Тюменского уезда группы татар и угров, жившие по рекам Туре и Нице. Всего в Туринском уезде имелось 16 малых волостей. Таким образом, ясачное население уезда было довольно небольшим.

Существуют разночтения по поводу того, кто участвовал в строительстве острога и кого считать его основателем. По данным Книги Записной, Туринский острог был построен «всяких чинов людьми» и тюркским населением. Летопись считает, что его основателем и первым воеводой был голова Иван Лихарев [1]. Но, по материалам актов, основателем Туринского острога считается голова Федор Янов из Тюмени, а Иван Лихарев стал позднее воеводой острога [2].

В результате событий 1628-1631 гг. количество плательщиков ясака Туринского уезда сократилось на четверть: с 121 человека (1629 г.) до 114 (1630 г.) и 88 (1631 г.). Позднее начался рост ясачного населения, составлявшего 119 человек (1634 г.) и 111 (1636 г.) Наибольшего количества ясачное население достигло в 1640 гг., составив 140 человек (1642 г.) и 144 человек (1645 г.), после чего оно начинает медленно снижаться до 139 человек (1651 г.), 131 (1660 г.), 135 (1662 г.) В результате участия ясачного населения уезда в башкирском восстании 1662 – 1667 гг. оно понесло большие потери. В 1671 г. в уезде имелось всего 109 плательщиков ясака, в 1679 г. 119 человек. К 1691 г. число плательщиков ясака уменьшилось до 74 человек, в 1702 г. насчитывало 81 и в 1706 г. 84 человека. Таким образом, ясачное население Туринского уезда за XVII век уменьшилось на треть [3].

Б.О. Долгих полагал, что крупные потери ясачное население Туринского уезда понесло только после участия в движении 1662 г. Однако данные, собранные ученым, говорят о значительных потерях ясачных людей в трех периодах: 1630-х гг., 1660-х гг. и 1680-х гг. Б. О. Долгих отмечает в качестве причин больших потерь ясачного населения движение 1662-1663 гг. и набеги ойратов в 1660 гг. и 1680 гг. [4].

По данным списка 1692 г., острог имел длину 685 метров. На вооружении в городе имелась 1 полковая пищаль, 4 затинных пищали и 9 мушкетов [5].

Туринский острог первоначально не имел своего гарнизона. Первые годы после основания гарнизон Туринска состоял только из годовальщиков из Тюмени. В капитальном труде «История Сибири» отмечается, что в 1600 г. «на постоянное жительство в Туринск с тюменским головою Ф. Яновым прибыли 50 служилых людей» [6]. Однако акты, опубликованные в приложениях к труду Миллера, показывают, что складывание гарнизона города было процессом более сложным. Это положение было в свое время отмечено Н. И. Никитиным [7].

В 1600 г., после строительства Туринска, часть служилых людей Тюмени и Пельма, возводивших острог, была отправлена по своим гарнизонам, и к 1601 г. в городе с Федором Яновым осталось 10 человек тюменских конных казаков, видимо, на «годовой службе» [8]. Позднее и они были отозваны из Туринска. 16 апреля 1605 г. Туринский

голова Иван Лихарев, сообщая в Тобольск о возможном нападении Алея, отмечал, что «в Туринском остроге служилых людей нет, а одни пашенные крестьяне и ямщики» [9].

В начале XVII в. в остроге фактически жили постоянно одни ямщики. Эти тяглые люди, в количестве пятидесяти человек, исполняли здесь обязанности служилых людей, провозжали государевы запасы с Верхотурья до Тюмени, караулили по острогу и т. п.

Во время их частых отъездов острог оставался без защиты, так как крестьяне Туринского уезда жили от острога в отдалении. В результате, Туринский острог стоял без необходимой защиты в случае нападения кочевников или восстания местного населения. Об этом положении часто писали воеводы и головы Туринского острога в Москву и в Тобольск, прося прислать постоянный контингент служилых людей. Представители администрации отмечали, что крестьяне и ямщики не годятся для сторожевой службы и, следовательно, не могут полноценно защищать острог и уезд.

Однако несмотря на эти просьбы, правительство долгое время оставляло без внимания подобные жалобы и предпочитало направлять в Туринский острог небольшие группы служилых людей из ближайших городов Сибири, Тюмени и Тобольска, на временную службу в качестве годовальщиков. Эти посылки первоначально не были регулярными, а производились обычно в случае вестей о возможности нападения на территорию Туринского уезда Кучумовичей, ногаев и ойратов. Понятно, что подобная зависимость Туринского острога от соседних городов была крайне неудобна. В случае вестей о набегах, воеводы Тобольска и Тюмени далеко не сразу отправляли годовальщиков в Туринский острог. Так, в 1603 г. туринский голова Иван Лихарев просил выслать из Тюмени десять служилых людей, по случаю ожидавшегося набега кочевников. В ответ на это тюменский голова Алексей Безобразов сообщил Ивану Лихареву, что «в Туринский острог из Тюмени послать некого» и предложил просить служилых людей в Тобольске [10].

25 мая 1607 г., по вестям о нападении царевича Алея на ясачные волости Туринского уезда, воевода Верхотурья Степан Годунов направил воеводе Туринска, Ивану Годунову, десять стрельцов и казаков «по государеву указу». В данном случае эта посылка служилых людей с Верхотурья была обусловлена принадлежностью двух воевод к одной семье, оказавшейся в результате событий 1605 г. в Сибири. Однако и теперь, несмотря на эти родственные связи, воевода Верхотурья требовал от воеводы Туринского острога, после того как угроза нападения пройдет, сразу же отпустить стрельцов обратно на Верхотурье, «потому что на Верхотурье служилых людей мало».

В мае 1608 г. Иван Годунов сообщил на Верхотурье Степану Годунову о том, что братья Алея, Азим и Ишим стоят под Уралом с отрядами ойратов и ногаев, и просил прислать служилых людей в Туринский острог для защиты от набега кочевников [11].

Однако характерно, что в то же время воеводы русских городов видели в тяглом населении Туринского острога источник военного резерва. В 1607 и в 1611 гг. во время организации больших походов на ойратов, в которых участвовали все южные города Сибири, из Туринского острога в эти походы призывались «охочие люди» из русского и из ясачного населения, которые должны были конные и с оружием идти в Тюмень [12].

В целом, территория Туринского уезда часто подвергалась нападениям, а особенно велика была опасность в период Смуты. Источники отмечают, что крупные набеги Кучумовичей на Туринский уезд ожидалось в 1603, 1605, 1606, 1607 и 1614 гг. В 20-40-х гг. XVII в. на территорию уезда совершали набеги Кучумовичи и ойраты [13].

По данным Н. И. Никитина, только в 1614 г. в Туринский острог перевели 50 стрельцов [14]. Но такое количество служилых людей было мало для служб Туринского острога.

В результате, и после 1614 г. в Туринский уезд направлялись партии годовальщиков из Тюмени. Так, список 1638 г. отмечал, что из Тюмени 20 конных казаков посылалось в Туринский острог, где они использовались для посылки в проезжие станицы [15].

Надо отметить, что, кроме малочисленности служилых людей, еще одной большой проблемой гарнизона Туринского острога было отсутствие служилых людей конной службы. Об этом часто писали воеводы Туринского острога. Так, в сентябре 1641 г. в Тобольске были получены от бежавшего из плена ясачного человека сведения о том, что ойраты готовят крупный набег на Туринский острог силами около тысячи человек. Тобольский воевода князь Петр Пронский приказал воеводе Туринского острога усилить караулы и станицы в уезде. Туринский воевода передал эти указания служилым людям города в съезжей избе, служилые люди сообщили воеводе, что в проезжие станицы им ездить не на чем, лошадей у них нет, «служим государю пешую службу, а не конную». В городе имелось только два сына боярских, которые также не имели лошадей. Воевода просил князя Петра Пронского по государственной грамоте выслать в Туринск из Тобольска конных служилых людей [16].

В 1649 г. воевода Туринского острога сообщал, что не может выполнить требования Москвы, посылать на юг проезжие станицы, так как в остроге всего пятьдесят два служилых человека, которые служат пешую службу.

Важные данные по ранней истории Туринского острога имеются в челобитной приказчика пашенных крестьян Алексея Фролова 1644 г. Алексей Фролов был одним из строителей и первых колонистов Туринского острога с его основания головой Федором Яновым в 1600 г., «острог ставил и пашню государеву пахал наимучи великую нужею 3 года» [17]. Туринский острог в это время не имел своего гарнизона, и Алексей Фролов был зачислен в разряд пашенных людей. Однако и в это время он обрабатывал пашню не самостоятельно, а с помощью наемников, так как считал, что эта работа не для него.

Первые воеводы Туринского острога, Федор Янов и Федор Фофанов, фактически использовали Алексея Фролова в качестве представителя власти, посылая его в Пермь, города Поморья призывать в Туринский острог пашенных крестьян и ямских охотников. Новый воевода голова Иван Лихарев разрешил Алексею Фролову за его службу бить челом государю. Борис Годунов по челобитной разрешил Алексею Фролову служить в пушкарях Туринского острога, поставив в свое место на пашню другого человека.

По данным челобитной, Алексей Фролов происходил из семьи служилых людей по прибору. Он с гордостью писал, что ему «государева пашня не за обычай, дед мой, и отец были не пашенные, служили государеву стрелецкую службу» [18]. Из Переяславля Залеского дед и отец Алексея Фролова были взяты в поход Ивана IV на Казань в 1552 г., а после взятия Казани были переведены в гарнизон этого города в качестве стрельцов. Алексей Фролов начал государеву службу в пригороде Казани Лаишевском городе, участвовал в составе русской конницы в русско-шведской войне 1589-1595 гг. «служил конным службу в немецких походах» в боях под Ругодивом и под Выборгом. В Казанском крае «в черемисе» Алексей Фролов ставил Царев город и Уржум, а затем служил под Серпуховым в полку воеводы Силы Пушечникова. Из Казани в 1594 г. Алексей Фролов с головой Мамлеем был отправлен в Сибирь, ставил Тарский город, а затем служил береговую службу на Туле с головой Иваном Мансуровым и Андреем Олябьевым.

Алексей Фролов отмечал, что в первое десятилетие XVII в. в Туринском остроге «служилых людей не было». На службе находилось только 3 пушкаря, которые должны были выполнять самую различную работу. Так, Алексей Фролов сообщал, что он ходил в

дозоре за государевой пашней в период сева и молотбы, «по вся годы» собирал ясак и держал караулы, возил государевы хлебные запасы по р. Туре до Тюмени, Тобольска и Пельма. Воеводы отправляли пушкарей и для сопровождения ясачной казны в Москву.

Эти поездки происходили в Смутное время. Алексей Фролов сообщал, что в 1608 г. во время его приезда в Москву около столицы «стояли литовские люди». В результате, ему пришлось ехать в Новгород и отдать казну боярину М.В. Скопину-Шуйскому, а затем Алексей Фролов участвовал в походе М.В. Скопина-Шуйского от Новгорода к Москве в составе передового полка. Под Торжком в сражении с Литвой Алексей Фролов убил знаменщика и взял знамя. В сражении под Тверью Алексей Фролов был ранен, под Александровой слободой взял в плен литвина. За эту службу Алексей Фролов получил государеве жалование по слугу 4 руб. и прибавку в оклад 1 руб. Из Москвы Алексей Фролов был отпущен в Сибирь. Алексей Фролов отмечал, что он 16 лет служил в пушкарях, а затем, когда в Туринский острог были присланы служилые люди с Пельма, служил с ними 7 лет «всякую твою государеву службу».

По данным Алексея Фролова, первым приказчиком пашенных крестьян в Туринском остроге был березовский казак Василия Юрьев. В 1622 г. в острог к воеводе Семену Апухтину была прислана государева грамота, по которой следовало отставить от приказа Василия Юрьева, а на его место назначить одного из служилых людей «кто годен» [19].

Семен Апухтин назначил приказчиком Алексея Фролова, в этой должности последний служил 20 лет. В 1642 г. стрелецкий десятник Иван Калуга «бил челом» государю на место приказчика, заявив, что Алексей Фролов поставил в приказчики человека из пашенных крестьян. Алексей Фролов отмечал, что его дети служат в служилых людях Туринского острога. Новый воевода, князь Петр Барятинский, велел Фролову «бить челом на государеве имя» и велел служить его детям до особого государева указа. Алексей Фролов просил разрешить его детям продолжить службу, чтобы не умереть с голоду.

В 1644 г. боярин князь Н.И. Одоевский приказал послать в Туринский острог государеву грамоту, по которой детям Алексея Фролова разрешалось служить в служилых людях, а ему самому за его прежние службы жить у детей, а не быть причисленным к посаду. Алексей Фролов отмечал, что воевода Данила Милославский после приезда в Туринский острог велел ему переписать всяких людей, крестьян, посадских людей, ямских охотников и их родственников, перемерить землю, и после этой работы, по данным челобитной, была достигнута государева прибыль [20].

Количество служилых людей Туринского острога в 1620-1680 гг. мало изменялось, однако, можно выделить тенденцию постепенного роста гарнизона от 57 (1625 г.) до 62 (1685 г.).

Разрядные книги 1625-1631 г. и список 1633 г. отмечает в Туринском остроге 3-х детей боярских [21]. К 1635 г. количество детей боярских уменьшилось до 2-х человек, в 1638 г. до 1 человека, в 1640-1650 гг. было указано 2 человека. Список 1660 г. отмечает, что в числе 2-х детей боярских один был верстан по государевой грамоте за даурскую службу, а один в 1660 г. умер. К 1670 г. число детей боярских выросло до 3-х человек, а позднее даже до 4-х, к 1678 г. один сын боярский, по государевой грамоте, был исключен из этой корпорации [22]. В 1692 г. в городе служили трое детей боярских, а в 1698 г. четверо [23].

В 1620-1650 г. в Туринском остроге имелся 51 стрелец [24]. В 1660 г. было 52 стрельца, затем их число уменьшается до 46 человек (1670 г.), после чего постепенно возрастает до 49 человек в 1678 г., 52 человек в 1685 г. [25].

Источники отмечают случаи перехода стрельцов Туринского острога в другие группы. В 1640 г. стрелец Еремей Кондратьев из гарнизона Туринска основал слободу в уезде и стал ее первым приказчиком. В результате чего, по государеву указу, выбыл из состава стрельцов [26].

Количество пушкарей в Туринском остроге увеличивалось, составив 3 человека в 1625-1627 гг., 4 в 1629-1631 гг., 5 в 1633-1685 гг. [27]. Кроме того, в 1630-1680 гг. списки отмечают 6-10 человек разных служб: 1 воротник, 1 кузнец, 1 толмач татарский [28].

К 1703 г. в Туринске служил всего 71 человек, из них 4 детей боярских, 1 прапорщик, 61 пеших казака, 5 пушкарей [29].

К 1698 г. в Туринском остроге имелся 71 жалованный человек: ружники, служилые люди и оборотчики. В списке 1706 г. отмечаются также все жалованные люди и ямские охотники. Всего их было в уезде 300 человек, с окладом 1 301 рубль, 91 чет ржи, 71 чет овса и 103 пуда соли.

В Туринском остроге довольно быстро появились посадские люди, в 1623 г. их число достигло 23 человек. К 1700 г. их количество увеличилось до 85 человек. К 1706 г. в городе имелось 117 человек посадских людей [30].

А.А. Преображенский справедливо отмечал, что в Туринском уезде имелось значительное крестьянское население. Так, в 1624 г. здесь насчитывалось 152 крестьянских двора, в 1697 г. – 333, а в 1710 г. таковых насчитывалось 742 [31].

В 1641 г. воевода Туринского острога писал, что в городе имеется всего два сына боярских, 50 стрельцов и пушкарей. В это время большая часть служилых людей Туринского острога отправлялась в посылки. Из них 5-10 человек обычно отправлялись в Чубарову слободу, 4 служилых человека – на заставы для поимки беглых из Сибири, 4 человека отвозили ясачную казну к Москве, а 20-30 человек – в экспедиции на озеро Ямыш. Как отмечал воевода, эти экспедиции совершались не во все годы, а только когда «из Тобольска ходят» [32]. В результате этих посылок, по мнению воеводы, служилых людей в Туринском остроге оставалось мало. Весной все служилые люди, имевшиеся в наличии в остроге, должны были сопровождать корабли с хлебом до Тобольска, «оставя всякие службы». В это время караулы в Туринском остроге несли тяглые люди, посадские люди, крестьяне и ямщики. Воевода отмечал, что в соседних уездах, Тюменском и Верхотурском, служилых людей намного больше.

В 1649 г., по данным воеводы, в Тобольск за хлебными запасами из острога каждый год отправлялось по тридцать человек в Тобольск, в карауле за ссыльными людьми по 10 и более, другие служилые люди служили на заставах. В результате, во время этих посылок в остроге обычно оставалось по 5-6 человек и не более 10, которые постоянно несли караульную службу [33]. Воевода отмечал необходимость в остроге конных казаков, так как Туринский острог находился близко от поля, где кочевали ойраты. Туринский воевода просил прислать в город «прибавочных людей» из Тобольска. Однако воевода Тобольска, Василий Шереметьев, отказал ему и предложил написать царю просьбу о пополнении гарнизона. Воевода прямо отмечал, что без дополнительных служилых людей он не сможет защитить от набегов ойратов русские слободы. По данным воеводы, ранее в Туринск присылали служилых людей из Тюмени. Служилые люди Туринска провозжали в Тобольск хлеб с Верхотурья. В 1649 г. эту службу несли двадцать человек.

Постоянными являлись посылки к Москве с ясачной казной. В первой половине XVII в. обычно в столицу ездили 4-5 служилых, во второй половине XVII в. от одного до 5 человек [34].

Посылки служилых людей в города Сибири, обычно 8-10 человек, в Тобольск, Тюмень и на Верхотурье были обычным делом для сопровождения государевой казны и ссыльных людей, иногда послов (списки 1638, 1647, 1649, 1660, 1672, 1678, 1685, 1691). [35]. В 1638 г. 15 служилых людей были отправлены на Верхотурье, чтобы отвезти хлеб в Тобольск. В 1649 г. отмечена также посылка 10 служилых людей в Тобольск, для сопровождения хлебных запасов. В этом году в Тюмень и на Верхотурье было послано 20 человек. В списках 1698 г. и 1700 г. отмечается, что в города Сибири посылались 64 служилых человека [36].

Часть гарнизона постоянно посылалась в экспедицию на озеро Ямыш, обычно от 10 (1678 г.) до 25 (1685 г.) стрельцов и пушкарей. К началу XVIII в. на озеро Ямыш отправляли 25 служилых людей [37].

Часть списков не дает четкого различия посылок. В списке 1660 г. отмечено, что 25 служилых людей отправлялись в Тюмень в провожатых с государевой казною, ссыльными людьми, к озеру Ямыш. В списке 1672 г. сообщается, что 33 человека отправились на Тюмень, на Верхотурье в провожатых с государевой казною, за ссыльными людьми и к озеру Ямыш.

Служилые люди постоянно посылались на караулы в уезд. Список 1633 г. сообщает цель этих посылок: «служилых людей 2 человека, потому что б торговые люди и всякие люди у Туринских ясачных татар до государева ясаку соболей и всякой мягкой рухляди не покупали и на русские товары не меняли покаместо государев ясак не заплатят сполна» [38]. Также служилых людей отправляли в уезд для других дел, список 1649 г. сообщает о 4-х человеках, а список 1678 г. о двух, посланных для выдельного хлеба [39].

В 1628-1638 гг. 5 стрельцов по сменам стояли в Чубаровой слободе «для береженья пашенных крестьян». В 1672 г. 2 человека отсылалось в Благовещенскую слободу для защиты от воинских людей [40].

В первой половине XVII в. служилые люди привлекались и для более дальних служб. В списке 1628 г. сообщается о посылке одного сына боярского для таможенного сбора на Обдорскую заставу [41].

Служилые люди Туринского острога посылались в качестве годовальщиков в Енисейский острог, до образования там постоянного гарнизона. В 1622 г. в Енисейский острог было отправлено 9 стрельцов. В 1623 г. по отписке воеводы Тобольска М. Годунова на государеву службу в Енисейский острог были отправлены 10 стрельцов [42].

В 1652 г. в составе русской экспедиции на восток было отправлено 12 служилых людей из Туринского острога, которые оставались там еще к 1660 г.

Эти службы требовали отвлечения больших сил гарнизона города. В списке 1628 г. отмечается, что на службе в Туринском остроге после отправки всех посылок оставалось 2 детей боярских и 31 стрелец. В списке 1638 г. отмечено, что в Туринском остроге после посылок оставалось всего 5 человек. В списках 1672 г. и 1678 г. сообщается, что в результате многих посылок служилые люди, служившие в городе, должны были постоянно стоять по караулам по острогу [43].

Итак, в качестве обобщения отметим, что Туринский острог был построен для организации связи между Верхотурьем и центром русской Сибири – Тюменским городом и Тобольском. По первоначальному плану правительства Туринский острог фактически не имел военного гарнизона, так как его военное значение было очень малым. Город был построен на р. Туре между двумя русскими городами, Верхотурьем и Тюменским городом, и был прикрыт ими от внешней угрозы. Туринский уезд был очень малым по терри-

тории и количеству населения. В первые годы в Туринском остроге из военного населения имелись только обротчики – пушкарки, которые не могли нести все службы по острогу и уезду. Поэтому воеводам Туринского острога приходилось использовать на службе группу жалованных людей, которая обычно к ней не привлекалась – ямщиков и даже тяглых людей – крестьян. Такая практика была обычна для большинства городов Поморья XVI – XVII вв. Однако в эпоху Смуты территория Туринского уезда подвергалась набегам кочевников, во главе которых стояли Кучумовичи, пытавшиеся объединить все группы местного населения Сибири, недовольного русской властью. Через год после реставрации государства в 1614 г. в Туринский острог был переведен отряд из 50 стрельцов. В эпоху Смуты состояние Русского государства не позволило усилить количество вооруженных сил в Сибири и организовать гарнизон в Туринском остроге. В это время в городе поселились небольшие группы годовальщиков из Тюмени. Однако и после этого гарнизон Туринского острога был слишком мал для этого уезда. Еще одной проблемой было то, что в Туринском остроге не было служилых людей конной службы, которые могли поддерживать русскую власть в Туринском уезде.

Поэтому посылка конных отрядов из других городов в Туринский острог продолжилась и после образования в нем своего гарнизона (как правило, из Тюмени). Воеводы часто жаловались в Тобольск и Москву на крайний недостаток служилых людей в Туринском остроге. Большие группы служилых людей из Туринского острога приходилось направлять для сопровождения транспортов с запада на восток в Тюмень и в Тобольск, а также с востока на запад на Верхотурье. В результате, в Туринском остроге оставалось 10, а часто 5-6 человек. В случае угрозы в Туринский острог, как и на Верхотурье, приходилось направлять служилых людей из Тобольска и Тюмени.

Примечания

1. Сибирский летописный свод // ПСРЛ. М., 1987. – Т. 36. – С. 140.
2. Миллер Г. Ф. Описание Сибирского царства. – М., 1998. – С. 291.
3. Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. – М., 1960. – С. 35.
4. Там же. – С. 36.
5. РГАДА, Ф. 214, Кн. 1010, Л. 1-12.
6. История Сибири. – Ленинград, 1968. – Т. 2. – С. 37.
7. Никитин Н. И. Служилые люди в Западной Сибири. – Новосибирск, 1988.
8. Миллер Г. Ф. Описание Сибирского царства... С. 291.
9. Миллер Г. Ф. История Сибири, приложения. – Т. 2. – С. 222.
10. Там же. – С. 211.
11. РГАДА, Ф. 199, Портфель 477, Ч. 1, Д. 1, Л. 16; Миллер Г. Ф. История Сибири... С. 231.
12. Миллер Г. Ф. История Сибири... С. 228, 258.
13. Там же. – С. 211, 221, 228, 231, 233, 269.
14. Никитин Н. И. Указ. соч. – С. 28.
15. РГАДА, Ф. 214, Кн. 110, Л. 32.
16. Миллер Г. Ф. История Сибири... С. 562.
17. Ч О И Д Р. 1909. Кн. 4. С. 6.
18. Указ. соч. – С. 5.

19. Указ. соч. – С. 8.
20. Указ. соч. – С. 9.
21. РГАДА, Ф. 214, Ст. 16, Л. 234; Кн. 46, Л. 31.
22. РГАДА, Ф. 214, Ст. 100, Л. 89; Кн. 641, Л. 46.
23. РГАДА, Ф. 214, Кн. 209, Л. 31; Кн. 408, Л. 39; Кн. 1010, Л. 3 – 5.
24. РГАДА, Ф. 214, Ст. 16, Л. 234; Кн. 46, Л. 31; Кн. 209, Л. 31.
25. РГАДА, Ф. 214, Оп. 3, Ст. 100, Л. 89; Кн. 408, Л. 39; Кн. 641, Л. 46.
26. Миллер Г. Ф. История Сибири... С. 562.
27. РГАДА, Ф. 214, Ст. 16, Л. 234; Кн. 46, Л. 31.
28. РГАДА, Ф. 214, Кн. 110, 28; Оп. 3, Ст. 100, Л. 89; Кн. 209, Л. 31; Кн. 408, Л. 39; Кн. 641, Л. 46.
29. РГАДА, Ф. 24, Д. 1, Л. 13.
30. РГАДА, Ф. 214, Кн. 1102, Л. 45; Кн. 1463, Л. 31; Акты, относящиеся до юридического быта древней России. – Спб., 1864. – Т 2. – С. 291.
31. Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVII в. – М., 1972. – С. 82.
32. Миллер Г. Ф. История Сибири... С. 543.
33. Миллер Г. Ф. История Сибири... Т. 3, С. 327.
34. РГАДА, Ф. 214, Кн. 1210, Л. 8; Кн. 1243, Л. 7; Кн. 1102, Л. 10.
35. РГАДА, Ф. 214, Кн. 110, Л. 28; Кн. 209, Л. 32.
36. РГАДА, Ф. 214, Кн. 110, Л. 28 об.; Кн. 248, Л. 43.
37. РГАДА, Ф. 214, Кн. 1010, Л. 9; Кн. 1210, Л. 8; Кн. 1243, Л. 7-10; Кн. 1463, Л. 1-5; Кн. 1102, Л. 10.
38. РГАДА, Ф. 214, Кн. 46, Л. 31.
39. РГАДА, Ф. 214, Кн. 641, Л. 46.
40. РГАДА, Ф. 214, Оп. 3, Ст. 100, Л. 89.
41. РГАДА, Ф. 214, Ст. 16, л.234.
42. Акты, относящиеся до юридического быта древней России. – Спб., 1864. – Т 2. – С. 298.
43. РГАДА, Ф. 214, Кн. 110, Л. 29; Кн. 641, Л. 46.

Д.А. Топкаев

**ВКЛЮЧЕНИЕ МИГРАНТОВ В РЕГИОНАЛЬНЫЙ РЫНОК ТРУДА:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ
(НА ПРИМЕРЕ Г. НОВОКУЗНЕЦКА КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ)**

Согласно заявлениям, опубликованным на официальном сайте Министерства здравоохранения и социального развития России, количество квот на выдачу иностранным гражданам приглашений на въезд в Российскую Федерацию в целях осуществления трудовой деятельности в течение 2008 года несколько раз менялось (18 и 29 февраля, 30 июня 2008 года). Вообще на 2008 год потребность в привлечении иностранных работников в целом по России составила свыше 1,8 млн. человек. Из них 672 304 – по приглашениям на въезд в Российскую Федерацию в целях осуществления трудовой деятельности, а 1 155 941 – посредством выдачи разрешений на работу иностранным гражданам, прибывшим в РФ в порядке, не требующем получения визы. В 2009 году потребность в привлечении иностранных работников составила 3 976 747 человек, а размер квоты 1 250 769 человек. На уровне субъекта РФ цифры могут быть скорректированы. Так, например, в Кемеровской области при планировании квоты на 2008 год цифра несколько раз менялась с 3500 (Распоряжение Правительства РФ от 19 ноября 2007 г. N 1636-р) и 3617 (приказ Минздравсоцразвития России от 18 февраля 2008 г. № 74н) до 5887 человек (приказ Минздравсоцразвития России №300н от 30 июня 2008 г.) [1]. Если к этим данным прибавить количество квот на работу иностранным гражданам, прибывшим в РФ в порядке, не требующим получения визы (в 2007 году 59890), то в среднем только в 2008 году сумма равнялась более чем 60 000 человек. Напомним, что Россия связана обязательствами по обеспечению безвизового режима с рядом стран СНГ (Азербайджаном – 1997, Арменией, Белоруссией, Казахстаном, Киргизии, Таджикистана – 2000), в случае с Украиной и Узбекистаном формально ограничений нет, так как подписаны двухсторонние соглашения, а в отношении остальных нужны визы [2].

Даже с учетом принятых мер, такое количество мигрантов весьма убедительно не только для Кемеровской области, но и для любого другого субъекта РФ, особенно если их труд будет использован рационально. Проблемы, связанные с мировым финансовым экономическим кризисом, привели к проявлению протекционизма органов власти. Отражением основных идей такой политики являются антикризисные программы федерального и регионального уровней. В Кемеровской области в октябре 2008 года был создан антикризисный штаб по финансовому мониторингу и выработке мер по поддержке отраслей экономики Кемеровской области и принято распоряжение Коллегии Администрации Кемеровской области от 25.12.2008 №1368-р «Об утверждении плана мероприятий по преодолению последствий мирового финансового кризиса и повышения конкурентоспособности экономики Кемеровской области». Одной из мер социальной поддержки в направлении занятости населения стало сокращение на 2009 год областных квот на иностранную рабочую силу в два раза [3]. По приказу Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 26 декабря 2008 г. № 778н в Кемеровской области на 2009 год установлена квота на выдачу иностранным гражданам приглашений на въезд в Российскую Федерацию в целях осуществления трудовой деятельности в количестве 4888 человек. В мае 2009 года

количество квот для Кемеровской области было уменьшено до 3399 человек (приказ Минздравоохранения России №140н от 30 марта 2009 г. «О внесении изменений в приказ Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 26 декабря 2008 г. № 778н «О распределении по субъектам Российской Федерации утвержденной Правительством Российской Федерации на 2009 год квоты на выдачу иностранным гражданам приглашений на въезд в Российскую Федерацию в целях осуществления трудовой деятельности») [1]. Согласно выше озвученному плану антикризисных мер, применяемых в Кемеровской области, это количество необходимо еще поделить пополам, и тогда мы получим квоту в размере 1700 человек.

С позиции работодателя, преодолевшего все тяготы оформления заявки на привлечения иностранной рабочей силы, это вполне нормальный механизм функционирования рынка труда, особенно в условиях рыночной экономики. Если рассматривать этот вопрос глубже, вскрывая ряд экономических и социокультурных проблем, с которыми сталкиваются «долгожданные гости», то можно выявить множество закономерностей и даже частных случаев. Очевидно, что обозначить контуры и варианты их решения возможно при детальном анализе регионального рынка труда, миграционных и демографических процессов.

В настоящей статье на основе результатов анкетирования проанализирован ряд проблем, с которыми сталкиваются мигранты в условиях регионального рынка труда на примере города Новокузнецка.

Основным материалом для написания статьи стала информация, полученная в результате письменного опроса весной 2009 года, респондентами которого стали сезонные рабочие (гастарбайтеры). Анкетирование проводилось в Киргизии в Ошской области и в Араванском районе в г.Араван. Опрашивались только мужчины, занимающиеся ежегодно сезонной работой в России. Выборочная совокупность опроса составила 35 человек. Респондентам было предложено ответить на 14 закрытых вопросов анкеты. В «паспортчике» анкеты предлагалась указать место проведения анкетирования (страна, город), национальность, возраст, семейное положение (женат /не женат), образование (начальное, неполное среднее, среднее, профтехническое, среднее специальное неполное высшее, высшее) и специальность.

Известно, что сфера приложения труда нелегальных мигрантов является в основном строительство, торговля и сельское хозяйство [4]. В нашем случае были опрошены специалисты сферы строительства.

Исследование трудовых мигрантов из Киргизии выбрано нами неслучайно. Согласно статистическим данным за период 2006-2007 г. в Кемеровской области значительное увеличение показателя миграционного прироста зафиксировано за счет мигрантов из Киргизии (2576 человек), Казахстана (2522 человек), Армении (2078 человек) [5, с. 6, 13, 14].

Вводный вопрос анкетирования подтвердил намерения мигрантов работать в России (таб. №1). Хотя в вопросе и не было конкретизации точного места трудоустройства в конкретном субъекте России, в нашем случае территориальной привязкой являлся город Новокузнецк Кемеровской области.

Кемеровскую область можно отнести к регионам с достаточно устойчивой системой рынка труда (сходящиеся колебания). Эту группу составляют регионы, для которых эластичность спроса по цене превышает ценовую эластичность предложения рабочей силы. Сюда относятся рынки труда, которые в значительной степени способны к саморегуляции и не требуют специальных (особых) мер воздействия со стороны государства [7].

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос
 «В какое из государств вы приезжаете для осуществления
 трудовой деятельности (работать)?»
 (% к числу опрошенных респондентов)

Варианты ответов	Страны				
	Россия	Украина	Казахстан	Страны дальнего зарубе- жья	Другое (предложите свой вари- ант ответа)
В какое из государств вы приезжаете для осуществления трудовой деятельности (работать)?	100	0	0	0	0

Наибольшую категорию потенциальных мигрантов, желающих трудиться вне своего государства, составила возрастная группа 21-25 лет (таб. 2). Это обусловлено повышенным уровнем возрастной мобильности. В этом возрасте обычно получают статус молодых специалистов после завершения обучения в образовательном учреждении. Именно мобильность рабочей силы является главным показателем эффективности функционирования рынка труда. Что касается ранних браков, которые могли бы служить сдерживающим фактором мобильности, то согласно исследованиям 2001 года средний возраст при регистрации брака у мужчин составил 27.6 лет, а у женщин 24.3 года [8]. Поэтому именно в этом возрасте свобода действий и способность кардинально менять свои решения могут стать гарантом улучшения материального благополучия. Ранний брак также можно рассматривать как основную причину, побуждающую мужчину осуществлять поиск источников существования для обеспечения своей семьи. Идеальным вариантом при любых обстоятельствах была бы возможность согласовывать свои жизненные планы в соответствии с внутренней мотивацией и желанием самореализации, но обычно это бывает крайне редко.

Таблица 2

**Распределение ответов на вопрос: «В каком возрасте вы впервые поехали на за-
 работки в другую страну» (% к числу опрошенных респондентов)**

Варианты ответов	Возраст респондентов							
	16-20	21-25	26-30	31-35	36-40	41-45	46-50	51 и старше
В каком возрасте вы впервые поехали на заработки в другую страну?	0	68.5	25.8	5.7	0	0	0	0

Ошская область Киргизии отличается своим национальным составом относительно других областей, так как более 50% населения составляют узбеки. В самом Араванском районе, находящемся на границе с Узбекистаном, проживает 59% узбеков [9]. В нашем исследовании все участники по национальности являются узбеками. Соблюдение мусульманских традиций в направлении создания прочной семьи с высокой степенью ответственности всех её участников накладывает на мужчину обязательства по обеспечению её материального благополучия. Это становится для него мощным мотивационным фактором на всю жизнь.

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос:
«Назовите главные причины выезда на заработки из Киргизии»
(% к числу опрошенных респондентов)

Варианты ответов	Общее количество ответов в %
1. безработица	22.8
2. улучшение материальных условий	57.2
3. физическое спасение семьи	8.6
4. существующее в стране политическое положение	5.7
5. плохие жилищные условия	5.7
6. климатические условия	0
7. брак	0
8. другие причины	0

Наиболее желательным вариантом для сбалансированного контроля показателей спроса и предложения на рынке труда является вариант поиска работы через официальные организации. Такие организации работают в рамках государственного нормативно-правового поля и согласовывают свои действия с объективными условиями регионально-рынка труда. Можно предположить, что форма открытости и степень ответственности в вопросах официального трудоустройства не устраивает потенциальных иммигрантов, поэтому в нашем исследовании респонденты не выбрали данный вариант ответа.

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос:
«Кто помогает организовать поездку за рубеж и устроиться на работу?»
(% к числу опрошенных респондентов)

Варианты ответов	Общее количество ответов в %
1. официальная организация по работе за рубежом	0
2. родственники	14.3
3. друзья	42.9
4. знакомые	20
5. там учился и остался	5.7
6. уехал туристом и остался там	0
7. без помощи, самостоятельно («вслепую»)	17.1

Помощь в организации поездки за рубеж с последующим трудоустройством со стороны родственников, друзей и знакомых легко объяснима. После распада СССР в 1991 году, созданные на постсоветском пространстве независимые государства столкнулись с серьезными социально-экономическими проблемами. Не исключением в этой ситуации является Киргизия. Процесс политической нестабильности и, как следствие, ухудшение материального благополучия населения привели к необходимости поиска местными специалистами работы за рубежом. С 1991 по 2009 гг. в Араванском районе сложилась четко отлаженная система сезонной работы вне Киргизии. В нашем случае местом такой работы является Россия, город Новокузнецк. Мужчина, являясь главой семьи, ежегодно уезжает на заработки за границу. Основная цель – улучшение материального благополучия своих родных. В каждом населенном пункте есть свои координаторы, обладающие необходимой информацией о вакансиях за рубежом, а также создана отлаженная система доставки потенциальных кадров до места трудоустройства.

Среди респондентов 17.1% оказались самостоятельными в выборе средств и путей решения вопроса трудоустройства (таб. 4). Такой сценарий в большей степени свойственен молодым или высококвалифицированным специалистам, адекватно оценивающим свои шансы и профессиональный потенциал.

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос: «Укажите ваш основной вид занятий, которым вы занимались у себя на Родине (кем работаете)?»
(% к числу опрошенных респондентов)

Варианты ответов	Общее количество ответов в %
1. низко квалифицированный рабочий	0
2. продавец, официант, повар	5.7
3. высоко квалифицированный рабочий	17.1
4. водитель	8.6
5. специалист по специальности	17.1
6. временно безработный	0
7. другое (предложите свой вариант ответа)	51.5

Основными занятиями местного населения Ошской области Араванского района города Араван являются земледелие и животноводство, наряду с этим в области функционирует производство цветной металлургии, металлообработки и машиностроения, легкой и пищевой промышленности. Сложно разобрать ответы пунктов №3 и №5 с привязкой к конкретной специальности или профессии. В варианте ответа №7 все респонденты указали профессию строителя. Оценить квалификацию и компетентность такого специалиста возможно лишь в процессе выполнения конкретной работы по месту прибытия на объект. Называя себя строителем, иммигранты пытаются обозначить широкую область применения своего труда. В действительности дело обстоит куда хуже. Такие строители часто имеют слабый практический опыт, а главное, не знают и не соблюдают основных положений нормативно-правовой документации при строительстве или ремонте объектов.

Таблица 6

Распределение ответов на вопрос:
«Насколько благополучно вы адаптировались к своей работе в другой стране?»
(% к числу опрошенных респондентов)

Варианты ответов	Общее количество ответов в %
1. благополучно	48.6
2. трудно было освоиться	42.8
3. не адаптировался	8.6

Если иммигранты приезжают в Россию по уже отработанным каналам, да еще и на короткий срок, то вопрос об адаптации можно и не ставить, ведь основные контакты происходят между своими земляками. Но если говорить о процессе адаптации как о явлении более широком, особенно для желающих в перспективе получить российское гражданство, где учитывается не только минимизация контактов в рамках одной национальной диаспоры, то здесь возникает масса проблем. Среди них можно выделить проблему отношения местного населения к мигрантам. Воспитание толерантности среди местного населения Новокузнецка существует только «на бумаге». Промышленный менталитет со всеми вытекающими из него последствиями негативно влияет на взаимоотношение с приезжими. Стереотип о том, что иммигранты сбивают цену на труд, создают напряженность в обществе и повышают уровень криминала, не всегда согласуются с действительностью. В условиях кризиса такое отношение к иммигрантам только обостряется, ведь увеличивается общий уровень безработицы в регионах. Ярким примером может служить прием на работу через частные кадровые агентства. Сегодня одним из условий трудоустройства для соискателя становятся не наличие официального документа, подтверждающего квалификацию и российское гражданство, а его славянская или неславянская внешность. Такая поддержка титульной нации с проявлением элементов расизма недопустима, особенно в многонациональной России.

На седьмой вопрос респондентам было предложено выбрать несколько вариантов ответа. В целом, картина ожидаема, почти все иммигранты испытывают дискомфорт на новом месте жительства. Тяга к родственникам, ностальгия в сочетании с непростыми отношениями местного населения к приезжим – вот ток комплекс настроений, которые напрямую испытывают на себе иммигранты (таб. 7). Такое состояние негативно влияет на социально-психологический климат в среде иммигрантов. Защитные механизмы оформляются в создание национальных общин, со всей присущей им системой конспирации и адресной помощью.

Таблица 7

Распределение ответов на вопрос: *«Как вы свыклись с существующей обстановкой в другой стране?»* **(число опрошенных респондентов)**

Варианты ответов	Общее количество ответов
1. меня все устраивает	1
2. очень трудно жить без семьи, родственников и друзей	18
3. испытываю сильную ностальгию	18
4. не могу привыкнуть к их традициям	8
5. не могу привыкнуть к их климату	14
6. не устраивает отношение местного населения ко мне и моим близким	0

При принятии решения работать за рубежом, одним из первоочередных вопросов становится жилищный вопрос. Если, как уже отмечалось, трудоустройство осуществляется по уже отработанным каналам, то проблем не возникнет. В случае проявления самостоятельности и желания приехать работать «вслепую», без связей, возникают определенные сложности. Поиски съемной квартиры удачны при двух сценариях:

1) обратиться за помощью в бюро недвижимости, но тогда придется оплатить услуги риэлтора, равную сумме двух- или трехмесячной оплаты за аренду квартиры;

2) осуществлять самостоятельный поиск.

И в первом, и во втором случае иммигранты сталкиваются с предвзятым отношением к ним со стороны местного населения. Это проявляется в завышении арендной платы за квартиру в среднем на 10-15 % от её реальной арендной стоимости и предложениям арендовать квартиру в непрестижном районе (в Новокузнецке это Заводской район, район дальнего Куйбышева и ул. Вокзальная). У арендодателей на это свои аргументы, основным из которых является высокий риск и степень ответственности за сдачу квартиры в аренду без официального договора. Несмотря на это, 68.5% респондентов снимают квартиру отдельно или с друзьями, 20% снимают комнату в квартире (таб. №8).

Таблица 8

Распределение ответов на вопрос: «Каким образом вы решали жилищный вопрос в другой стране?» (% к числу опрошенных респондентов)

Варианты ответов	Общее количество ответов в %
1. купил собственную квартиру	2.9
2. живу у родственников	8.6
3. живу в общежитии	0
4. снимаю квартиру (отдельно, с семьёй или с друзьями)	68.5
5. снимаю комнату в квартире (отдельно, с семьёй или с друзьями)	20

Благородное желание близких разделить все тяготы и невзгоды трудовой иммиграции обусловлено рядом причин. Во-первых, по мусульманским традициям, уезжая работать, мужчина оставляет свою жену с детьми на попечение своих родителей. Воспитание детей без отца и тотальный контроль родителей являются мощным мотивом в принятии решения поехать на заработки всей семьей. Во-вторых, у некоторых членов семьи возникает желание посмотреть мир. В подтверждение сказанному можно акцентировать внимание на сумме процентов варианта ответов №1 и №2 (таб. 9).

Таблица 9

**Распределение ответов на вопрос:
«Планируете ли вы перевезти своих родственников в страну, где работаете?»
(% к числу опрошенных респондентов)**

Варианты ответов	Общее количество ответов в %
1. некоторые члены семьи собираются приехать при любых обстоятельствах	20
2. некоторые члены семьи собираются приехать при определенных обстоятельствах (укажите условия)	0
3. близкие твердо решили не уезжать в трудовую миграцию	42.8
4. другое (предложите свой вариант ответа)	37.2

Вопрос о стабильности и достаточности доходов имеет двойственное значение. Доходы могут быть стабильными, но недостаточными для существования. Само понимание достаточности необходимо трактовать с позиции государства и с позиции конкретного получателя дохода. Полученные данные не могут быть однозначно восприняты без анализа ряда показателей (таб. 10).

Таблица 10

Распределение ответов на вопрос:
*«Имеет ли ваши члены семьи стабильные и достаточные
 для проживания доходы?»*
(% к числу опрошенных респондентов)

Варианты ответов	Общее количество ответов в %
1. 2500-3500 рублей	77.2
2. 3500 – 5000 рублей	22.8
3. 5000-7500 рублей	0
4. 10000 и более	0

Обратимся к официальной стороне вопроса о доходах. Например, средняя заработная плата в Чуйской области Кыргызстана по итогам I квартала 2009 года составила чуть более 4,5 тысячи сомов [10]. Согласно данным Центрального банка Российской Федерации установлен следующий курс иностранных валют к рублю: 100 сом = 66.1078 – август 2008 года, 100 сом = 78.8793 – май 2009 года [11]. То есть получается, что средняя заработная плата в переводе на российские рубли по майскому курсу составила 3510 рублей. Проведем параллель с Кемеровской областью. Среднемесячная номинально начисленная заработная плата за февраль 2009 года в Кемеровской области составила 17 125,2 руб. в месяц [12]. Приблизительный уровень заработной платы отметили респонденты, указывая свой среднемесячный доход в другой стране (таб. 11). Даже с учетом всех погрешностей необходимо подчеркнуть существенную разницу между уровнями доходов в Кемеровской области и Киргизии. Можно предположить, что имеющегося семейного бюджета иммигрантов недостаточно для решения текущих финансовых проблем, и поэтому работу в России респонденты рассматривают как альтернативный источник увеличения семейных доходов.

Таблица 11

Распределение ответов на вопрос:
«Укажите свой среднемесячный доход в другой стране»
(% к числу опрошенных респондентов)

Варианты ответов	Общее количество ответов в %
1. 2500-3500 рублей	0
2. 3500 – 5000 рублей	0
3. 5000-7500 рублей	0
4. 10000-15000 рублей	82.9
5. 15000-20000 рублей	17.1
6. 20000 и более	0

Для сравнения приведем еще один показатель – величину прожиточного минимума в России (Кемеровской области) и Киргизии. В Кузбассе, по данным за I квартал 2009 года, величина прожиточного минимума составила 4239 рублей [12], а в Киргизии 2457 рублей (3150 сома) [13]. При этом необходимо отметить, что в Кемеровской области на сегодня зафиксирован самый низкий показатель величины прожиточного минимума среди всех субъектов Сибирского федерального округа [12]. Поэтому при таком сравнении уровней доходов отчетливо понимаешь преимущества оплаты труда за границей.

Как видно из таблицы 12, большая часть респондентов ежемесячно отправляют основную часть заработанных денежных средств своей семье. В варианте №4 они отмечают порог в 80-85% от своего суммарного дохода. Предположим, что заработная плата иммигранта составила 10000 рублей, значит 80% – это сумма в 8000 рублей. Это солидная сумма денег, которая позволит семье мигранта прожить в достатке в течение ближайшего месяца.

Денежные переводы являются прибыльным делом не только для банков, но и для экономики государства перевода. Каждый мигрант ежегодно посылает в страну исхода в среднем около 1000 долларов. Во всех малых странах СНГ объем поступающих переводов сравним со стоимостью их экспорта. Этот объем также больше, чем прямые вложения во всех странах, за исключением богатого нефтью Азербайджана [14, с.153].

Таблица 12

**Распределение ответов на вопрос: «Какой процент заработной платы вы отправляете ежемесячно своей семье на Родину?»
(% к числу опрошенных респондентов)**

Варианты ответов	Общее количество ответов в %
1. 20-30%	5.7
2. 30-50%	17.1
3. 50-70%	34.3
4. другое (предложите свой вариант ответа)	42.9

Рабочий сезон от 10 месяцев до 1 года является наиболее приемлемым периодом для работы за границей (таб. №13). Следуя логики сезонных видов работ, было бы логичней трудиться в период с середины весны по сентябрь включительно и возвращаться на Родину в период активной сбора урожая и торговли. Вариант работы сроком в один год и более приемлем для тех мигрантов, чья жизненная стратегия выстроена в направлении получения российского гражданства и длительной оседлости на новом месте жительства.

Таблица 13

**Распределение ответов на вопрос:
«Сколько месяцев длится ваше пребывание на работе в другой стране?»
(% к числу опрошенных респондентов)**

Варианты ответов	Общее количество ответов в %
1. от 1 до 2 месяцев	0
2. от 2 до 6 месяцев	0
3. от 6 до 10 месяцев	8.6
4. от 10 месяцев до 1 года	71.4
5. от 1 года и более	20

Пессимистические ответы респондентов связаны с их слабой информированностью в вопросах принимаемых мер на уровне государства, а также с их национальной идентификацией, ведь наши респонденты узбеки. Ежегодно на уровне правительства Киргизии принимаются перспективные программы социально-экономического развития государства [15]. Однако эксперты прогнозируют падение темпов роста экономики в 2009 году до 3% и предупреждают о существующем риске дальнейшего ухудшения ситуации [16]. Прогнозы – дело неблагоприятное, и поэтому лучше воздержаться от оценочных суждений, особенно в направлении перспектив суверенного государства.

Таблица 14

Распределение ответов на вопрос:

«Как вы считаете, сможет ли Киргизия в ближайшее время обеспечить достойный уровень жизни вам и вашим близким (стабильная работа, пенсии, пособия, образование и т.д.)?»
(% к числу опрошенных респондентов)

Варианты ответов	Общее количество ответов в %
да	17.1
нет	82.9

Сегодня находить запрашиваемых работодателями специалистов внутри страны становится все труднее, на поиск некоторых из них уходит почти год, переманить человека с другого предприятия тоже непросто. В условиях мирового финансового экономического кризиса бороться надо не с мигрантами, а с условиями, которые создают нелегальную миграцию. Труд мигрантов может быть эффективным для экономики только при своевременном анализе потребностей рынка труда.

Подводя итоги нашего исследования, необходимо сделать несколько выводов:

– в связи с активным включением России в процесс глобализации и интеграционными процессами в мировой экономике регулирование рынка труда должно быть подчинено главной цели – достижению состояния полной занятости своих кадров, а потом приездных. При этом не стоит пренебрежительно относиться к труду мигрантов. Если существует механизм квотирования рабочих мест для иностранных граждан, то значит, что на это есть веские аргументы.

– решение проблемы трудоустройства мигрантов является одним из главных вопросов адаптационного процесса, и от того, какие условия будут созданы для трудовых мигрантов, насколько грамотно будут соблюдаться все нормативно-правовые акты, регулирующие эти вопросы, зависит уровень миграционной привлекательности конкретного субъекта РФ;

– принимая решение поехать на заработки в Россию, мигрантам необходимо понимать, что решающим фактором социальной защищенности граждан на рынке труда в настоящее время становится их образовательный и профессиональный уровень, профиль подготовки. Поэтому уже сегодня областной администрации нужно заручиться федеральной поддержкой и задуматься о создании на базе ОУ НПО и СПО курсов переподготовки специалистов по востребованным для промышленного региона профессиям (специальностям). Такая инициатива должна быть официально оформлена, и она может стать основным условием для всех желающих получить в перспективе российское гражданство;

– создать в Кемеровской области специализированные биржи, которые упорядочили бы привлечение иностранной рабочей силы. Находясь на родине, все желающие смогут по единой базе данных узнать об имеющихся вакансиях и передать необходимую информацию о себе. После этого им останется ждать вызова на работу, не приезжая в Россию. Это позволит упорядочить потоки информации и повысить степень контроля в направлении миграционных процессов. Данная инициатива должна быть оформлена рядом соглашений между заинтересованными структурами соответствующих ведомств, прежде всего стран СНГ, и реализована в обязательном порядке во всех субъектах РФ. В некоторых регионах подобные биржи уже созданы (к примеру, в Екатеринбурге действует Уральское миграционное агентство).

Стратегия развития рынка труда на перспективу должна выстраиваться по принципу привлечения высококвалифицированных специалистов, способных эффективно решать сложные экономические задачи во благо страны. В условиях российской действительности выдавать желаемое за действительное уже неактуально, поэтому требуются конкретные предложения по рациональному использованию основного ресурса – человеческого потенциала. Сегодня в поисках лучшей жизни мигранты связывают с Россией свое будущее и настоящее. Мировой экономической кризис и демографические проблемы современной России заставляют нас пересмотреть многие позиции в вопросах миграционной политики. Реализация предложенных выше инициатив позволит уже в ближайшие годы создать единую архитектуру в вопросах трудовой миграции.

Примечания

1. [Электронный ресурс]: Режим доступа: www.minzdravsoc.ru
2. [Электронный ресурс]: Режим доступа: www.mid.ru
3. Перечень мер по повышению устойчивости экономики Кемеровской области // [Электронный ресурс]: Режим доступа: www.ako.ru/PRESS/MESS/TEXT/anti_kris.asp
4. Колесникова О. А. Трудовая миграция и рынок труда: региональный аспект // Третья Всероссийская научно-практическая Интернет-конференция «Спрос и предложение на рынке труда и рынке образовательных услуг в регионах России» [Электронный ресурс]: Режим доступа: www.labourmarket.ru
5. Миграция населения Кемеровской области в 2006 году // Статистический бюллетень. – Кемерово, 2007.
6. Миграция населения Кемеровской области в 2007 году // Статистический бюллетень. – Кемерово, 2008.
7. Игнатьева Е. А. Оптимизация взаимодействия механизмов рыночного и государственного регулирования регионального рынка труда на основе модели динамического спроса // Третья Всероссийская научно-практическая Интернет-конференция «Спрос и предложение на рынке труда и рынке образовательных услуг в регионах России». [Электронный ресурс]: Режим доступа: www.labourmarket.ru.
8. [Электронный ресурс]: Режим доступа www.ru.wikipedia.org/wiki.
9. Денисенко М. Киргизия вымирает? [Электронный ресурс]: Режим доступа: www.polit.ru/research/2005/03/11/demoscope191.html.
10. Лымарь Антон. ИА «24.kg». [Электронный ресурс]: Режим доступа: www.24.kg/economics/2009/04/24/112754.html.
11. [Электронный ресурс]: Режим доступа: www.kodeks.ru.

12. [Электронный ресурс]: Режим доступа: www.gks.ru.
13. [Электронный ресурс]: Режим доступа: www.mlsp.kg.
14. Коробков Андрей, Палей Лев. Социально-экономическая роль денежных переводов мигрантов в СНГ // Тенденции международной миграции: Доклады, представленные на секцию 143 XXV Конференции IUSSP - Международного союза научных исследований в области народонаселения, 18-23 июля 2005 г., Тур, Франция / Гл. ред. В.А. Ионцев. – М.: Макс Пресс, 2006. – С. 151-171.
15. [Электронный ресурс]: Режим доступа: www.government.gov.kg.
16. [Электронный ресурс]: Режим доступа: www.rain.ru/crisis_news/20090318/165305712.html.

И.М. Никифорова

САМОУПРАВЛЕНИЕ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА ХМАО-ЮГРЫ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Коренные малочисленные народы Севера Ханты-Мансийского автономного округа – Югры – ханты и манси – являются родственными народами, общая численность которых на территории округа по данным на 2008 г. составляет около 30 600 человек [1].

В деле сохранения традиционной культуры северных народов, традиционного образа жизни, промыслов, хозяйствования особо важная роль принадлежит органам местного самоуправления. Именно от них зависит сохранение самобытной культуры, территорий традиционного природопользования этих народов, их социально-экономическое благополучие, и, как следствие, выживание этих народов в современных непростых социально-экономических условиях. Здесь важным вопросом является участие самих представителей коренных малочисленных народов Севера в осуществлении самоуправления, в решении вопросов, непосредственно затрагивающих их интересы.

Коренные малочисленные народы Севера являются разновидностью такого субъекта политической деятельности, как коренные малочисленные народы России, определение которых дано в ст.1 ФЗ от 30.04.1999 «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации»: «Коренные малочисленные народы Российской Федерации – народы, проживающие на территориях традиционного расселения своих предков, сохраняющие традиционный образ жизни, хозяйство и промыслы, насчитывающие в Российской Федерации менее 50 тысяч человек и осознающие себя самостоятельными этническими общностями» [2].

Уже из данного определения вытекает тот факт, что самоуправление коренных малочисленных народов Севера и его реализация имеет определенную специфику, вытекающую из особенностей традиционного уклада жизни северных народов. Так, например, исследователь Н.Н. Харючи отмечает такую особенность, как «многовековой опыт традиционной самоорганизации, форм и методов решения вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности» [3], что, по его мнению, не может не учитываться при организации местного самоуправления в местах проживания северных народов.

Действительно, еще до вхождения Западной Сибири в состав России обско-угорский социум имел достаточно четкую иерархическую структуру и систему управления.

В реконструкцию потестарно-политических институтов ханты, в период с начала освоения Западной Сибири русскими до середины XX в., значительный вклад внесли С.В. Бахрушин, В.Н. Чернецов, Н.В. Лукина, В.Г. Бабаков, З.П. Соколова и другие исследователи.

В целом, социальная структура обско-угорского общества накануне присоединения Западной Сибири в состав Российской империи выглядела следующим образом: основной территориальной единицей был поселок-юрт, который чаще был родоплеменным образованием; несколько юртов объединялось в сотню (заимствованная у татар условная единица учета податного населения), которыми управляли «сотники», «лучшие люди»; выше в иерархии находились «князцы», возглавлявшие составные части большо-

го княжества и находившиеся в подчинении у князя – главы крупного княжества, в русских летописях именовавшегося «большим» или «сборным».

Низший уровень самоуправления, то есть поселок-юрт, образованный по кровнородственному критерию, имел собственную внутреннюю структуру. Нижним уровнем этой структуры была единица «рат», «акв рат» – «люди одного очага», включавшая родственников, ведущих свое происхождение от одного предка или, как говорят ханты, «из одного дома». Несколько родственных рат, в свою очередь, образовывали родственное объединение «сир», в основе которого лежали представления о единстве происхождения, общем культе и запрете взаимных браков [4].

После включения Западной Сибири в состав России русской администрацией создавались новые административно-территориальные образования – волости, с целью упрощения процедуры сбора ясака с местного населения. Жители волости стали составлять своеобразную категорию зависимого населения – «государственных ясачных людей» («ясакопательщиков»), группировавшихся вокруг «лучшего человека», «князца», который и платил ясак «с товарищи». Нужно отметить, что данные образования создавались на основе реально существовавших общностей коренного населения – родоплеменных образований обских угров – для сохранения порядка на вновь обретенных территориях. Русская администрация активно использовала традиционные формы внутреннего устройства и управления, существовавшие у коренных народов. «Князцы», родоплеменная знать, в XVII-XIX вв. стояли во главе большинства волостей и разделялись на простых и жалованных грамотами от государей. Официально у родовой знати был сохранен особый статус среди обско-угорского населения, а также все нажитое этими родами материальное богатство. Российским законодательством охранялось право собственности коренных народов на их родовые угодья. Так, «Устав об управлении инородцев» 1822 г. условно разделил коренное население на «оседлых», «кочевых» и «бродячих». Последние две категории относились к той части населения, которая сохранила традиционный уклад жизни и продолжала заниматься сезонными промыслами (пушной промысел, рыболовство, оленеводство); они пользовались следующими правами, защищающими экономическую независимость и свободу традиционных промыслов (как основу этой независимости):

– «кочующие инородцы для каждого поколения имеют назначенные во владение земли» (п. 26),

– «инородцы имеют полную свободу заниматься земледелием, скотоводством и местными промыслами на водах и землях, каждому роду назначенных» (п. 29),

– «строго запрещается россиянам селиться на землях, во владение инородцам отведенных» (п. 31).

Иными словами, русская администрация при включении Западной Сибири в состав Российской империи учитывала существовавший у обских угров общинно-родовой способ организации общества. Они получили определенные преимущества в области землепользования и управления, которые строились почти полностью в соответствии с местными нормами обычного права. Также сохранялся высокий социальный статус и положение «лучших людей» бывших княжеств и материальное благосостояние, накопленное родами, как рядовыми, так и княжескими. Единственным условием, ограничивавшим экономическую свободу коренного населения, было введение ясачной повинности (собственно, большая часть восстаний и движений сопротивления русской администрации со стороны местного населения в XVII-XVIII вв. была вызвана либо нежеланием не-

сти ясачную повинность, либо слишком большим размером ясака), а также регулирование русской администрацией торговли между аборигенным и неаборигенным населением с целью недопущения спаивания коренных жителей.

Данный подход, по мнению автора, и обеспечил относительно мирный характер вхождения территорий проживания обских угров в состав Российской Империи и легкость адаптации пришлого населения на колонизированных территориях (в отличие, например, от характера, который носило присоединение территорий проживания сибирских татар).

Такая организация обско-угорского общества сохранилась вплоть до начала XX в., с той лишь разницей, что институт «князцов», лишившись своей военной функции, постепенно трансформировался в институт волостных и родовых старшин, продолжавших, как и «князцы», играть посредническую роль между государством и автохтонным социумом.

С приходом на Север в 20-х гг. XX в. советской власти произошла коренная ломка традиционного уклада жизни северных народов, социальной структуры и традиционных форм управления в том числе.

Для внедрения новой политической и экономической системы на Севере в 1924 г. создан Центральный Комитет Севера, а также окружные комитеты. Бывшие волости были преобразованы в районы, в 1930 г. были созданы два национальных округа (Остяко-Вогульский (впоследствии Ханты-Мансийский) и Ямало-Ненецкий). Нужно отметить, что в первые годы советской власти были попытки «сверху» организовать местное самоуправление с учетом принципов родоплеменной организации: «Учитывая огромное политическое и экономическое значение северных окраин, с одной стороны, и катастрофическое положение племен их населяющих, с другой, а также полную неорганизованность и оторванность туземной массы от советского строительства и необходимость законодательной, административно-правовой и экономической защиты их интересов», Постановлением ЦИК Союза от 20/VI 1924 г. определялось учредить «Комитет содействия народностям северных окраин». Система законодательных актов, разработанных Комитетом Севера, по своему духу и смыслу была очень близка «Уставу об управлении инородцами 1822 г.». Признавалась экономическая и социальная необходимость сохранения своеобразного уклада жизни северных народов, и при этом подчеркивалось их юридическое равноправие с остальными гражданами СССР [5]. В 1925 г. была создана двухуровневая система местного самоуправления, включавшая родовые собрания и советы, районные туземные съезды и советы. Однако уже через 4 года они были упразднены, поскольку власти осознали, что такая система, способствующая сохранению традиционной социальной структуры обско-угорского общества, нежелательна в условиях перевода населения на «советское строительство».

Поскольку природные ресурсы Севера имели для новой власти стратегическое значение, она стремилась взять традиционные промыслы под свой полный контроль, что осуществлялось посредством коллективизации и отчуждения частной собственности в пользу государства. Так, частный рыбный и пушной промысел в 20-х гг. был полностью запрещен, занятия традиционными промыслами для коренного населения стали возможными лишь в рамках специальных государственных учреждений. Коренное население насильственно объединялось в колхозы и совхозы, занимавшиеся оленеводством. Объединение личных стад привело к сокращению поголовья оленей в крае. Повсеместно нарушался принцип добровольности, зажиточные охотники и оленеводы подвергались ре-

прессиям, как «кулаки» и противники колхозного строительства. Среди их числа оказались и бывшие «лучшие люди», волостные старшины как наиболее зажиточная часть обско-угорского общества. С целью разрушения традиционного уклада жизни и под предлогом борьбы с суевериями и «контрреволюционными элементами» в 30-е гг. было репрессировано свыше 150 шаманов – наиболее уважаемой и авторитетной части населения.

Также на территории округов была создана система судов, исключавшая из судопроизводства нормы обычного права.

Все эти меры не могли не вызвать волны протеста среди коренного населения. К тридцатым годам относятся наиболее значительные по масштабам выступления коренного населения против советской власти. Из них самыми знаменитыми были события на Казыме, Толькеи и Ямале.

Несмотря на сопротивление, коллективизация, начавшаяся в 20х гг., была в основном завершена уже в конце 30-х гг.

В дальнейшем, на протяжении всего советского периода, проблемы обских угров продолжали решаться с позиций социалистического строительства путем коренной ломки традиционного образа жизни. Осуществлялось жесткое регулирование со стороны центра всех сторон жизни аборигенов Севера, проводившееся порой без должного учета местной этнокультурной специфики. Характерными были излишняя централизация управления, ограничение реальных полномочий местных органов власти, отсутствие механизма, с помощью которого коренные народы обладали бы возможностью сами определять тенденции и динамику своего собственного развития. Серьезные негативные последствия имел факт рассогласованности национальной политики в отношении коренных народов и политики экономического развития Севера, особенно в период его интенсивного промышленного освоения с начала 1960-х гг. Именно в этот период был нанесен наиболее значительный удар по традиционному образу жизни северных народов и системе традиционного природопользования: государством проводилась политика переселения населения из мелких поселений в крупные. Эти насильственные переселения разрушили веками складывавшуюся исторически и экологически сбалансированную структуру расселения и систему природопользования коренных народов. Экономическая политика в данный период имела преобладающее значение, в результате развитие региона часто осуществлялось в ущерб интересам коренных народов. Сотни принятых центральными органами власти нормативных актов, прямо или косвенно касающихся интересов народов Севера, нельзя однозначно оценить как проявление заботы о благополучии последних. В условиях, когда сами коренные народы не принимали непосредственного участия в выработке и принятии соответствующих решений, это свидетельствовало зачастую о стремлении подогнать жизнь северных народов под единые стандарты доминирующего общества [6]. Впрочем, нужно отметить, что, во-первых, данная политика была характерна применительно ко всем другим народам страны – северные народы здесь не были исключением; во-вторых, советская политика в отношении северных народов имела и позитивные моменты – улучшение положения коренных народов в отношении трудоустройства, здравоохранения, образования, жилищного строительства и т.д.

Значительные изменения в законодательстве относительно народов Севера и в их политико-правовом статусе как субъекта политической деятельности произошли в начале 1990-х гг., когда широкая общественность открыто заговорила о проблемах развития коренных народов, назревших к тому времени. Встал вопрос о предоставлении северным

народам реальных прав и свобод, без которых было невозможно сохранение традиционных видов деятельности, промыслов коренных народов, их этнической самобытности, и, как следствие, само выживание этих народов.

В итоге, под влиянием возросшей политической активности самих аборигенов Севера, а также общественности, выступающей в защиту их интересов, центральные и местные органы власти осуществили корректировку федерального и регионального законодательства в отношении малочисленных народов, суть которой состояла в расширении предоставляемых данной группе прав и гарантий, направленных на сохранение элементов традиционного уклада жизни [6].

Так, в упомянутом уже ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» закреплено в общем виде право коренных малочисленных народов Севера «создавать органы территориального общественного самоуправления малочисленных народов с учетом национальных, исторических и иных традиций» [2]. Помимо этого, данным законом предусмотрены возможность «создавать на общественных началах при органах местного самоуправления советы представителей малочисленных народов» и устанавливать «квоты представительства малочисленных народов в законодательных (представительных) органах субъектов Российской Федерации и представительных органах местного самоуправления».

Правовые основы общинной формы самоуправления малочисленных народов Севера и государственные гарантии его осуществления определяет ФЗ № 104 от 20.04.2000 «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации». Общины согласно данному ФЗ – формы самоорганизации лиц из числа коренных малочисленных народов по кровнородственному (семья, род) или территориально-соседскому признакам, основная цель создания и деятельности которых – защита исконной среды обитания, традиционного образа жизни, прав и законных интересов представителей коренных малочисленных народов. С целью реализации данного закона на уровне Ханты-Мансийского автономного округа Думой округа в 2001 г. был принят закон ХМАО «Об общинах коренных малочисленных народов Ханты-Мансийского автономного округа», согласно которому община является первичной формой самоорганизации лиц из числа коренных малочисленных народов, обладающей определенными правами в области самоуправления.

Особый правовой статус коренных малочисленных народов Севера утверждается также Уставом Ханты-Мансийского автономного округа, предусматривающего создание органами государственной власти ХМАО условий «для участия коренных малочисленных народов Севера в работе органов государственной власти и местного самоуправления...» [7].

Однако на практике реализация самоуправления северных народов, их участие в местном самоуправлении сталкивается с рядом трудностей. Так, общины коренных народов, речь о которых шла выше, юридически имеют форму территориального общественного самоуправления, из-за чего стоят на порядок ниже органов публичной власти и не имеют ни достаточных полномочий для решения всего круга имеющихся у населения проблем, ни соответствующей юридической, правовой защиты своих действий. Также сложно определить оптимальную модель самоуправления для северных народов – брать за основную единицу самоуправления территориальную общность, национально-территориальное объединение или поселение. Тем более, что исследователи отмечают особенность участия коренных малочисленных народов в реализации самоуправления, а именно сложность использования такой формы непосредственного осуществления мест-

ного самоуправления, как собрание (сход), ввиду рассредоточенности значительной части населения в местах традиционного проживания. Здесь нужно отметить, что более половины представителей коренных малочисленных народов Севера, по данным на 2008 г., проживают в сельской местности, а 12% от общего числа северных народов проживают на родовых угодьях [1].

Безусловно, развитие самоуправления коренных малочисленных народов Севера и обеспечение возможности их участия в реализации местного самоуправления является сегодня важнейшим условием выживания северных народов, сохранения их культурной самобытности и традиционных отраслей хозяйствования. Развитие самоуправления северных народов призвано обеспечивать, главным образом, защиту территорий традиционного природопользования, сохранение культурного наследия, традиционного уклада и образа жизни северных народов. Также необходима реализация в полной мере прав гражданина Российской Федерации: для лиц из числа коренных малочисленных народов реализация этих прав несколько сложнее, чем для прочего населения государства, ввиду уже упоминавшихся особенностей расселения и образа жизни, на что и должно быть нацелено федеральное и региональное законодательство в отношении коренных малочисленных народов Севера. Знакомство с исторической ретроспективой такого явления, как самоуправление народов Севера ХМАО – Югры, поможет лучше понять его суть и социально-экономические проблемы, стоящие сегодня перед народами Севера и требующие своего адекватного и качественного решения.

Примечания

1. Официальный сайт Администрации Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. [Электронный ресурс]: Режим доступа <http://admhmao.ru/people/>.
2. ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» / Сборник законодательных и правовых актов по правам коренных малочисленных народов Севера Ханты-Мансийского автономного округа (извлечения) / Ханты-Мансийск, Департамент по вопросам малочисленных народов Севера ХМАО, 2002.
3. Харючи Н.Н. Правовые основы организации местного самоуправления в местах проживания коренных малочисленных народов Севера: дис... канд. юрид. наук. – Тюмень, 2004. – С. 38-39.
4. Перевалова Е.В. Северные ханты: этническая история. – Екатеринбург: УрО РАН, 2004. – С. 230.
5. Сайт Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ. [Электронный ресурс]: Режим доступа <http://www.raipon.info/>.
6. Попков Ю.В., Бойко В.А. Политико-правовой статус коренных народов Севера: на пути в мировую цивилизацию. – Новосибирск: изд. Института философии и права СО РАН, 1997. – С. 29, 31.
7. Устав (основной закон) Ханты-Мансийского автономного округа /Сборник законодательных и правовых актов по правам коренных малочисленных народов Севера Ханты-Мансийского автономного округа (извлечения) – Ханты-Мансийск, Департамент по вопросам малочисленных народов Севера ХМАО, 2002.

Э.К. Мантикова

ПРОЕКТНО ИЗЫСКАТЕЛЬСКИЕ РАБОТЫ ПО СТРОИТЕЛЬСТВУ СУРГУТСКОЙ ГРЭС – 1

Промышленная разработка крупнейших нефтяных месторождений, открытых в Среднем Приобье, повлекла за собой необходимость создания мощной энергетической базы [1]. Институтом Энергосетьпроект была разработана и утверждена схема энергообеспечения нефтяных промыслов Тюменской области, в которой было рекомендовано в Среднем Приобье построить электростанцию мощностью 200-600 тыс. кВт [2].

Уже в начале 1964 г. проектная организация Уралэлектросетьпроект разработала схему электроснабжения Сургутского нефтяного района [3]. Особенностью региона можно считать то, что район Среднего Приобья был не электрифицирован, за исключением рабочего поселка Сургут, который освещался маломощной дизельной электростанцией, а для бытовых нужд электроэнергия подавалась энергопоездами [4].

Одновременно на месторождениях вместо дизельных станций у нефтедобывающих организаций появились паротурбинные энергопоезда, представляющие собой мощные источники тока, связанные сетью проводов с потребителями. Но ни энергопоезда, ни дизельные станции не могли окончательно решить проблему электрообеспечения региона, т.к. территория и масштабы нефтегазодобычи в рекордные сроки резко возрастали [5].

После утверждения схемы энергообеспечения нефтяных промыслов Тюменской области началась работа по определению местоположения будущей электростанции.

В августе 1964 г. в Тюмень прибыла Государственная комиссия под руководством академика М.А. Лаврентьева. Цель визита заключалась в выборе и закреплении места под строительство города и крупной электростанции. Эта комиссия была назначена правительством, в ее состав входили многие видные специалисты. Энергетики были привлечены в качестве консультантов. В ходе своей работы комиссия посетила Сургут. Кроме того, тщательным образом изучались районы Тобольска, Ханты-Мансийска, Локосова, Мегиона, Нефтеюганска, остров Каменный Мыс и Белый Яр [6].

В том же году в Приобье работала еще одна комиссия по выбору города, который должен был стать базой для нефтяников и геологов. Перед проектировщиками электростанции стояла сложнейшая задача: доказать целесообразность строительства ГРЭС в том или ином районе и выбрать место для него. Реализация поставленной задачи на практике означала выполнение ряда условий. Во-первых, геофизические условия: площадка будущей электростанции должна была иметь хорошую инженерную геологию и удобный рельеф местности, а также было необходимо, чтобы она располагалась вблизи водоема. Во-вторых, социально-экономические условия: ГРЭС должна находиться недалеко от населенного пункта и транспортных артерий, также она должна была стоять в центре перспективных электрических нагрузок, недалеко от магистральной линии электропередачи. Помимо этого, она не должна была находиться слишком далеко от нефтяного и газового коллектора, но, между тем, под ней не должны залегать крупные месторождения полезных ископаемых [7].

В ходе детальных исследований наиболее целесообразным пунктом размещения новой ГРЭС был определен Сургут [8].

В результате технико-экономических сравнений и изучения площадей самой удобной была признана площадка на Марьиной горе, в нижнем течении Черной речки. Но главный архитектор Тюменской области В. Бишкильцев был против предложенного комиссией места под строительство Сургутской ГРЭС, т.к. ранее пообещал отвести эти площадки под бочки с горючим нефтяной организации. На собрании руководителей всех предприятий и организаций Сургута разработчики проекта строящейся электростанции смогли убедить присутствующих в необходимости именно этого участка для строительства ГРЭС [9].

В сентябре 1964 г. Уральское отделение института «Теплоэлектропроект» получило задание спроектировать ГРЭС мощностью 1 200 000-2 400 000 киловатт. Главным инженером проекта утвержден А.Ф. Нечушкин [10]. Заказчиком проекта выступила дирекция Сургутской ГРЭС Ордена Ленина Свердловского районного энергетического управления «Свердловэнерго» [11].

Время шло. Уже началось строительство линии электропередачи Тюмень – Сургут. Руководители нефтегазовых организаций требовали срочного решения вопроса о вводе электростанции в Среднем Приобье.

Подготовленные и тщательно отработанные материалы УралТЭПом были посланы в Москву. Но по инструкции проектировщикам требовалось предоставить в Министерство энергетики и электрификации СССР 2-3 варианта проекта строительства ГРЭС, а у них был только один. И тогда они пошли на хитрость: на ходу разрабатывались доказательства неконкурентоспособности других несуществующих на практике вариантов.

И благодаря ограниченности во времени и обострению обстановки с электроснабжением в Среднем Приобье, последовало экстренное указание министерства незамедлительно выслать все документы по строительству Сургутской ГРЭС [12]. Всякое промедление грозило срывами, огромными экономическими потерями.

Как только утвердили проектно-сметную документацию в Москве, в Сургуте сразу началась работа по расчистке территории от леса под электростанцию и ее размещению, причем с уникально высокой точностью. Природные и, в частности, топографические условия оказались таковы, что сдвигка всего лишь на 100-200 м либо значительно снижала показатели по мощности, либо вообще не давала никакой возможности «посадить» станцию [13].

По существующим в то время правилам площадку для строительства станции должна была утвердить и закрепить специальным актом правительственная комиссия. В ее состав вошли специалисты проектной организации Уральского отделения Теплоэлектропроекта, строители и будущие эксплуатационники от «Свердловэнерго».

Сургут как район строительства был утвержден Министерством энергетики и электрификации лишь в 1965 г. и одобрен Госпланом [14].

Первые изыскатели приехали на строительную площадку летом 1965 г. Условия жизни были суровые: летом стояла невыносимая духота, а зимой – сильные морозы, но работы не прекращались ни на один день.

8 мая 1966 г. в Сургут вылетела Государственная комиссия в составе 13 человек для окончательного осмотра и протокольного закрепления выделенной под строительство ГРЭС-площадки [15].

К концу 1966 г. уже окончательно четко выделился Сургут как наиболее целесообразный по многим параметрам, значительно опережающий всех своих конкурентов энер-

гетический центр. Как отмечается в Проектном задании, «ГРЭС – это единственный участок территории, пригодный для размещения крупной электростанции, который расположен в пределах Сургутского Восточного промышленного узла» [16].

После выбора площадки для строительства началась работа, с одной стороны, по проектированию, а с другой – более глубоким топографическим, геологическим и гидрологическим исследованиями.

Первым и очень ответственным этапом во всей этой многогранной работе было создание водохранилища ГРЭС, необходимого для охлаждения воды, используемой в работе ГРЭС [17]. В результате многочисленных исследований выбрали место на отметке 40 м по отношению к уровню Балтийского моря. Другими словами, водохранилище Сургутской электростанции должно было быть на 40 м выше уровня Балтийского моря [18].

Речка Черная – небольшой приток Оби. В ходе исследований были определены объем воды и возможности реки по поддержанию уровня водохранилища, т.к. на будущей ГРЭС предусматривалось техническое водоснабжение по оборотной схеме глубинным водозабором [19]. В итоге, гидрологи не ошиблись: по водности она даже превышала данные предварительных набросков.

Изыскатели продолжали работать над поиском площадки под главный корпус и под другие основные сооружения. Приступили и к геологическим исследованиям: бурили скважины, устраивали шурфы, брали грунты на анализы прочности, плотности и т.д. Параллельно прорабатывалось само будущее здание и, прежде всего, главный корпус электростанции, с применением новейших материалов (для кровли, например, легких утеплителей, а также стеновых алюминиевых облегченных панелей) [20].

Проектное здание Сургутской ГРЭС было разработано в соответствии с плановым заданием на проектирование, утвержденным МЭиЭ СССР 24 апреля 1968 г. Два года потребовалось группе инженеров, чтобы закончить стадию проектирования и составить задание будущей ГРЭС. В том документе были решены принципиальные вопросы строительства ГРЭС: уточнено местонахождение станции, выбраны типы энергетических блоков, доказана необходимость строительства пускорезервной ТЭЦ, определены основные размеры и конструкции главного корпуса электростанции, вспомогательных сооружений, намечены трассы основных дорог, определен уровень будущего водохранилища и районы затопления. Были разработаны контуры и размеры гидроузла, основные объекты строительной базы. Строительство ГРЭС намечено было выполнить крупными и конструктивными элементами из наиболее высокопрочных, легких и современных материалов, выдерживающие особенности климата Сургута; стены выполнялись из стекла и специальных панелей, не требующих отделки [21].

Специалисты утверждают, что общий вес здания Сургутской электростанции в пять-шесть раз меньше, чем других тепловых станций такой же мощности, построенных когда-либо раньше. Еще одна особенность Сургутской ГРЭС состояла в том, что все корпуса энергогиганта предполагалось соединить между собой теплыми светлыми коридорами [22].

В проведении изыскательских работ проектировщикам незаменимую помощь и поддержку оказали Тюменский обком КПСС, облисполком, Сургутский горком партии, горисполком, руководители промышленных и транспортных предприятия города [23]. Согласно проекту мощность ГРЭС с учетом принятого к установке оборудования была определена в 1224 МВт. Конечная мощность ГРЭС определялась по нагрузкам Сургут-

ского нефтерайона на 1980 г. с учетом возможности выдачи части мощности в Уральскую энергосистему и составляли 2400 Мвт [24].

11 декабря 1967 г. был подписан приказ по союзному ордену Ленина строительно-монтажному тресту «Уралэнергострой» о начале строительства Сургутской ГРЭС [25]. В составе государственного союзного ордена Ленина строительно-монтажного треста Уралэнергострой в это же время было создано управление строительства Сургутской ГРЭС. Исполняющим обязанности начальника и главным инженером стройки назначен Е.М. Зеваков [27]. В письме Совета Министров СССР от 16 января 1968 г. извлялось согласие с предложением Минэнерго СССР о начале строительства Сургутской ГРЭС, и устанавливался объем капиталовложений на 1968 г. в сумме 8 млн. рублей, в том числе на строительно-монтажные работы 6 млн. рублей. Как отмечает В.Г. Губачев, для первого года строительства это был большой объем [28].

Проект ГРЭС-1, разработанный УралТЭПом, позднее был удостоен премии Совета Министров СССР.

Примечания

1. Нечушкин А. Ф. Подвиг на речке Черной // К победе коммунизма. – 1972. – 6 января.
2. Губачев В.Г. 25 лет Сургутской ГРЭС // Тюменская энергосистема. Героические будни созидания. – М., 1998. – С. 155.
3. Нечушкин А. Ф. Указ. соч.
4. Прищепа А.П. История Сургута второй половины XX века. – Сургут, 2005. – С. 66-67.
5. Швирикас А. И. Тюменские позывные. – М., 1985. – С. 51.
6. Нечушкин А. Ф. История создания Сургутских ГРЭС // Тюменская энергосистема. Героические будни созидания. – М., 1998. – С. 142.
7. Нечушкин А. Ф. Подвиг на речке... С. 3.
8. Нечушкин А. Ф. История создания... С. 139
9. Там же. – С. 139.
10. Нечушкин А. Ф. Подвиг на речке... С. 3.
11. Сургутская ГРЭС – М., 1992. – С. 4.
12. Нечушкин А. Ф. История создания... С. 142.
13. Там же. – С. 143.
14. Нечушкин А. Ф. Подвиг на речке... С. 3.
15. Нечушкин А. Ф. История создания... С. 144.
16. Технический архив ОКГ-2. Сургутская ГРЭС. Проектное задание. – Т. 1. Пояснительная записка. Часть 1. Общая. – С. 13.
17. Походенко А. Рукой подать до будущего // К победе коммунизма. – 1970. – 13 июня. – С. 3.
18. Нечушкин А. Ф. История создания... С. 143.
19. Архивный отдел администрации Сургута (АОАС). Ф. 113 Оп. 1 Д. 1. Л. 3.
20. Нечушкин А. Ф. История создания... С. 145.
21. Степанов Ю. Поэма о ГРЭС // Тюменский самородок. – М., 1974. – С. 303-304.
22. Нечушкин А. Ф. Подвиг на речке... С. 3.
23. Нечушкин А. Ф. Подвиг на речке... С. 3.

24. Технический архив ОКГ-2. Сургутская ГРЭС... С. 6.
25. Трофимова Н. Как начиналась энергетика // Новости Югры. – 2002. – 10 декабря. – С. 1.
26. Технический архив ОКГ-2. Сургутская ГРЭС... С. 486.
27. Прищепа А.П. Указ. соч. – С. 68.
28. Губачев В.Г. Указ. соч. – С. 156.

В.В. Рыкова, Е.И. Лукьянова

**СУРГУТСКИЙ РАЙОН:
НАУКОМЕТРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ДОКУМЕНТОПОТОКА
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕМАТИКИ
ИЗ БД СОБСТВЕННОЙ ГЕНЕРАЦИИ ГПНТБ СО РАН**

Сургутский район Ханты-Мансийского автономного округа – Югры представляет собой крупнейшее административное образование округа по территориальным показателям, количеству населения, а также уровню промышленного производства. Основой экономического благополучия региона является топливно-энергетический комплекс, который включает в себя геолого-разведочные, нефтегазодобывающие, трубопроводные предприятия, нефтегазоперерабатывающие заводы. Лидер нефтедобычи и разведочного бурения на его территории – ОАО «Сургутнефтегаз» [1].

Концепция устойчивого регионального развития включает три составляющие: экономическую, социальную и экологическую. Изученность экологического компонента устойчивого развития Сургутского района была проанализирована нами в предыдущей работе [2], где подчеркивалось, на какие компоненты природного комплекса следует обратить особое внимание при составлении перспективных научных программ по комплексному исследованию природы и природных ресурсов территории. В данной статье, которая является продолжением наукометрического (библиометрического) анализа регионального документального потока (ДП), будет охарактеризована изученность социально-экономической сферы региона, показана временная, тематическая и видовая структура ДП, наиболее продуктивные периодические издания, основные монографии и диссертационные исследования.

Выявление потока документов социально-экономической тематики по Сургутскому району было проведено с использованием проблемно-ориентированных баз данных собственной генерации Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения Российской академии наук (ГПНТБ СО РАН): «Проблемы Севера», «Экономика Сибири и Дальнего Востока», «Литература, искусство Сибири и Дальнего Востока», «Наука в Сибири и на Дальнем Востоке», «Устойчивое развитие природы и общества». В документальный массив вошли книги, статьи из периодических изданий и научных сборников, авторефераты диссертаций, материалы конференций, депонированные рукописи за период с 1989 по 2008 гг. Его объем составил около 1400 документов. Издания 2009 г. были исключены при анализе из ДП, так как они только начали поступать в фонды библиотеки. Каждое информационное сообщение ДП включает библиографическое описание, географическую и предметную рубрику, аннотацию, перевод к публикациям на иностранных языках.

Анализ распределения документов по годам выявил устойчивый рост публикаций по рассматриваемой тематике, что отчетливо видно на графике динамики ДП. Особенно четко эта тенденция прослеживается с конца 90-х, причем рост публикаций социальной тематики в 1999-2003 гг. происходил в геометрической прогрессии. Необходимо отметить, что документы за 2007-2008 гг. в информационный массив вошли не полностью, так как литература за эти годы еще продолжает поступать в библиотеку, поэтому следует ожидать прироста ДП и в последние 5 лет.

СОЦИАЛЬНЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Нами было проведено сравнение динамики потоков документов по трем составным компонентам устойчивого развития региона: экономическому, социальному и экологическому. Экономический кризис в 90-е годы прошлого века отрицательно сказался на финансировании научных исследований, следствием чего стала низкая публикационная активность ученых. Он также отразился и на структуре информационного массива: объем документов, посвященных социальной сфере, во много раз меньше массивов экономической или экологической тематики, причем доминирует ДП по экономике. В начале 21-го века количество публикаций по трем отраслям знания сравнялось и значительно выросло, что объясняется улучшением экономической ситуации в регионе и стране в целом. В последние годы отмечается опережающий рост документов экологической тематики, очевидно, это связано с увеличением антропогенной нагрузки на природные комплексы региона под влиянием интенсивной добычи нефти, ухудшением среды обитания живых организмов и человека, а также необходимостью проведения экологической экспертизы месторождений.

Диаграмма 1.

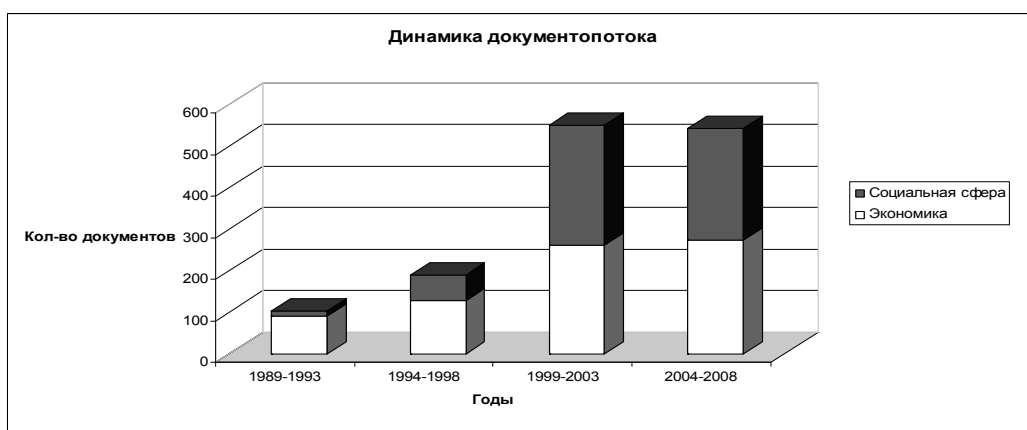

Диаграмма 2.

Структурирование ДП по видам изданий показывает превалирование журнальных статей, которые составили более трети ДП (36%). Наиболее продуктивными периодическими изданиями являются «Газовая промышленность», «Нефтяное хозяйство», «Северный регион», «Югра». Четвертую часть ДП составляют статьи из научных сборников (24%), среди которых следует отметить издания Сургутского государственного университета.

Существенная часть массива документов представлена материалами конференций, симпозиумов, совещаний (28%). Различные аспекты развития социально-экономической сферы региона стали предметом обсуждений на научных форумах различного уровня. Результаты региональных научных исследований по данной тематике были представлены на следующих конференциях: «Наука и инновации XXI века: окружная конференция молодых ученых (Сургут, 2007)»; «Экономическое развитие и охрана окружающей среды для устойчивого развития: Международный симпозиум (Ханты-Мансийск, 2007)»; «Состояние, тенденции и проблемы развития нефтегазового потенциала Западной Сибири: Международная академическая конференция (Тюмень, 2007)»; «Добыча, подготовка, транспорт нефти и газа: IV Всероссийская научно-практическая конференция (8-12 окт. 2007 г.)»; «VII Конференция молодых специалистов организаций, осуществляющих виды деятельности, связанной с использованием участками недр на территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (Ханты-Мансийск, 2007)»; «Современные проблемы адаптации и интеграции мигрантов в общества-реципиенты (Россия, Западная Сибирь, Югра): Всероссийская научно-практическая конференция (Сургут, 2007) и др.

За исследуемый период по данной теме было опубликовано более 70 монографий и защищено 56 диссертаций (5% и 4% ДП соответственно). Необходимо отметить, что в последние 5 лет вышла в свет третья часть монографий (пик выпуска монографий пришелся на 2005 г.) и 40% авторефератов диссертаций. Этот факт свидетельствует об активных исследованиях особенностей социально-экономического развития региона. Наверное, следует ожидать оформления диссертационных работ в монографические издания в ближайшее время (см. Приложение).

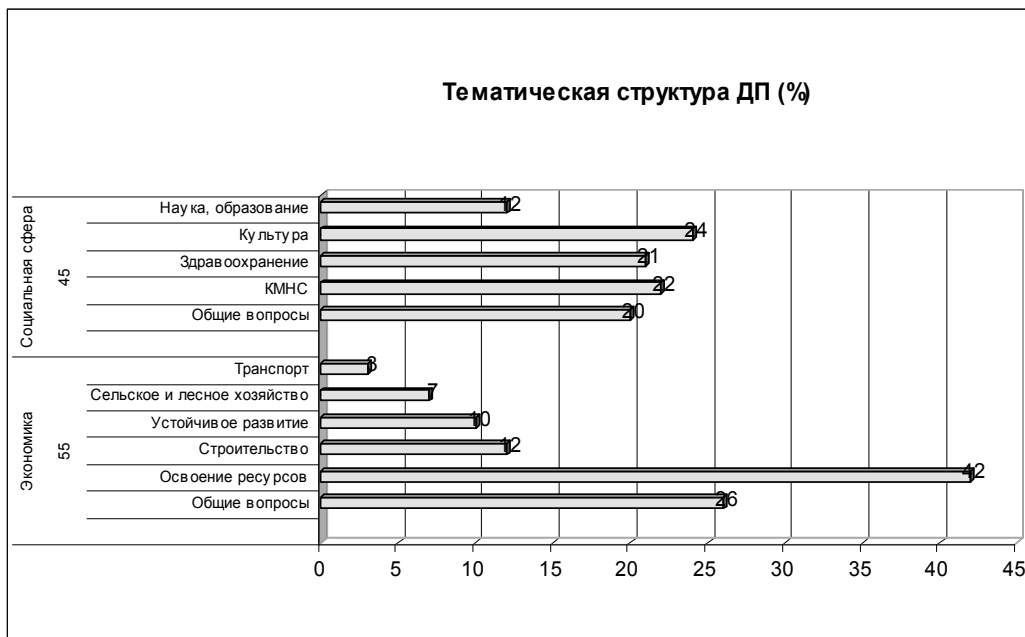
Диаграмма 3.

СОЦИАЛЬНЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Анализ тематической структуры ДП показал, что документы распределены между социальной и экономической сферой почти поровну (45% и 55% соответственно), с некоторым преобладанием работ экономической тематики.

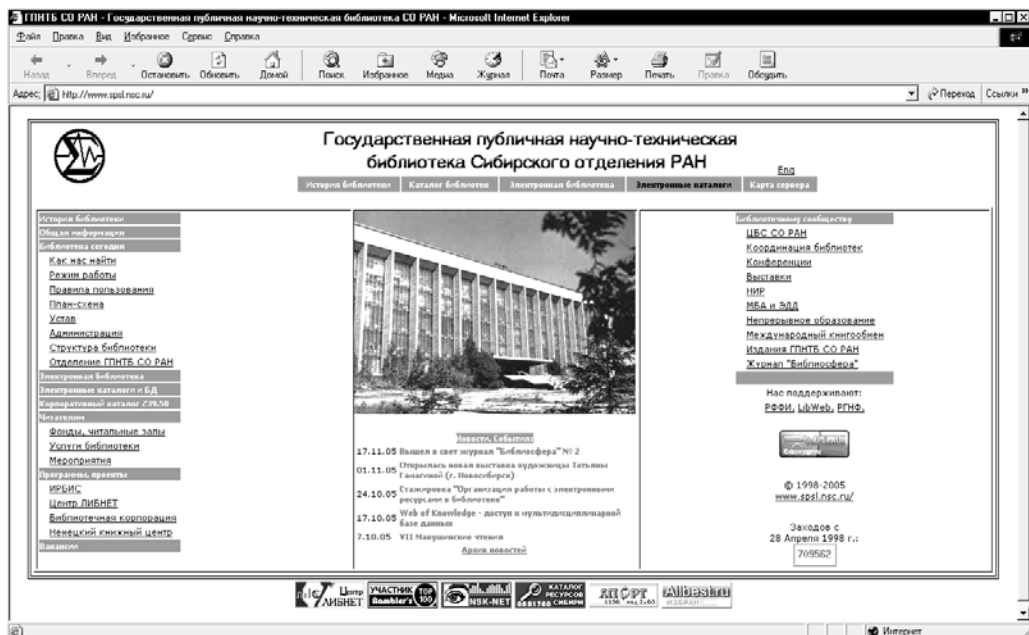
Диаграмма 4.

Изучение социальной сферы региона идет равномерно по всем направлениям: 20-24% изданий ДП посвящены исследованию проблем здравоохранения, культуры, коренных малочисленных народов Сургутского района, 12% ДП составляют работы по изучению научно-образовательного комплекса региона. В разделе «Экономика» четко видно преобладание документов, связанных с особенностями освоения природных ресурсов, что определено специализацией района – нефтедобычей. Достаточно хорошо изучены проблемы устойчивого развития региона и строительства (10% и 12% публикаций соответственно). Недостаточно внимания уделяется вопросам развития транспорта (3%), а также сельского и лесного хозяйства (7%). Этот факт следует учесть при составлении перспективных планов развития данной территории.

Таким образом, нами проанализирован ДП по Сургутскому району из баз данных собственной генерации ГПНТБ СО РАН, показана его видовая, временная и тематическая структура, а также недостаточная проработанность отдельных направлений региональных исследований. В заключение хотелось бы отметить, что всю информацию из БД можно найти на сайте библиотеки по адресу www.spsl.nsk.ru (опции «Электронные каталоги и БД» или «Электронная библиотека»). Особенностью информационных ресурсов, создаваемых нашей библиотекой, является систематизация предложенных материалов по предметным и географическим рубрикам, что существенно облегчает для специалистов поиск релевантного (особенно регионального) материала. Документы, информация о ко-

торых представлена в наших библиографических пособиях, можно легко получить по межбиблиотечному абонементу в электронной или традиционной форме, так как вся литература, на основе которой создаются БД, хранится в фондах ГПНТБ СО РАН или библиотеках сети.

Примечания

1. Официальный сайт Сургутского административного района ХМАО [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://www.admhmao.ru/common/surgut/index.htm>.
2. Рыкова, В.В. Библиометрический анализ документопотока по теме «Сургутский район: природа, ресурсы, их освоение». – Северный регион. – 2008 г. – № 2. – С. 136-139.

Приложение

Авторефераты диссертаций по Сургутскому району за 2005-2008 гг.

1. Авимская М.А. Строительство железнодорожной магистрали Тюмень-Сургут-Нижневартовск-Уренгой и его социокультурное обеспечение (сер. 1960-х – сер. 1980-х гг.): автореф. дис... канд. ист. наук – Сургут, 2006. – 22 с.
2. Григорук С.Д. Эколого-физиологические характеристики жителей г. Сургута трудоспособного возраста с дисфункциями сердечно-сосудистой системы: автореф. дис... канд. мед. наук. – Тюмень, 2005. – 23 с.
3. Гуренкова Т.Д. Проблемы формирования толерантности в сфере этноконфессиональных отношений северного города: социологический анализ: на материалах г. Сургута Ханты-Мансийс. авт. окр. – Югры : автореф. дис... канд. филос. наук. – М., 2008. – 22 с.

4. Дядькин С.Н. Обоснование, технология навесной сборки и мониторинг вантовых пролетных строений мостов с учетом климатических факторов: на примере моста через р. Обь у г. Сургута: автореф. дис... канд. техн. наук. – Волгоград, 2005. – 19 с.

5. Иванова А.Р. Совершенствование термогидродинамических методов исследования скважин: на примере Лянтор. нефтегазового месторожд. ОАО «Сургутнефтегаз»: автореф. дис... канд. техн. наук. – Уфа, 2008. – 22 с.

6. Ключева Л.А. Микроэкологические нарушения и их коррекция при хроническом рецидивирующем афтозном стоматите (на примере города Сургута) : автореф. дис... канд. мед. наук. – Сургут, 2005. – 22 с.

7. Козловская О.В. Клинико-эпидемиологическая характеристика стрептококковой инфекции в г. Сургуте: на примере скарлатины : автореф. дис... канд. мед. наук. – Омск, 2006. – 18 с.

8. Кравченко И. В. Содержание микронутриентов у школьников г. Сургута: автореф. дис... канд. биол. наук. – Сургут, 2005. – 24 с.

9. Латкина Е.И. Распространение отодектоза собак и кошек в Сургутском районе Ханты-Мансийского автономного округа и изучение эффективности новых препаратов при этой инвазии : автореф. дис... канд. ветеринар. наук – Тюмень, 2007. – 22 с.

10. Николаева Т.И. Комплексная оценка влияния объектов нефтегазовой отрасли на природные экосистемы: на примере Нефтеюганского и Сургутского районов ХМАО-Югры Тюменской области : автореф. дис... канд. техн. наук. – Уфа, 2008. – 23 с.

11. Прохорова Т.П. Роль базисной терапии в достижении контроля над бронхиальной астмой у детей (на модели г. Сургут) : автореф. дис... канд. мед. наук – Томск, 2005. – 23 с.

12. Расторгуева Т.И. Научное обоснование современных подходов к управлению человеческими ресурсами в здравоохранении Сургута: автореф. дис... доктора мед. наук. – М., 2009. – 48 с.

13. Русак С.Н. Системный анализ хаотической динамики факторов, формирующих среду обитания урбанизированной территории: на примере г. Сургута: автореф. дис... канд. биол. наук. – Сургут, 2008. – 27 с.

14. Серебрякова И.В. Становление профессионального сообщества специалистов системы сопровождения (на примере образовательной системы г. Сургута): автореф. дис... канд. пед. наук. – СПб., 2005. – 18 с.

15. Темиров Э.В. Разработка составов буферных жидкостей и тампонажных растворов для повышения качества крепления нефтяных и газовых скважин: на примере месторождений Сургутского региона: автореф. дис... канд. техн. наук. – Ставрополь, 2006. – 16 с.

16. Ульянова А.Е. Сургутское казачество в конце XVI - XVII вв.: автореф. дис... канд. ист. наук. – Сургут, 2006. – 23 с.

URBI ET ORBI

А.А. Исаев

«ФИЛОСОФИЯ ОДНОГО ПЕРЕУЛКА»

Комментарий в ритме интерлюдии

Вслушиваясь в мелодию или засмотревшись на огонь, застигнутые врасплох надменной красотой ландшафта или глубиной ночного неба, мы можем порой забыть. И этот переход неуловим: захваченные гармонией музыки, изменчивостью огня, совершенством природы или бесконечностью мира, мы вдруг оказываемся в пространстве зрения внутреннего, во власти сумеречных состояний сознания – пережитых ситуаций, смутных образов, виденных когда-то лиц, чья привычность впоследствии была утрачена. В этот момент все прежние впечатления, только что безраздельно владевшие нашей душой, теряют свою силу. Кажется, еще немного, и душа совсем освободится от власти непостижимого совершенства – представлений о гармонии, красоте, покое, к которым она стремилась так неутомимо. Однако если спросить нас, что же происходит в момент этого перехода от созерцания совершенства внешней формы к зрению внутреннему, то мы так ничего и не сможем сказать. И даже спустя время, когда уже и душа вернется на место, мы, сознавая, что нечто все же произошло, способны лишь признать, что задумались...

Эта так называемая задумчивость говорит не столько о зазоре в общем потоке нашей душевной жизни, сколько об ее связности и единстве. Даже само впечатление внезапного разрыва при переходе от одного состояния души к другому захватывает нас именно потому, что связность сознания не нарушается. Здесь мы улавливаем то, о чем в обычном состоянии даже не догадываемся – движение сознания. Правда, удерживается лишь ощущение некой глубины, и, едва возникнув, оно становится воспоминанием.

Мы не можем одним только усилием воли вернуть воспоминания и заставить душу еще раз пережить пережитое. Движение перехода от скованности души формой прекрасного к внутренней жизни сознания неуловимо не только для наших чувств, но и самой воли. Но можно ли назвать неуловимыми и произвольными состояние захваченности формой и состояние сознания? По-видимому, это вопрос к далеко влекущей неясности отношений души и сознания: если состояния сознания проявляют себя помимо воли, то что же тогда представляют собой наши волевые состояния? Почему именно в них мы стремимся видеть свое достоинство? Почему с нами вообще нечто происходит? И что это за реальность, которая открывается нам в переходе от одного состояния сознания к другому? Нужно ли при этом отказываться от столь обычного для нашей повседневности принуждения к сознанию, если оно в своем движении не считается ни с нашей волей, ни с состоянием души?

Впрочем, понятно: музыка, огонь, ландшафт или небо. Но, порой, то же происходит и во встрече с текстом. Он также способен захватить нашу душу. Пребывая в состоянии подобной захваченности, мы внезапно теряем нить рассуждений автора и открываем для себя переживания, никак не связанные с реальностью текста. Там, где поначалу было скрыто обещание совершенной формы, восприятие также способно споткнуться. Это означает, что и в отношении текста властно проявляет себя интерлюдия душевной жизни,

то и дело прерываемой нашей неспособностью непосредственно воспринимать и удерживать движение сознания.

По-видимому, мы покинуты своим же сознанием. Его забота о нашей душе лишена постоянства. Страх одиночества и вызван опасением внезапно оказаться в разрыве собственной сознательной жизни и неспособностью найти в себе силы, чтобы выбраться из него. Казалось бы, одиночество есть ни что иное, как обреченность на сознание и жизнь исключительно в сознании. Но именно одиночество, вызванное непостоянством отношений между душой и сознанием, наследует все признаки клаустрофобии.

Риск одиночества поддерживает не только соблазн философии, но и опасение, что состояние покинутости станет необратимо. Если мы достаточно честны, то надо признать: подмена жизни философией возможна и довольно легко случается. Однако известно, что ноша в начале пути кажется значительно легче. Смелость здесь граничит с неосмотрительностью. На деле, максимального напряжения сил требует не срыв в философию, а напротив, возвращение к жизни. Вследствие страха, вызываемого в нашей душе всяким возвращением, борьба с соблазнами самодостаточной мысли, зачастую, заканчивается ничем. В этом деле одного намерения мало, нужно хотя бы оказаться в точке выбора. Чтобы такая возможность представилась, недостаточно собственных усилий. Необходимо совпадение многого; нужна, быть может, и взаимность любви, пришедшей наперекор времени. Совершенство мелодии, огня, природы и таящейся в них бесконечности, подчиняя нашу душу, не спасает ее. Взаимность, пожалуй, единственное, что может сберечь нас от неволи и сожалений. Правда, от грусти не спасет и взаимность.

«С грустью – да, но не с сожалением» [1, с. 107].

С чего начинать? И нужно ли начинать вообще? Так всегда. Кажется, нерешительность сковала нашу волю с самого рождения и до сих пор удерживает ее в состоянии непоправимой задумчивости перед двумя равно заманчивыми состояниями – привязанностью к житейскому и отрешенностью опыта мысли. Сумеречное настроение.

Лишь изредка, очнувшись, мы вдруг видим нашу нерешительность в облике усталой пожилой женщины. Безуспешно пытается она вернуть свою последнюю и самую, быть может, неистовую любовь – обыкновенную русскую кошку-трехцветку, по собственной прихоти застывшую на обледеневшей иве. Однако ясность быстро проходит. И вновь наши, ожившие было, надежды бесследно исчезают в круговерти зелено-рыжего и белого цветов.

А может, и нет никакой задумчивости, как нет и лукавой мудрости. Просто наша нерешительность честно отрабатывает хлеб у более влиятельного сознания заурядности. Потому-то, наверное, самонадеянному благо на этом свете, а нерешительному – извечная маета и бесчисленные препирательства с собственной никчемностью, избравшей сварливость языком диалога.

И все же нас не покидает надежда: что если нерешительность на исходе? Что если она обречена и вскоре мы станем свободны, поняв, наконец-то, простую, в общем-то, вещь: для того чтобы чувствовать себя человеком, нам не нужно больше ждать и выдумывать несуществующие основания? Быть человеком – это единственная претензия, которая не нуждается в оправдании.

Если же круговерть жизни завладела нами бесповоротно, то что это как не повод для бегства в философию? Впрочем, по недосмотру, здесь и без нас хватает убогих. Получается, что с надеждой или без нее нам остается довольствоваться тем, что имеем, если, конечно, не достанет сил что-либо предпринять.

Горько, кто спорит, но иного не дано. Вокруг достаточно смирившихся с собственной никчемностью; причем смирившихся так, что это уже и не несчастье вовсе, а как бы отрада и даже оригинальность.

Унизительно? Подмена? Быть может. Но адрес таких предпочтений в добродетели весьма спорной – в высокомерной морали прямой спины: те, кто не согнулся, – кого они хотят обмануть? Неужели настоящее, мгновенно исчезающее в прошлом, не беспокоит их своей мимолетностью? Разве, на грани сна, страх расставания с очередным и как всегда не очень удачным наброском жизни не овладевает ими, пусть и умеющими скрывать? Не в этом ли страхе подлинная причина нашего бодрствования, а по сути, бессонницы? Впрочем, довольно вопросов. На взгорке этого стиля невозможно удержаться достаточно долго. Лучше смириться с обыденностью и вернуться к интонациям более прозаическим.

В ожидании порогов завтрашнего дня у таланта свои заботы и своя беспечность. Для заурядности, вынужденной быть покладистой и неутомимой, беспечность – это едва ли не самое загадочное. Вот и повод для зависти: привилегия таланта – не думать о продолжении.

«...Если ты уже выбрал философствование, то дороги назад, в нормальную жизнь, нет. И если ты попытаешься вернуться, то найдешь не жизнь, а то, что гораздо ниже и хуже жизни, и это будет гибелью тебя, который выбрал» [1, с. 7].

Смирение, пришедшее с определенностью. Усталость ранее неподвластной улыбке. Легкий испуг вдруг обретенного покоя. И звенящая тишина после невыносимо вибрирующей в сознании необходимости выбора. Истома и нежелание движения, любого, душевного или физического. Незамутненное, чистое ожидание иного существования, приходящего навсегда.

Счастлив, кто изведал и не оглянулся. И горе эстетам, лишенным воли. Попираемые кумиром совершенства, они не способны на независимое решение. Не из их ли числа вербуют мазохистов?

«Ныне покойный...».

Тема... Раздражение шутливой дружеской заботой «Я тебя похороню как подобает!» – разве это не негодование страха умереть раньше? Обратная сторона здесь – загнанное на задворки души желание более скорой, чем своя собственная, смерти окружающим и близким. Что им без тебя, если и сейчас они – лишь условие твоего существования? Ты же не иначе, как условие существования целого мира. Скука. Частный случай самолюбия, цепляющегося за любую, самую ничтожную возможность бытия.

«Быть или не быть» – фальшивая дилемма культуры, на деле лишь порождение суетной мелочности. Ее клеймо проступает и сквозь ретушь искреннего стремления вести себя в этом мире по-божески и достойно закончить дела. Страх смерти и жизнь как наивная попытка его преодолеть. Но что делать с боязнью самого страха смерти, очевидно ведь, что героизм не спасает?

Между тем, клин – клином... И вместо безуспешной борьбы – randevу страха смерти и страха позора. Предпочтение очевидно: страх смерти можно вынести, человек занимается этим всю жизнь. Но может ли он вынести стыд женского упрека «Не суетись!»? Конечно, жизнь есть жизнь, но ведь известно – не любой ценой.

«“Почти” – это то легкое изменение интонации, которое сделало бы меня безразличным к звуку моего собственного голоса» [1, с. 5].

Обжигающее дыхание предательства детства и прошлого вообще; страх прикосновения к забвению и после – долго не покидающее ощущение непоправимого. Но шорох

останков прежней добропорядочности все еще слышен. Неохотно и лениво они скатываются в бездну, куда-то, в абсолютном смысле, вниз. И лицо, все еще липкое от времени слез, когда дано было остаться человеком... Утрачено. Навсегда.

Неторопливая ежедневность попыток отмыть руки от соприкосновения с собственной нечистоплотностью. Ирония наблюдающей за этим снисходительной незыблемости, никогда и ни в чем не позволившей себе двусмысленности позы «почти». Нечеловеческое. Если прислушаться, – слишком нечеловеческое.

Страх позора – в невозможности возвращения, в необратимости проклятия того, что осталось и почти невинно. «Почти» – неуловимость однозначности, внезапность приговора, удивление, а за ним и растерянность перед категоричностью «навсегда».

«Почти» – преддверие кары, попытка речи и языка выразить иллюзорность порога между жизнью и смертью, и в то же время решающий удел второстепенного: «Почти – судьба...».

«В нынешнем промежуточном времени надо смыслы пропускать через себя. А это посылить сделать, только когда ты замер, недвижен, как мертвый. Ты – стоишь, а они – идут. И не бойся, ибо все сделано, чтобы ты остановился» [1, с. 24].

И жизнь, и смерть – события. Но почему-то время связывает их всегда в одном и том же порядке. По слухам, его так никому и не удалось нарушить. Прикосновение и жизни, и смерти к нашему существованию мимолетно. Отсюда и грезы свободы, и призрачная надежда на собственное движение вспять – от смерти к жизни. Но любое стремление преодолеть течение времени оборачивается не более чем паузой в необратимом движении к смерти. Что же, эта попытка неподчинения смерти, эти паузы и есть собственно жизнь? Или, быть может, иллюзия – это сам неумолимый поток времени? Но что же тогда успех в привычном его значении? И что твои неудачи, если ты живешь, только устранившись и претерпев?

Стоит ли удивляться тому, что красота, извините, смердит самовлюбленностью? Очевидно, корысть, имеющая ее, почерпнута в общем потоке, направляющемся к смерти. Здесь любые ценности призрачны, восторги мимолетны, в противном случае, приторны, а плоть требовательна и неутомима. Как же, наверное, надо спешить, пользуя себя и обменивая на обещания мира, да еще и не прогадав при этом? На большее – паузу – здравого смысла не хватает. А он – эконом. Поспособствует и жизнь не растратить. Но как, должно быть, грустно умирать с таким богатством.

«...Чисто русская чепуха! Здесь всегда стыдятся за другого. Стыд за другого стал формой нашего самосознания» [1, с. 42].

Зато как удобно! Во всяком случае, избавляет от необходимости стыдиться за себя. И все же в чувстве стыда главное – не интенция, а ее последствия, разгул справедливого негодования, столь необходимого пуританствующим душам.

«Так вы, конечно, считаете, что я с ними суров, нелюбезен, высокомерен, да? Так нет же... я их люблю. Да только их вовсе не интересует, что я им рассказываю. Они мной торгуются и за меня же стыдятся... Одна такая барышня, давно еще, все меня целовала, ласкала и приговаривала: “Я обожаю вас, чудного, замечательного, но мне все равно за вас отчего-то стыдно”. “Да отчего же?” – спрашиваю, а самому горько и мутно» [1, с. 43].

Молчание – условие возможности мысли; слово же, в некотором роде, сама ее возможность. Однако слово породило и грех пустословия. Мужчина, без видимых на то причин говорящий больше женщины, просто обречен на презрение, но вынужденный поступать так по необходимости, достоин сожаления. И вряд ли кто рассудит, что лучше или хотя бы терпимее.

Серость непозволительна и в постыдном. Все должно быть если и не талантливо, то хотя бы самозабвенно или, по крайней мере, безоглядно. В ином случае, лукавство в глазах, напротив, сменится раздражением: скука, как известно, не в чести.

«Если человек сознательно подготовлен к определенным негативным умственным состояниям, то он может переработать их, сознательно же, в позитивные. Это – “йога изменения внутренних состояний”. Когда же человек к этим состояниям не подготовлен и, главное, когда у него нет времени..., то выход может быть найден только во внешнем действии, резко нарушающем инерцию сознательной жизни. Это “йога действия”» [1, с. 46].

Умение поступать сообразно обстоятельствам, навык экспромта, при отсутствии сожалений о ранах вынужденной неточности, – не эти ли черты пренебрежения размеренностью и благополучием служат предметом житейской зависти, имя которому – «удача»?

Одно из разрушительных опасений жизни – страх неожиданного. Но и он не способен служить предвестником перемен. Все происходящее застаёт тебя врасплох. И чей-то, даже ожидаемый задолго, приезд напрочь лишает воли. Невольная корысть: так, ты открываешь в собственной душе боязнь предсказуемого и ожидаемого. Чего же ты не боишься, равно окутанный страхом и неведомого, и очевидного? Но должны ли бояться своего бога жрецы? Должны ли бояться собственного страха те, кого он не покидает?

«...Надо крайне остерегаться слов, которые потом могут оказаться ложью» [1, с. 48].

Соблазн лжи властвует и над теми, кто, по преимуществу, честен. Быть может, честность как таковая – призрак? Общеизвестная фикция; нечто сродни возможности? Однако и в этой роли ее хватает на то, чтобы преодолеть соблазн реально существующей лжи как заведомо неверного.

Мы честны лишь однажды – когда знаем, чего не хотим; но неизменно лживы, утверждая желание.

«Негативно, регрессия – это отсутствие созерцания, а позитивно – это применение к жизни тех умственных способностей и состояний сознания, реальное назначение которых в применении к созерцанию, а не к жизни» [1, с. 65]. Однако как хочется жить! Жить и двигаться. Благословенно состояние души и сама жизнь, когда очередное утро не вызывает вопроса «Зачем?».

Страшно, когда годы проходят в воспаленном сознании утраты привязанностей; потаенное вспыхивает бунтом безумства и обжигающей жалости к себе; а в сознании оживает строгость детских лесных страхов, когда-то разрушивших опеку привычного и родного.

Дикая и всегда несвоевременная встреча с заброшенностью и одиночеством. Так возвращается обретенное в детстве, но вновь не узнанное ощущение напрасности любого личного бытия, да и бытия вообще.

«...“Думать будет труднее” <...> это значит, что можно будет и жить, а не только думать. То есть жить отдельно от думанья и созерцания. И мне придется силой отворачиваться от жизни, чтобы сохранить способность к созерцательному наблюдению этой же жизни» [1, с. 71].

В кутерьме недавних лет полемический задор и горячность служили, конечно, не истине, а делу личного спасения. Суета повсеместной лжи требовала активности, и тебе, избравшему не-движение условием сохранения себя, оставалось только стать борцом «за правду». Но в спорах с другими, в невольных уступках чужим амбициям, рождалась и хрупкая правда твоей лени.

Со временем исчез, испарился призрак повода для спора. Но поводья жизни по-прежнему в чужих руках. А ты, как и раньше, избегаешь добродетели, все также ленив и, как обычно, праведник поневоле.

«Нет ничего страшнее, чем мыслить сейчас» [1, с. 78].

И нет ничего страшнее, чем мыслить. В пору опьяняющего выбора вкрадчивое искушение мыслью рассыпается смехом злорадства: простительно не понять Бога, ибо не всем дано; но грех обмануться дьяволом слишком уж откровенен, чтобы действительно быть мыслью.

Неумение прокормить себя даже благотворно, а если речь идет о позднем госте или ребенке? Требования обычая протестуют против твоего выбора. Можно ли и далее не замечать очевидного? Честолюбие? Извлеченное из забвения, оно вновь на пороге немим укором: «...есть Божья искра. Она главное, все остальное преходяще. Она – есть, и если Вы в это верите, то ничто ее загасить не сможет. Именно потому, что она Божья. Нужно радоваться этому, нужно сознавать это как факт обладания несметным сокровищем. Вам не характер тяжелый дан, а сокровище Божье. Мысль о тяжелом характере – это наущение дьявольское...».

Но и дьявол, порой, дает дельные советы. Следовать им предосудительно вовсе не потому, что они бесполезны, а потому, что исходят от дьявола.

Могут ли быть равносильны искушение и доводы разума, грех и мысль? По-видимому, да. И, прежде всего, когда ведут к одному. Но искушение опрометчиво, а доводы разума подсудны. Поэтому ни одна попытка извлечь смысл из присутствия в этом мире не была свободна от сожалений.

«Чтобы выжить, а потом – свидетельствовать, надо до такой степени вжиться в эпоху и людей, чтобы различие между ними и тобою стало бы почти неосязаемым. Необходимо не только понять объективные резоны, заставляющие палача пытать свою жертву, но и его субъективные состояния, позволяющие ему это делать. А работает палач не на себя, а на эпоху, на того нового человека, который уже приходит» [1, с. 84].

Какой точностью отличалось бы повествование о прошлом, если бы историю писали палачи. Еще лучше – прямые исполнители. Как бы назидательна была история, если бы из более-менее приметных деятелей никто не имел права оставить этот мир, не дав письменного отчета о всех смертных грехах и заслуживающих внимания подлостях!

Но великим недосуг, а исполнителей их воли мучает совесть – они никак не могут унять холодную дрожь в руках, что, конечно же, препятствует желанию взять в руки перо.

Вот и слагается история домоседами, не способными на поступок; ремесленниками с их неуклюжими попытками вжиться в образ чужого величия и вечным стремлением подсунуть резоны своей заурядности вместо бывших на деле. Здесь казнь превращается в фарс, а палач по случаю – в негодя по призванию.

Так и живем. Если и приходит знание, то это знание собственного неведения. Мудро устроен свет: на смену непримиримой юности приходит терпимая и все понимающая зрелость, а немного позднее и всепрощающая старость. В итоге, жизнь уходит на то, чтобы понять тщету ее. Вся жизнь как прощение собственной неспособности жить (плохо скрываема догадка): не есть ли смерть – немедленный уход вполне понявших это?

«...Отчего французские экзистенциалисты, все почти, такие плохие философы? Оттого, что они слишком ясно видят невыносимость существования (причина) и неизбежность выбора (следствие)... Выбор у них полностью оторван от судьбы, а мышление о прошлом – от их настоящего. Русский философ, если взять его, как “тип мышле-

ния”, прямо противоположен экзистенциалисту по типу своей ошибки. Русский философ непрерывно анализирует прошлое, но делает это с таким чувством, как будто он... натворил в этом прошлом что-то ужасное и ожидает за это менее ужасной кары в настоящем или ближайшем будущем. А если этот обобщенный русский философ еще и “религиозный”, то сама эта кара мыслится им не иначе, как коллективная... Но хуже всего, когда русский философ пытается перейти от прошлого к будущему, т. е. пытается разобраться в “субъективной каше” настоящего. Тут он сразу становится прагматиком и социальным активистом» [1, с. 84-85].

Предосудительна ли национальная ангажированность философской мысли? Вопрос, отчасти, риторический, однако, и в деле познания сути вещей трудно сохранить невозмутимость маски. Это возможно лишь в пространстве сложившихся представлений. Между тем, в философии именно окольные ноты звучат пронзительнее всего.

Философию трудно заподозрить в настроении угодливости господствующим предрассудкам; как правило, философская мысль рождается по неведению, т. е. вообще без настроения или вне всякой связи с настроением. Зачастую, это следствие опрометчивости тех ротозеев, которые были застигнуты мыслью врасплох и не успели уклониться.

Взгляд Горгоны не оставляет зазора ни для выбора, ни для капризов воли. Так же и взгляд философии: гримаса неопределенности, уничтожающая малейшую склонность и к элементарному поступку.

«...Я боюсь будущего, но я знаю, что мой страх не есть мышление, а есть... отсутствие мышления о том, что происходит в настоящем, и прежде всего – во мне самом как я сейчас есть» [1, с. 85-86].

В предстоянии будущему предпочтительна готовность и непростительна надежда, а страх еще и опасен. Но мыслящему все же есть на кого рассчитывать – на собственные силы. Всем остальным – только на везение.

Увлеченность настоящим скоротечна, укорененность в прошлом тщеславна, а надежда на будущее беспочвенна. Что остается тебе? Быть может, достоинство? Негибкое и неудобное для жизни, но способное противостоять страху.

«...Каждая мысль является своего рода живым существом, целой жизнью. Но попробуй думать о мысли, и ты сам увидишь, как она разделится на ячейки, каждая из которых – мертва, а весь процесс есть смерть...» [1, с. 86].

Пространство жизни не обходится без окрестностей, как не обходится оно без посторонних глаз и пронзительных локтей. Мышление, напротив, только за собственный счет и, по сути, без свидетелей. Поэтому возможность мысли – уже не жизнь.

Такая же путаница и с движением. Будучи способом существования жизни, оно нуждается в ориентирах. Здесь изначально важна цель. Однако мысль способна навредить цели, сделав невозможным движение: как проявление жизни оно исключает и саму мысль о мысли.

Мышление возможно до или после, но никак не во время жизни. Оттого много думают дети и старики. Хотя одним, казалось бы, рано; другим – уже ни к чему. Всем же остальным – просто недосуг. Они движутся. Живут.

Такова жизнь. И она прекрасно обходится без мысли.

«Когда нам уже не о чем серьезно разговаривать, то мы начинаем высмеивать то, о чем раньше говорили с благоговением» [1, с. 99].

Мораль проста: если говорить серьезно, то лучше не говорить совсем.

«Уже в самом начале любого индивидуального философствования абсолютно необходимо полное оставление тобой понимания жизненных связей, <...> ничто так не привязывает к жизни, как ее понимание» [1, с. 110].

Юношеская мудрость идущего рядом: «В жизни разбираются все...». Недоумение: куда же, в этом случае, отнести себя? Быть может, не понимая жизни, мы не имеем и права принимать участие в происходящем? Следствие: бездна усилий, потраченных на попытки примирить мысль и жизнь. Затраты, конечно, напрасны. Не стоило усердствовать. И стоит ли сожалеть? Много проще согласиться и думать. Ни о чем и временами. Вместо жизни.

«Ты и жизнь любишь только как условие для твоего думанья, но никак не ее самое... Настоящий комфорт тебе не по нраву вовсе не из-за твоих “скрытых аскетических тенденций” ..., а из-за очень плохо скрываемого страха остановки. Остановиться для тебя – значит поддаться жизни. А ты не хочешь жить до смерти. Что же на самом деле ты хочешь? Ха-ха, чаще всего – сигарету и чашечку кофе! А потом опять – на улицу, в дождь, на солнце – думать ни о чем. Чтобы не дать застать себя врасплох, да? Что ж, мне ли тебя в этом упрекать, когда оба мы – жалкие чемпионы растраты мысли» [1, с. 137].

Казалось бы, безуспешность попыток понять жизнь и примириться с окружающими преподнесла тебе хороший урок, и ты уже никогда не поддашься уговорам и соблазнам этого фейерверка лицемерия. Но увы!

Вновь время проходит в пустых ожиданиях и бесполезных хлопотах. И, виноватым, ты возвращаешься в державу мысли. Растерянно перебираешь что-то руками и удивляешься тому, что кое-какие предметы еще сохранили следы твоих прежних прикосновений. И вновь, хотя и с тяжелым сердцем, отдаешься привычной и скоро изматывающей непредсказуемости мысли, которой тлеющее лукавство соблазнов заоконного пространства всегда было только на руку.

Усталость вдвойне. Кажется, надрыв самого отчаяния: когда же это кончится?! Впрочем, и *«спрашивая, мы уже знаем свой ответ и ищем лишь его подтверждение» [1, с. 142].*

«...Беседующие беседуют как реально знающие..., а не как потенциальные знатоки еще не осознанных вещей <...> “то, на чем я сейчас стою, мое знание и не-знание, – тоже имеет положительный смысл” <...> “...фактически мы в любом споре опровергаем собеседника, а не то, что он говорит”» [1, с. 145].

Ты далек от мысли. Но и мысль, захватившая тебя, как бы ставшая тобой, не свободна от твоих пороков. А потому – не вполне мысль. Мысль сама по себе и мысль как порождение твоей телесности, целостности твоего существа – вот стоны раздора.

Отсюда, и интрига спора: самоотождествление с тем, что ты высказываешь, зачастую, воспринимается как стремление показать себя. Это и заставляет опровергать человека, а не его суждения. В противном случае, говорить, беседовать, спорить было бы ни к чему. Ибо мысль саму по себе опровергнуть невозможно. Это было бы равносильно отказу от последней возможности установить соответствие собственного существования тому, что есть на самом деле.

Ты безнадежно вторичен и живешь заимствованиями. Любое твое высказывание, в лучшем случае, подтверждение умения пользоваться тем, что уже было однажды. Оппоненты, быть может, лояльные к собственным суждениям, ощущают твою самонадеян-

ность неким иррациональным образом. И пусть не по праву, но все же опровергают тебя, как бы напоминая, что живешь ты в долг.

Это положение вещей – непостижимая подмена мысли собственной персоной и, как следствие, способность жить в долг, за счет мысли, рожденной кем-то – сохраняется и в проповеди научных истин. Что в итоге? Воссоздание себя, домик из песка, тщета попыток оспорить недолговечность своего существования, под которыми, с первого дня, простирается фундаментальная обреченность.

Счастлив тот, кто обманулся. Или хотя бы привык и не изобретал способов открыть ранее не бывшее.

«Настоящий учитель отличается от других учителей – так же, как и от всего остального человечества, – прежде всего тем, что все, что он делает и говорит, он делает и говорит абсолютно <...> Что думает учитель – неважно, <...> важнее то, что думает ученик, но и это... – форма. Задача учителя, чтобы его ученик понимал в себе хотя бы это <...> Он один знает неизбежность поражения, если выступишь – истина <...> истина не передается, а возникает внутри коммуникации. Коммуникация – это место, где есть потенциал истины» [1, с. 148-149].

Самое загадочное в подобном диалоге то, что заставляет идти в последователи к обреченным. Судьба эпигонов... По-видимому, приближение к небытию притягательно. Хотя действительного лица истины никто не видел, но почему-то все решили, что оно должно быть прекрасно.

Наверное, здесь важна не интрига мест и ролей, а некая призрачная цель. Может и учителя, и ученика привлекает идея восполнения до некоего целого? Но кто вообще может закончить начатое тобой?

Бывает и проще, много проще – влюбленность в глаза напротив. Как все-таки люди любят смотреться в зеркало чужой души! Должно быть, это отражение и восполняет собственный образ, как и истина, не виденный ранее, но навязчиво утверждающий себя в сознании.

Впрочем, ученичество возможно и в библейском смысле: как исправление торопливости Бога. Помощник человеку, преуспев в своем, в остальных вопросах оказался довольно беспомощным. Ребро не было мозговой костью.

Наверное, ученичество, в собственном своем смысле, – очередное имя маеты души. Последняя пора безответственности и всепрощения. Не «второе рождение», а попросту продленное детство. И грусть учителя. Его непередаваемая тревога и страх одиночества – всегдашнее напоминание о смерти, тщете пройденного и наивности надежд.

Одним словом, пора...

Москва, 1993.

Примечания

Многие ли жилали в переулке? Философия – дело, по преимуществу, городское, занятие площадей. Не каждый отважится обзавестись хижинкой в Шварцвальде или хотя бы в Карино. Но способны ли жители больших улиц понять, что это значит – жить в переулке? Небольшая, во многом странная и почти незаконная вещь А.М. Пятигорского «Философия одного переулка» (1992) – свидетельство тому, что в большом мире есть множество метафизических пространств, которые только страдают от вынужденной связи с ним.

1. Пятигорский А.М. Философия одного переулка. – М.: Прогресс, 1992.

В.В. Корнеев

ИНДИВИД И ГРУППА

Под индивидом, как правило, понимается единичное существо, носитель уникальных черт, качеств, характеристик или отдельный представитель общности. Слово «индивид» в русском языке является калькой с латинского *individuum* – неделимый, примерно в том же смысле, что и греческое слово «атом». Таким образом, индивид – это нечто единичное, уникальное, отдельное, неразложимое на части (неделимое). Понимание индивида как субъекта (следовательно – причины) своих качеств, черт и свойств, доминирующее среди других представлений об индивиде, заключается в том, что индивид мыслится существующим с этими качествами и проявляющим себя через эти качества. В рамках такого представления качества и свойства мыслятся «принадлежащими» индивиду в силу каких-то обстоятельств, природных или социальных.

Политическое представление об индивиде как о экономически и политически самостоятельном, автономном человеке обусловлено историческими переменами в экономическом и политическом строении западного общества, проходившими примерно с XIV по XIX века. Указанные перемены происходили достаточно долгое время, поэтому инструментальное в определенных условиях представление об индивиде стало восприниматься как естественное, хотя, скажем, ни античность, ни средневековые такого представления не имеют. Представление об индивиде является не более чем выразительной фигурой речи политического и экономического дискурса эпохи зарождающегося и становящегося капитализма.

Понятие рационального индивида, в котором в единстве совпали многие желания, взрывавшие в условиях порой не столь благоприятных, как те, в которых потребовались представления об индивиде, в конечном итоге оказавшиеся четко сформулированными, например, в «Декларации прав человека и гражданина». Можно сказать, переведя представление об индивиде на сегодняшний язык теоретических знаний, что «индивид» поры своего создания представлял всего лишь модель системы определенных отношений, осмысленных в пределах некоторого смыслового топоса, границы которого задаются несколькими, как сегодня кажется, весьма произвольно и некритично принятыми гипотезами.

1. Во-первых, «естественным» полагается, что отдельность и обособленность, а также уникальность индивида определяются непосредственно, в наблюдении за субстратом, и вместе формируют то, что называется телом (гипотеза тела);

2. Во-вторых, «естественным» полагается, что индивид обладает определенными качествами, свойствами и чертами, каковые «принадлежат» ему как субстрату (гипотеза обладания качествами);

3. В-третьих, «естественным» полагается, что индивид способен разумно, рационально, осознанно пользоваться этими качествами (гипотеза разумности);

4. В-четвертых, «естественным» полагается, что индивид способен пользоваться принадлежащими ему качествами для достижения предполагаемого результата (гипотеза рационального целеполагания);

5. В-пятых, «естественным» полагается, что индивиды, будучи отдельными телами, могут действовать совместно на основе рационального выбора (гипотеза рационального совместного действия).

Первые две гипотезы описывают индивида как некое множество качеств, имеющих целостное и отдельное (обособленное, индивидуальное) основание (субстрат) своего существования. Следующие три гипотезы рассматривают индивида как некоторое автономное образование, обладающее разумностью (рациональностью) как своим неотъемлемым качеством.

Ни одна из этих гипотез сегодня не может быть принята без многочисленных ограничений, которые, вполне возможно, полностью устраняют смысл самих гипотез, создавая новые, противоположные, или, как минимум, весьма далекие смыслы. В контексте современных представлений о социальных связях указанные гипотезы представляются не более чем *ad hoc*-гипотезами, созданными «к случаю» для специальных целей, каковыми явились необходимость «гуманистического» рассмотрения человека как индивида в условиях зарождения торгово-промышленной буржуазии.

Кажущиеся, на первый взгляд, очевидными отношения противоположности между индивидом и группой представляются не вполне таковыми при более внимательном рассмотрении. При этом мы называем индивидом нечто, что, как нам кажется, по каким-то признакам отличается от всего другого. Степень «отдельности» и «выделенности» определяется, как правило, произвольно и зависит от набора социокультурных пресуппозиций (фреймов), используемых наблюдателем, и мало или никак не зависит от логики существования объекта. Использование набора пресуппозиций для выявления индивида приводит к сложности его строгого определения, и под «индивидом» часто понимается «то, что мне представляется индивидом», и нечто называется индивидом, до того, как получится представить доказательство этого. Фактически, мы бездоказательно говорим: «вот это – индивид», поскольку нам *просто* представляется очевидным в непосредственном восприятии, что «это – индивид». Тем не менее, следует указать на то, что определение индивида пресуппозиционально и обусловлено как нашей способностью, так и нашими научениями воспринимать его в качестве отдельного от других образования.

Критика представления об индивиде может опираться на несколько моментов. Во-первых, никто никогда не сталкивается с индивидом как с обособленным индивидуальным телом в каком-то одном аспекте или в какой-то одной его функции. Представление об обособленности любого действительно существующего тела является абстракцией. Очевидно, что в качестве объекта изучения любое тело бесконечно многообразно, и мы всегда сталкиваемся с телом в самом различном множестве его аспектов и функций. Можно сказать, что всякое взаимодействие с телом порождается только той функциональностью, которая проявляется в отношении нас и становится нам доступной. Множественная функциональность относительно нас, связываемая нами с каким-то субстратом, принимается нами абстрактно как единичное тело.

Во-вторых, само представление об обособленном и отдельном от контекста своего существования представляется сегодня не отвечающим требованиям минимальной аналитичности. Индивидуальное тело суть только абстракция, за которой скрывается множество действительных контекстуальных отношений и взаимозависимостей, в пересечении которых возникает относительно устойчивое образование, которое также абстрактно и именуется «отдельным телом». В этом случае тело также проявляет себя через свою функциональность и, называясь «индивидуальным» и «отдельным», фактически представляется контекстуально выявляемой и определяемой совокупностью отношений.

Связанным с индивидом понятием является понятие «группы». Поскольку «группа» обычно понимается, в конечном итоге, именно как «множество отдельных тел»,

то есть смысл рассмотреть ее в том же аналитическом контексте, что и индивида. Предположение о том, что «группы состоят из индивидов» так же, как целое состоит из частей, как правило, без критики принимается в части определения группы. Варианты такого представления («множество индивидов составляют группу», «члены группы являются индивидами») являются распространенными обыденными высказываниями.

Именованье «группы» применительно к другому объекту рассмотрения бывает практически столь же бездоказательно, как случай, когда нечто другое именуется индивидом. Мы утверждаем: «вот это – группа», только на основании предположения, что «это – группа», поскольку, как правило, недостаточно критично принимаем высказывание «группы состоят из индивидов».

Между тем, уже в таком примитивном понимании, используя представление об атомарном теле, очевидно, что отношения «индивид-группа» не являются строгими онтологическими противоположностями, поскольку индивид – это часть группы, а группа – это множество индивидов. Связь между индивидом и группой в таком контексте строится только на представлении о том, что «какие-то индивиды мыслятся относящимися к одной группе». Строго говоря, атомарность индивида не предполагает его связь с другими индивидами, поскольку наличие связи говорит о некоторой общности, что заранее отрицается определением. Поэтому представление об атомарности индивида внутренне противоречиво. Именно по этой причине в представление о группе «стыдливо» («через заднюю дверь», как любили говорить в XIX веке классики марксизма) вводится невысказываемое признание за индивидами свойства «иметь связь» между собой. «Связь» между отдельными телами вводится наблюдателем, то есть гетерономно для группы, на основании какого-то общего признака, не вытекающего из логики существования группы, что позволяет говорить о пресуппозициональном якобы «возникновении» группы из «связи» индивидов. Между тем, как раз на предположении о возможностях некоторой гипотетической связи между индивидами строилась львиная доля всех естественно-правовых утверждений, до сих пор имеющих вес в политике.

Группа, чаще всего, представляется как «множественный индивид», что, очевидно, лишает нас возможности их противоположного рассмотрения. Поскольку представление о группе, в определенной мере, вытекает из понятия индивида, а «группа» может быть представлена как «множество индивидов», находящихся в той или иной связи, представляется необходимым рассмотреть индивида по отношению к своей смысловой противоположности, которой группа, по определению, не является.

Если мыслить индивида как обособленное множество качеств, имеющих свое основание в некотором отдельном субстанциальном образовании (объекте), то основной смысловой упор следует делать на понятии отдельной части некоторого целого, априорно отдельного объекта. Действительно, индивид определяется, в первую очередь, тем, что он может быть «отделен» от контекста, выделен из неразличимости как нечто определенное и уникальное, но также индивид необходимо обладает своей «природой», неким субстратом (телом), выступающей носителем проявляемых качеств индивида.

По этой причине смысловой противоположностью индивида можно будет назвать отсутствие качеств, относящихся к части целого, то есть не-частность, не-объектность (то, что индивид может быть представлен как апостериорный конвенциональный объект, здесь, за неимением места, не рассматривается). Не-индивид, в противоположность от индивида, характеризуется объективной не-выделенностью из контекста, что означает, что «качества» не мыслятся относимыми к отдельной части целого.

Для рассмотрения ситуации индивида и группы, а также для рассмотрения отношений части и целого, потребуется ввести несколько понятий и обозначить некоторые отношения с этими понятиями. Вводимые понятия: «форма», «топография», «ряд».

Методологическим принципом рассмотрения индивида и группы будет герменевтика. Герменевтическое требование «создания текста и операций с ним» здесь вводится без дополнительных обоснований, поскольку является методологическим принципом и не может быть обсуждено в рамках данной статьи. Поэтому предлагается принять ниже следующее представление о топографии как версию «текста» со всеми вытекающими герменевтическими следствиями.

Представление о форме может быть конкретным, как в случае, например, разговора о «восприятии формы пирамиды», но может быть и абстрактным, когда мы говорим, например, о форме доказательства. Чтобы избежать избыточной метафоричности, имеет смысл оговорить представление о форме, используемое по отношению к употребляемому термину «форма». Поскольку форма, как будет показано ниже, осмысливается в том же контексте, что и движение, и является одной из основополагающих характеристик всего настоящего изложения, невозможно, чтобы представление о форме было бы чем-то закрытым для понимания. Представление о форме должно быть четким и максимально ясным, и правилом использования слова «форма» должна быть очевидная возможность пространственно фиксировать форму, то есть отображать ее. Требование фиксации и отображения формы порождает требование понимать под формой можно то, как и каким образом нечто находит себе проявление.

Введем понятие «форма». Форма – это определенное, фиксируемое (как-либо на/в каком-либо материале) пространственное расположение (конфигурация) объекта относительно других объектов. Поскольку слово «объект» в данном случае отражает ни что иное, как конкретное, имеющее свои ориентиры в пространстве тело, то для данного случая вполне можно использовать слово «тело». Форма в нашем случае – это всегда именно форма тела, что, по сути, является криптоэстетической категорией.

Необходимость фиксации формы вытекает из методологического принципа «отображения действительности» и заключается в том, что, поскольку действительность необходимо фиксируется в том или ином виде, зависящем от различия пресуппозиций, то рамки исследования должны включать в себя социально доступную и примерно единообразную фиксацию действительности в том или ином виде, то есть включать в себя доступный для интерпретации текст в качестве отображения реальности. Поэтому под топографией как «отображением» будет пониматься особый «текст», состоящий из множества знаков, представляющих различные запечатления формы.

Топография как понятие представляет собой запечатление формы (как-либо на/в том или ином материале) и является отображением формы, то есть эстетической категорией. Топография – это представление о форме (отображение формы), взятое, как минимум, в каком-то одном аспекте существования этой формы; всего же этих аспектов может быть сколько угодно. Отдельный аспект запечатления формы, из одного или множества которых состоит топография, можно назвать частью топографии. Топография может состоять из одной части или иметь неопределенное количество частей.

Можно выделить полную топографию и неполную топографию. Полная топография включает в себя все частные случаи запечатления аспектов формы, или все части топографии. К полной топографии, по определению, не могут быть добавлены другие части. Неполная топография включает в себя не все части топографии и представляет

неполную последовательность запечатлений формы. К неполной топографии может быть добавлено любое дополнительное количество частей.

Топография присутствия тела как формы определена через возможность конкретного, контекстуально-определенного действия этого тела. Определяя топографию как множество тем или иным образом зафиксированных в пространстве положений тела, можно говорить о том, что таковые положения всегда зависят от того, в каких условиях они проявляются. Естественно, что топография движения тела, взятая, например, относительно большого свободного пространства в большой комнате, будет иной, нежели топография движения, рассмотренная относительно крайне стесненных условий. Поэтому можно определить общее условие – топография движения зависит от возможностей к движению и от условий, в каковых это движение осуществляется. Возможно, более понятным будет представить сказанное относительно человеческого тела, которое можно представить предельно наглядно: человек, передвигающийся на корточках, движется иначе, чем в полный рост; бегом иначе, чем пешком; в трубе в полроста движется иначе, чем на большой площади.

Все произведенные человеком движения, вся его топография, антропоморфичны, несут на себе характер («отпечаток») его тела. Форма тела и изменения этой формы определяют топографию. Отсюда следует два довольно простых вывода. Первый из них таков: все, сделанное человеком, несет на себе топографические особенности человека. Другими словами, топография человека при некотором действии (изготовлении или разрушении) отображается на материале действия. Второй вывод: любое действие человека, привело оно к отображению или нет или остановилось в конечной фиксации, может считаться топографическим фактом, или формой в широком смысле. Действительно, поскольку не существует принципиальной разницы между моим движением по песку и по воде, их следует признать одинаковыми, даже несмотря на то, что на песке остаются следы, а на воде – нет.

Любое произведение, любая сделанная человеком вещь антропоморфична в том смысле, что несет на себе следы человеческой формы, специфически человеческого способа приложения усилий и специфически человеческой конечности усилий. Совсем нет нужды в том, чтобы вещь повторяла какие-либо очертания самого человека или его органов. Можно говорить, что любая произведенная вещь выражает ряд некоторых глубоко человеческих отношений, влияющих на форму вещи и определяющих ее эстетику с точки зрения ее формы, то есть с точки зрения пространственного расположения вещи, ее конфигурации, или ее топографии. Говоря просто, если бы ноги у людей сгибались бы коленями назад, а не вперед, то форма стульев и скамеек была бы иной. Если бы у людей глаза были по периметру головы, то форма головных уборов и стрижек также была бы иной, нежели сейчас. Все сделанное человеком несет на себе следы его формы, формы его пальцев или формы инструментов, несущих на себе отпечаток его тела, но все, сделанное человеком, сделано «под человека», ввиду человека, поскольку «человек есть мера всех вещей», поскольку он смотрит на мир своими глазами и ощущает его своим телом.

Поэтому можно с уверенностью говорить о том, что любая вещь несет на себе пространственный отпечаток человеческого участия, отпечаток присутствия человека в пространстве в своем человеческом виде. В некотором смысле, всякая сделанная человеком вещь есть продолжение и развитие человеческого тела, причем продолжение и развитие, находящееся в стадиях становления, поскольку мы всегда можем говорить о некотором

множестве отпечатков тела в вещном пространстве. Вещь есть только временный пере-
рыв в последовательном становлении того, что можно назвать вещностью тела, или тел-
лесностью, проявленной через вещи. Другая сторона этого аргумента заключена в пред-
ставлении о непрерывности изменения, когда то, что мы можем называть «ставшим»,
не является таковым по существу, находится в постоянном процессе становления и толь-
ко представляется нам ставшим.

Любая вещь появляется в своем конечном виде как некая остановка, прекращение
антропоморфических пространственных изменений, некоторое конечно-антропо-
морфичное прекращение движения.

Но и действие (движение), проявляемое человеком, антропоморфично, поскольку
зависит от условий человеческого существования, от возможностей тела в целом, от того,
как существует человек в своем теле, от расположения и возможностей костей, мышц и
связок. Способы ходьбы и бега, постановка головы, положение рук и корпуса, умение
взаимодействовать с предметами – все это выдает человека, который имеет определен-
ные навыки и возможности пространственного существования, который сформировался
как некоторое пространственное тело и движения которого, заканчиваясь в некоторой
стадии, указывают на эту стадию как на окончание процесса перехода от одного состоя-
ния к другому. Окончание движения – это окончание процесса превращения становяще-
гося в ставшее, фиксация пространственного положения тела, столь же четко и однознач-
но проявленного в пространстве, как и вещь.

В этом смысле, если рассматривать только форму проявления человека в простран-
стве, не должно быть принципиальной разницы между телесным расположением, некоей
«позой» и вещью, которая, по своему существу, представляет такую же застывшую ан-
тропоморфическую «позу» расположения человека в пространстве, только овеществлен-
ную не самим человеческим телом, а в некотором другом веществе. Вещь, следователь-
но, можно определить как материализованное движение, когда осязаемые изменения пре-
небрежимо малы, а движение – как вещь, локализация которой предполагает учет изме-
нений, или, другими словами, как полилокальную вещь.

Поэтому можно говорить о вещи как о прекращенном (застывшем) антропоморфи-
ческом движении, в конечной стадии этого движения прекращенном, остановленном и
предъявленном в виде некоторой формы. Фактически форма вещи есть остановленная и
овеществленная форма движения. В этом смысле можно говорить об определенном един-
стве движения и вещи как «еще-не-проявленного» и «уже-проявленного», но имеющего в
своем основании нечто общее, а именно – антропоморфическое движение, произведен-
ное человеком с определенной целью. Такой целью можно предположить нахождение
человеком в пространстве определенного положения, в котором данный человек как ак-
тор действия приходит к определенному равновесию с контекстом, находится в состоя-
нии большей, нежели ранее, адаптивности в мире.

Движение выступает «скрытой» формой, а форма – «проявленным» движением.
Вещь – оконченное и овеществленное движение, движение – незаконченная вещь. Вещь
и движение связаны и объединены пространством и, кажется, вполне возможно говорить
о пространственном расположении человека как общем основании, как в отношении дви-
жения, так и в отношении к вещи. Пространство в этом смысле есть отношение всякого
движения и всякой вещи. Расположение человека в пространстве, его чувствование про-
странства, проникновение в пространство и взаимодействие с пространством составляют
проявленную форму движения и процесс (движение) создания вещи.

Если мы рассматриваем движение и вещь как становящееся и ставшее, то можно рассмотреть как движение, так и форму в их становлении, рассмотреть как некоторое множество последовательных запечатлений, переходных форм, каждая из которых переходит в следующую форму и заканчивается там, где дальнейший переход невозможен или не представляет больше интереса для его искусственного продолжения.

Разделение, существующее между «вещами» и «действиями», фиксирует их как различные стадии участия человека в пространстве. По своей сути вещь представляет некоторое достигшее своего завершения действие. В свою очередь, действие – это отложенная на некоторое неопределенное будущее вещь. Пространственное присутствие человека, таким образом, вещественно в полном смысле этого слова, фиксируемо и наблюдаемо. Если попробовать уйти от слова «вещь» по отношению к человеку, то можно говорить о топографии, то есть пространственно фиксируемой форме в ее отношении к другим формам. Употребление слова «топография» позволяет снять различия, которые могут возникнуть при однопорядковом использовании слов «тело», «вещь» и «действие». Это возможно сделать еще и потому, что какая-то определенная вещь в ее вещности и функциональности сейчас не рассматривается, сейчас идет разговор о вещи как форме, или множестве форм пространственного функционирования человека.

В продолжение сказанного о рассмотрении любой вещи как завершенного действия, можно представить вещь как завершение одного из множества действий, как отношение между множествами действий. В свою очередь, одно любое действие может быть представлено как отношение множества вещей, как раз-веществование вещи, ее выход из состояния вещности.

Поскольку топография отдельного физического тела в его проявлениях достаточно легко поддается анализу, можно рассмотреть физическое тело в двух его топографических возможностях. Первая возможность создается «наслоением» множества топографических отображений и представляет «сходящуюся» топографию, то есть множество топографических отображений действий, статическим образом связанных относительно некоей неподвижной или минимально подвижной точки пространства (тела) или имеющих некую общую часть. Это было бы похоже на множество совмещенных в какой-то одной точке (или оси) фотографий различных движений.

Другая возможность создается представлением «расходящейся» топографии, то есть множеством топографических отображений действий, развернуто представленных в пространстве относительно друг друга. Это похоже на множество фотографий, которые были бы представлены рядами, одна рядом с другой.

Вышеприведенное представление о сходящейся и расходящейся топографии является в данном случае основанием и возможностью для его математического отображения в представлении о сходящихся и расходящихся рядах относительно необходимости отображения изменения формы.

Введем понятие «ряд». Рядом будем называть процесс сложения гипотетически бесконечной последовательности текстовых объектов, отраженный в тексте. Математически ряд может быть определен как многочлен с бесконечным количеством членов [1]. О топографии можно говорить как о единстве гипотетически бесконечного количества единичных отображений, каждое из которых представляет отдельную топографию.

Введем понятие «сходящийся ряд». Сходящимся рядом будем называть такой процесс, при котором «последовательность его частичных сумм имеет конечный предел. Этот предел называется суммой сходящегося ряда» [2]. Сходящийся ряд является выра-

жением сходящейся топографии. К сходящейся топографии применяются правила, применяемые для сходящегося ряда.

Введем понятие «расходящийся ряд». Расходящимся рядом будем называть такой процесс, при котором «последовательность его частичных сумм не имеет предела. Расходящийся ряд не имеет суммы» [3]. Расходящийся ряд является выражением расходящейся топографии. К расходящейся топографии применяются правила, применяемые для расходящегося ряда.

Возможность представить физическое тело в рамках сходящейся или расходящейся топографии фактически порождает возможность представить данное тело двояко: через единство или множество топографий. В этом случае топографическая возможность отображения касается, конечно же, частей топографии, а топография будет состоять из некоторого множества частей, фиксирующих тело в его пространственных проявлениях. Поскольку тело может быть представлено в неопределенном множестве частей топографии, это означает, кроме прочего, что индивидуальное физическое тело, топографически запечатленное в действии через множество частей топографий, в данном случае множественного (из нескольких частей) представления, фактически представляется как множество отдельных топографий тел, составленных из одной части. С этими топографиями можно провести все те же преобразования, какие были описаны выше относительно представления о «сходящейся» и «расходящейся» топографии.

Множество частей топографий представляет собой логически-первичный «материал» топографии. Этот «материал», отображая проявления тела, имеет самое непосредственное отношение к телу, поэтому можно вполне говорить, что топография отображает тело. Части топографии отображают различные проявления тела. Части топографии фиксируют то, что можно называть пространственными изменениями тела. Пространственные изменения тела, в данном случае, являются тем, что можно назвать пространственными функциями тела, и части топографии отображают, таким образом, функции тела.

Существует возможность представить любое количество физических тел через топографическое единство или множество их функций. Одинаково, в топографическом смысле, может быть представлено любое количество тел, от одного до бесконечности. В этом смысле не существует разницы между пространственным представлением одного тела или множества тел, любое множество тел может быть представлено как одно тело путем «сведения» всех частей топографий в одну общую, а любое тело может быть представлено как множество тел путем «распределения» частей топографии. С точки зрения отображения функций как единичное тело, так и множество тел топографически могут быть представлены одинаково, через определенный набор частей топографии, то есть через определенный набор функций.

Введем понятие «тело». Под телом будем понимать связанное и устойчивое в данном контексте множество функций, запечатленных в топографиях как ее части. Под связностью функций будем понимать правило изменения каждой последующей части топографии по правилам ряда. Понятие «тело» объединяет представления о вещи и движении на основе представления их как функций. Любое тело может включать в себя другие тела и быть включенным в другие тела. Любая функция тела может быть включена в другое тело.

На первый взгляд, представление о функциях тела как топографиях воскрешает социологическую и позитивистскую модель «действия», относительно которой создается представление о теле, имеющем качества и свойства. Однако в данном случае представление о функциях связывается с холистическим методологическим подходом, что, как видно из нижеследующих выводов, существенным образом меняет итоговую картину.

Можно заключить, что топографически, в пределах пространственного отражения функций, множество ничем принципиально не отличается от единичного тела, а единичное тело – от множества. Если понимать единичное тело как отображенное во множестве своих функций, а множество – как целое, состоящее из частей, то отношения тела к множеству тел, а также отношение части топографии к целой топографии, можно понимать как отношение единого ко множеству.

Это достаточно важный вывод, поскольку он обеспечивает единство понимания топографии относительно единого и многого, а также снимает проблему единого тела и множества тел, которая могла бы возникнуть далее. В нашем случае, то есть топографически, единое и многое – суть одно и то же, и может быть представлено как множество функций, отображенных в частях топографии. В рамках этого вывода можно понимать индивида как нечто единое в своих функциях, но и группа также представляется единой в своих функциях, а не состоящей из индивидов. Следовательно, топографическое различие в частях топографии между индивидом и группой в данном случае может считаться несущественным. Будучи рассмотренными как множество своих логических частей, индивид и группа неразличимы. Фактически здесь удастся рассмотреть индивида и группу в рамках одного набора знаков, или, другими словами, как один и тот же текст.

Отсюда не следует, что индивид – это и есть группа во всех отношениях. Логическая неразличимость индивида и группы относительно рассмотренных частей топографии говорит только о том, что первично-логически, взятые в своих элементарных отображениях, индивид и группа совпадают по форме. Индивид, иначе говоря, состоит из тех же эстетических логических элементов, что и группа, и выполняет принципиально те же самые функции. Этот вывод важен в том смысле, что он не допускает различия в интерпретации происхождения индивида и группы, и позволяет проводить сравнение между ними «на одном логическом поле».

Радикальных выводов, которые могут быть сделаны на этом основании, несколько, и они таковы:

1) индивид не может быть назван индивидом только потому, что он непосредственно представляется отдельным, а группа не может быть названа группой только потому, что представляется нам множеством;

2) настоящим (материальным) основанием рассмотрения и выявления индивидуности и множественности является функция, то есть единичное проявление тела в каких-либо отношениях;

3) причина индивидуности и множественности лежит вне их очевидного проявления и не имеет отношения к функциям как единичным проявлениям тел.

Сказанное не означает, что в этих словах произошел отказ от представления об индивиде и группе, равно как и не значит, что вопрос о теле будет «растворен» в субъективируемых догадках, а само тело как-то «растворено» в группе. Проблема индивида и группы по-прежнему представляется весьма важной и значимой, однако, одновременно представляется, что требуется дополнительный анализ для определения нового проблемного поля рассуждений о теле. Так, понимание индивидуального тела через отдельную и обособленную форму является недостаточно подходящим в данном случае. Для того есть несколько причин.

Рассмотрим ситуацию индивида и группы подробнее. Индивид и группа, проявляя себя и действуя по-разному, должны иметь нечто общее в основании своего существования. Этим общим может быть их функциональность. Но должно быть и различие, а зна-

чит, различие должно быть в их функциональности. Выше топографическая функциональность определялась как некоторое изменение, как существующее различие между частями топографии. Топографическая функциональность, фактически, отображает движение и рассматривается как отображение пространственной функциональности тела. Поскольку существует определенная близость в топографическом отображении функций тела и группы, о чем уже упоминалось, следует обратить внимание на возможность рассмотрения связи между функциями.

Все функции, понимаемые нами как части топографии, могут быть поставлены в зависимость от пространственного предела. Таким образом, существуют части топографии, сумма которых имеет пространственный предел и которые математически аналогичны в представлении сходящемуся ряду, а также существуют части топографии, чья сумма не имеет пространственного предела и которые в представлении аналогичны расходящемуся ряду. Под достижением предела в нашем случае будем понимать полное заполнение доступного для заполнения пространства.

Топография, сумма частей которой имеет предел, должна быть построена так, чтобы части топографии имели общую часть, некоторое взаимодействие, которое может быть выражено в пространственном пересечении. При этом необходимо иметь в виду, что эта общая часть является минимальным основанием взаимодействия частей, а сумма частей будет стремиться к пределу, то есть покрывать определенное пространство, заполняя его в той или иной степени.

В данном случае, фактически, мы имеем дело с отображением некоторого множества функций, которые ограничены в пространстве конечностью своего распространения. Другими словами, можно сказать, что мы имеем дело с функциональностью, проявляющейся на ограниченном пространстве. Возможно, именно так и стоит в дальнейшем рассматривать индивида: *индивид представляется множеством пространственно ограниченных функций*. Множество пространственно ограниченных функций называется сходящимся телом. Индивид – это сходящееся тело. При этом, поскольку под множеством пространственно ограниченных функций мы понимаем множество различных (неповторяющихся) функций, то тело – это динамическая характеристика индивида, зависящая от множества возможных в конкретном случае функций.

Поскольку наличествует общая часть, и функционирование индивида связано с этой общей частью, можно говорить об автономном функционировании индивида, ограниченном только возможностью проявления этих функций. Автономно функционирующий индивид – это автономное сходящееся тело, ограниченное своими функциями и своими правилами функционирования, правда, во внешних условиях.

Отношение между функциями тела являются непосредственными, обеспечиваемыми общей частью. Фактически, эти отношения обеспечиваются определенным правилом функционирования тела. Таким правилом, например, может быть изменение пространственного расположения тела относительно какой-либо точки на 10 градусов в любом направлении. Множество правил, в принципе, не ограничено, но все они описывают существование тела в его пространственных изменениях.

Сходящееся тело в данном случае можно определить как простую сумму $S = a_1 + a_2 + a_3 + \dots + a_n + \dots$. Тогда отношение $d = a_1/a_2; a_2/a_3; \dots a_n/a_{n+1} + \dots$ будет выражать правило изменения (функционирования) тела.

Отноительно множества функций имеет смысл поинтересоваться, каким образом определяется то, что является пределом для увеличения частей топографии. Можно пред-

ложить правило, в котором будет осмысляться этот предел. Пространственный предел увеличения (разрастания) частей топографии есть, по сути, предел распространения функций. Следовательно, можно говорить о пространственном пределе, или функциональном пределе. Пространственный предел можно осмыслить как некие границы, в которых могут быть представлены части топографии. Для взаимосвязанных частей топографии границы существуют, для не связанных между собой частей топографии границы не существуют. Функциональный предел – это ограничение, которое налагается на повторяемость функций. Смысл функционального предела в том, что функции не повторяются. Пространственный и функциональный предел – это одно и то же выражение, в котором находит отражение гипотетическая невозможность для частей топографии накапливаться бесконечно долго, поскольку, в конечном итоге, они начнут повторяться или дублироваться. Повторение функций можно считать либо той же самой функцией того же тела, то есть буквально «повторением», либо дублированием той же функции другим телом. Если мы говорим о «повторении», то говорим одновременно о наличии предела, пространственного или функционального. Если мы говорим о дублировании, то говорим об отсутствии предела. Наличие предела определяется для сходящегося тела. Отсутствие предела определяется для расходящегося тела.

Под расходящимся телом будем понимать группу, поскольку функционально она не ограничена, не имеет предела. *Группа представляется неограниченным множеством функций.*

Таким образом, возникают два следующих вывода:

1. Сходящееся тело имеет пространственный и функциональный предел. Другими словами, количество частей топографии для сходящегося тела ограничено.
2. Расходящееся тело не имеет ни пространственного, ни функционального предела. Другими словами, количество частей топографии для расходящегося тела не ограничено.

Проблема автономности, упомянутая выше, имеет непосредственное отношение к пределу. В том случае, если можно зафиксировать наличие предела для тела и это тело существует в своих функциях в этом пределе, можно говорить об автономности, то есть о принципиальной полноте функционального существования для тела в определенных пределах. В случае с автономностью мыслится в принципе возможная, потенциально достижимая полнота функционального существования. Это правило применимо только к индивиду. Если же количество функций для тела не определено, как в случае с расходящимся телом, то говорить об автономности невозможно. Зависимость (неавтономность) можно представить как принципиальную неполноту функционального существования, когда часть функций задается телу гетерономно. Гетерономность есть качество группы, и к индивиду неприменимо по определению.

Полнота и неполнота зависит от соотношения функциональности индивида и контекста. Множество функций может быть по количеству и составу таким, что будет полностью заполнять доступное пространство, а может заполнять его не полностью. Если функциональность контекста больше функциональности индивида, можно говорить о неполном индивиде. Если функциональности индивида и контекста совпадают, говорится о полном индивиде. В первом случае мы имеем дело с полным индивидом, во втором случае – с неполным индивидом. Группа не может быть полной, она неполна по определению расходящегося тела как тела с неопределенным количеством функций. Следовательно, группа предполагает неограниченный контекст своего существования.

Выше уже было упомянуто, что топографически индивид суть то же, что группа, дело только в том, каким образом осуществляется функционирование. Тип функционирования, при котором все части топографии связаны между собой, выше был представлен как индивид. Тип функционирования, при котором не все, а только некоторые части связаны между собой функционально, или же все части не связаны между собой, а связаны как-то опосредованно, можно называть группой. Этот случай представлен выше как расходящееся тело. Действительно, предположить, что индивид не связан сам с собой своими функциями, было бы абсурдно, поскольку это означало бы, что индивид представлен несколькими функционально несвязанными телами. Поэтому ситуацию, в которой все члены топографии могут быть непосредственно не связаны между собой функционально, правильно отнести к ситуации группы.

Группа, таким образом, является другим типом функционирования, нежели тип функционирования индивида. Тип функционирования, о котором мы говорим как о принципиальном различии между индивидом и группой, выступает как способ проявления, способ жизни группы или индивида. Через этот тип функционирования индивид и группа являются тем, что они есть в отношении к контексту и к себе. Поэтому тип функционирования есть определяющая характеристика «жизни» индивида или группы как объектов, обладающих отличием и своеобразием.

Важно заметить, что тип функционирования проявляется в абсолютно идентичных топографиях, а различие между индивидом и группой заключается не в том, как выглядит то или иное тело или множество тел, а в том, как они функционируют. Впрочем, как раз то, как топография описывает некую функциональность, приводит к тому, как можно определить форму. Так, при определенных условиях функционирования, как указывалось выше, отдельный непосредственно наблюдаемый физический объект может быть функционально представлен как группа, а любое наблюдаемое множество физических объектов – как индивид. В то же время, при других условиях функционирования, множество наблюдаемых физических объектов может быть понято как группа, а один наблюдаемый физический объект – как индивид. Задача отличия индивида от группы ни в коей мере не есть задача непосредственного наблюдения за физическими объектами, это, в первую очередь, задача определения и различения определения типа функционирования. Рассмотрим это предположение далее.

Топография, сумма частей которой не имеет предела, не имеет и общей для всех частей части. Следовательно, взаимодействие может осуществляться или не осуществляться между отдельными частями топографии, но никогда такое взаимодействие не будет основываться на наличии меньшей общей части всех без исключения частей топографии. Если взаимодействие между частями существует, можно говорить о частичном пересечении частей топографий. Или же, если взаимодействие между отдельными частями топографии не выявляется, тогда мы имеем дело с видимым отсутствием каких-либо непосредственных взаимодействий.

Поскольку функционально связанные между собой части топографии можно представить как тело в некоторых его функциях, то частичное пересечение некоторого, но не всего, множества топографий представляет некоторое количество тел. Количество отдельных тел, фактически, определяется количеством общих частей для некоторых частей топографии. Отдельные тела, возникающие из взаимодействия частей топографии, представляют частичные тела в пределах расходящихся тел. Частичные тела, в силу того, что они похожи на индивидов, но при этом не обладают собственной автономностью, можно называть квази-индивидами.

Введем понятие «квази-индивид». «Квази-индивидом» будем называть частичное тело, отдельную, функционально не связанную с другими часть распределенного тела, не обладающую автономностью.

Взаимодействие между квази-индивидами (частичными телами) может отсутствовать. Распределенное тело потенциально может быть представлено любым количеством частичных тел. Частичные тела в своем существовании опираются на правила существования распределенного тела примерно так же, как частичные суммы распределенного ряда существуют по правилам ряда, которые по отношению к ним являются гетерогенными. Отсюда вытекает правило гетерогенности любого количества частичных тел внутри распределенного тела. Если под группой мы понимаем само распределенное тело, то в отношении частей группы действует правило гетерогенности. Следовательно, можно говорить о принципиальной гетерогенности группы, поскольку всегда можно принять распределенное тело за часть более обширного распределенного тела, а поскольку общее количество частей распределенного ряда может стремиться к бесконечности, наблюдатель необходимо должен признать, на основании своей ограниченности, гетерогенность и гетерономность любой наблюдаемой группы, но автономность и автогенность максимально большой (предельной) группы в целом.

Группа, таким образом, представляет множество тел не потому, что такой параметр задается априорно, а потому, что мы, с одной стороны, можем говорить о множестве взаимодействий, а с другой стороны, говорить о некоторой общей связи, которая в нашем случае, выражается единством топографии и правилом гетерономности группы.

Пересечение между некоторыми частями топографии представляет ситуацию, когда функциональное взаимодействие формирует тела. Есть две возможности представления частичных связей. Первая возможность – когда все части топографии связаны между собой, но не все они имеют общую часть. Части топографии связаны между собой посредством других частей топографии, но так, что все части находятся в какой-то связи. Эту связь можно назвать последовательной связью (связью по цепочке).

Эта топография представляет странное образование, определенное функционирование которого представляет тип отношений, в котором одни части топографии функционируют в связи с другими частями, но при этом находятся в функциональном отношении с третьими частями, каковые не функционируют в отношении первых. Тем не менее, третьи части находятся в отношении опосредованного функционирования в отношении первых частей, т.е. соотносятся с ними «через посредника». Такая опосредованная связь между частями представляет «странные связи» топографии. Речь, в данном случае, не идет об индивиде, поскольку у частей топографии нет одной общей части. Речь идет о странном состоянии группы, в котором одни части представляют собой части других частей, возможно, нескольких частей одновременно, и все вместе так же может быть представлено как тело. Эту группу будем называть связной группой, или «сетью», поскольку она похожа на сеть, тип топографии будем называть «сетевым». Вся эта группа представляет, по сути, одно странное тело, и функционирует как одно странное тело.

Связная группа представляет тип взаимодействия, в котором тем или иным образом участвуют все части топографии. Данное функционирование нельзя назвать автономным, поскольку количество функций здесь, по условию группы, не ограничено.

Другая возможность появляется тогда, когда не все части топографии связаны между собой, и не все они имеют общую часть. То есть не все части топографии связаны между собой посредством других частей топографии, а только некоторые. Не все части то-

пографии, связанные между собой по отдельности, находятся в каком-то взаимодействии с другими частями. Этот тип связи можно назвать частичной связью. Топография этого типа представляет самое обычное состояние группы, поэтому группу, соответствующую этой топографии, и саму топографию можно называть «обычной».

Топография в этом случае представляет отображение функционирования расходящегося тела, представленного несколькими частичными телами, каждое из которых выглядит подобно индивиду и не связано с другими. Эти частичные тела, из которых состоит расходящееся тело с частичной связью, называются квази-индивидами. Частичное тело (квази-индивид) не функционирует автономно, его «условная» автономность задается правилами рассмотрения, то есть пресуппозициями наблюдателя. В силу правила гетерогенности группы, ни отдельные частичные тела, ни само расходящееся тело полностью не функционирует автономно. Поэтому можно говорить о «квази-автономности» в том же смысле, в котором говорится о «квази-индивидуности», то есть о том, что наблюдатель может пресуппозиционально задавать квази-индивидуальность и квази-автономность частичному телу, каковые в действительности у него отсутствуют.

Если же пересечение между частями топографии отсутствуют вообще, то мы имеем дело с третьим состоянием топографии, когда не существует никаких функциональных отношений между различными частями топографии. Этот тип топографии можно назвать дисперсным, соответственно, группу, которой соответствует эта топография, можно называть дисперсной. В случае, когда пересечение между частями топографии отсутствует, мы наблюдаем соответствие отдельных функций отдельным частям топографии, фактически соответствие одной функции – одному телу.

Если допустить, что топография отображает некоторое состояние физического тела, то такая топография будет соответствовать положению дел, при котором один человек исполняет одну функцию. Фактически, это состояние представляет множество тел, которые, выполняя каждую одну функцию, выполняют все функции, доступные одному индивиду в определенных условиях. Дисперсная группа представляет полную противоположность индивиду, но при этом представляет полностью распределенного индивида, лишенного общей части, и все части которого существуют независимо от других, но подчиняясь внешней силе.

Поскольку в отношении взаимодействия индивида и группы работают условия, задаваемые правилами взаимодействия соответственно сходящегося и расходящегося ряда, между ними нет переходов, от расходящегося ряда нельзя перейти к сходящемуся, это правило верно и для обратного. Следовательно, логически объяснимого перехода непосредственно от индивида к группе не существует. Между индивидом и группой нет процедуры «количественного накопления», в результате которого можно было бы говорить о том, что каким-то образом индивид или несколько индивидов организуются в группу. Индивид не может стать группой в силу «внутренней» невозможности для него таких процессов, тип функционирования не может быть изменен. Из индивида, другими словами, нельзя «получить» группу, как можно путем добавления по одной дополнительных горошин получить «кучу» гороха. Индивид логически не «сводим» к группе и наоборот. Несмотря на то, что топографически, в самых основных элементах топографии, в их логическом, статическом рассмотрении, индивид и группа – суть одно, между ними есть нечто принципиально различное, препятствующее такой «сводимости» одного к другому. Этим свойством является тип функционирования. Один и тот же материал при разном типе функционирования может выступать по-разному – то как индивид, то как группа.

Возникает вопрос о том, как можно согласовать представления об индивиде и группе в рамках исследования топографии как текста. Предположение о формировании группы, когда множество индивидов когда-то «впоследствии» становится группой по причинам указанным выше, недопустимо. То же самое можно сказать о невозможности допущения о формировании индивида «из» группы, как если бы можно было видеть «разложение» группы до индивидов. Следовательно, имеет смысл предположить, что индивид и группа формируются, в некотором смысле, параллельно, одновременно, в результате какого-то общего им процесса, но формируются таким образом, что образование специфического и определяющего для них типа функционирования проявляется как процесс возникновения группы или индивида.

Между тем, примерно понятно, что «возникновение» в данном случае описывает некоторый логический процесс, в результате которого становится возможным говорить об индивиде и группе как о чем-то, что «стало быть», что проявилось в какой-то форме и эта форма описывается определенным типом функционирования, выявленным через анализ текста.

Резюме. Индивид представляет определенный тип функционирования тела, заключающийся в наличии минимальной общей части и наличии предела функционирования. Индивид не является частью большего тела, из чего вытекает правило автономности индивида, а также не содержит тел. У индивида нет никаких функциональных отношений с любыми другими телами. В качестве физического тела индивид, как кажется, может существовать только теоретически.

Группа представляет собой определенный тип функционирования тела, заключающийся в отсутствии минимальной общей части и отсутствии предела функционирования. Группа логически всегда является частью большей группы, из чего вытекает правило гетерономности группы. Части группы могут быть представлены как квази-индивиды.

Следовательно, индивид, который в действительности существовал бы как тело, невозможен. То, что обычно называется индивидом, является, по сути, квази-индивидом, то есть пресуппозиционально представляется индивидом стороннему наблюдателю, если этот наблюдатель не учитывает сложностей связей между частями тела. Квази-индивид не может обладать никакими своими качествами или свойствами, поскольку он и есть множество функций, понимаемых как качества или свойства, а сам есть их множество. Причина как существования, так и функциональности квази-индивида находится вне него. Квази-индивид не является причиной качеств, свойств и черт, которые ему могут быть приписаны.

Таким образом, первые две гипотезы индивида, касающиеся тела как субстрата и его некоторых качеств, можно считать отвергнутыми. Другие три гипотезы индивида, касающиеся рациональности, отвергаются правилом гетерономности группы.

Примечания

1. М.Я. Выгодский. Справочник по высшей математике. – М., 2002. – С. 616.
2. Там же. – С. 618.
3. Там же.

ПЕРЕВОДЫ

В.В. Мархинин (мл.)

ПРАКТИЧНОСТЬ И УТОПИЗМ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ИДЕЯХ БЕРНАРДА ШОУ

Писать статью о классике мировой литературы – дело до известной степени неблагодарное: серьезные обобщения относительно фигуры, подобной по своим масштабам Бернарду Шоу, вынуждены балансировать между осторожной банальностью, повторением хорошо известных фактов или же, с другой стороны, соблазном дать этим известным фактам экстравагантные трактовки, в которых эстетский изыск будет заменять доказательность.

Та сторона творчества английского классика, которую мы избрали предметом нашего анализа, т.е. его политические идеи, относится к числу в целом неплохо известных сюжетов. В любой творческой биографии Шоу можно прочесть о его членстве в фабианском обществе, о том, что великий драматург до последнего вздоха был искренним другом Советского Союза и симпатизировал существовавшему в нашей стране социально-политическому строю. Принято считать, что Бернард Шоу в политических вопросах был, по большому счету, дилетантом, хотя и не совсем бездарным писателем, а его политические идеи представляют теоретическую ценность примерно в той же мере, в которой ценность эстетическую составляют, скажем, поэтические опыты Карла Маркса. Одна из наиболее распространенных характеристик политических идей Бернарда Шоу указывает на их утопический характер.

В общем и целом мы согласимся с такой оценкой политического творчества Шоу. Но некоторые ее детали явно нуждаются в уточнении. Эта необходимость обусловлена, главным образом, тем, что политические трактаты Бернарда Шоу сравнительно мало исследованы в отечественной литературе; фактически они не введены в оборот российской политической и исторической науки. Это проявляется, как минимум, в явной нехватке переводов соответствующих текстов. Позволим себе уточнить, в первую очередь, некоторые общие моменты изложенных выше оценок.

Во-первых, интерес Шоу к политическим проблемам не был чем-то случайным и временным. Высказываться о качестве его анализа было бы пока преждевременно, но, что касается подхода, который демонстрирует Шоу в своих политических исследованиях, его уровень трудно назвать дилетантским. Бернард Шоу демонстрирует серьезное знакомство с проблемами экономической теории, с работами классических и современных ему политических теоретиков и очень солидное знание политической истории Англии и современной ему политической конъюнктуры.

Во-вторых, – и это обстоятельство представляется особенно важным – утопизм, столь часто приписываемый Шоу, имеет одну значимую черту: его «утопия» выглядит на редкость трезво и практично. Иными словами, в построениях Бернарда Шоу элементы утопизма образуют вполне органичное единство с элементами практичного и пронизательного политического прогноза.

Суммируем некоторые наши наблюдения по поводу этих практичных элементов. Первое, что бросается в глаза при чтении Шоу – его способность не поддаваться гипнозу

идеи, сколь бы благородной она ни была. Шоу не испытывает иллюзий ни относительно планов, которые вынашивали в его время левые радикалы, ни относительно идей классической либеральной демократии.

Действительная демократия, по его мнению, возможна лишь там, где люди обнаруживают в себе достаточно энергии и сознательности для того, чтобы осуществлять постоянный контроль над властями. Отсюда и вытекает его довольно-таки прохладное отношение к парламентскому строю Великобритании: мало иметь формально демократический парламент; необходимо, чтобы наряду с ним существовала система полномочной и демократически (а не бюрократически) организованной местной власти, достаточно близкой к обществу и доступной для того, чтобы с нее можно было спрашивать. Без эффективной децентрализации власти все ее претензии на демократичность стоят очень недорого: отдельно взятый гражданин не может такую власть наказывать рублем, а без этого немислим никакой контроль. (Неслучайно Шоу приводит в качестве примера социалистического принципа организации... королевскую почту Великобритании, укомплектованную профессионалами и ответственную перед своими клиентами)

Если государственный аппарат имеет возможность не реагировать на запросы граждан, то он автоматически начинает превращаться в машину для обеспечения лишь своих собственных нужд.

Именно с развитием местного самоуправления Бернард Шоу и связывает подлинный прогресс демократии и формирование социальной ориентированности государства. И, заметим, в этом прогнозе он оказался не так уж далек от истины. Муниципалитет, правда, не сумел, вопреки его мнению, стать основой экономической системы будущего; тем не менее, связь становления демократического и социального государства с развитием системы местного самоуправления очевидна настолько, что дополнительные доводы в пользу этого было бы излишне приводить.

Очевидна и отмеченная Шоу тенденция к превращению современных ему демократий в социальные государства. Отказ от идеи такого государства как будто бы происходил в процессе неоконсервативного реванша 70-80-х гг. прошлого века; на деле же реванш этот оказался очень и очень ограниченным: редукция системы распределения материальных благ до уровня эпохи Адама Смита и Джона Локка в развитых странах, как известно, не состоялась (меньше повезло России и странам Третьего мира, где был достигнут гораздо более полный реванш).

Шоу сумел избежать утопизма в трактовке будущей роли государства: в равной мере он дистанцируется от идеи пассивности правительства, сведения его функций к задачам «ночного сторожа» и от избыточно оптимистического этатизма в духе Г. Бабефа и П.Н. Ткачева, полагающих, что правительство в одиночку сумеет успешно достигнуть целей культурной революции и преобразовать пассивную гражданскую позицию индивидов в конструктивную социальную активность. «Этатизм» Бернарда Шоу ограничен вполне практичными рамками выборного муниципалитета, эффективность которого напрямую зависит от социального мировоззрения его избирателей.

К числу удачных в практическом плане обобщений следует отнести и выводы Бернарда Шоу о том, что прогресс политического строя ограничен исторически данным качеством «человеческого материала», а возможности централизованной революционной трансформации этого строя очень ограничены.

Уинстону Черчиллю приписывают такую характеристику профессионализма политического аналитика: он должен, во-первых, уметь предсказывать развитие событий, а

во-вторых, объяснять, почему все произошло совсем не так, как он предсказал. Способность Шоу к удачным предсказаниям мы продемонстрировали только что. Теперь пришло время перейти к тем сторонам его рассуждений, которые кардинально разошлись с практикой.

В этом вопросе мы, как и прежде, не будем впадать в чрезмерный педантизм и указывать, например, на то, что Шоу не сумел предвидеть, что экономические функции муниципалитетов и направленность в развитии системы налогообложения будут иметь мало общего с его прогнозами. В сущности, эти несовпадения относятся к числу просчетов во второстепенных технических деталях.

Утопизм построенный Бернарда Шоу проявился главным образом в другом. В первую очередь, в его убежденности в том, что люди в нормальной, рутинной ситуации способны легко придти к сознательному и конструктивному согласию относительно целей социального развития.

Общественное мнение не только способно заблуждаться относительно этих целей, но и по самой своей природе оно является объектом манипуляций профессиональных политиков (политических технологов). И способность формировать общественное мнение у тех лидеров, которые стоят на позициях общественной солидарности, несколько не превосходят аналогичные способности у политиканов, которые умело выдают кастовые интересы за всеобщие.

Бернард Шоу оптимистично настроен относительно способности человечества объединиться вокруг чисто прагматических интересов. Это, по его мнению, будто бы дает возможность забыть про мировоззренческие запросы, которые удовлетворяет не прагматично ориентированный расчет, а вера в высшую справедливость. Такая уверенность тоже относится, по нашему мнению, к числу утопических идей. В этой связи стоит вспомнить сделанный в свое время С.Н. Булгаковым вывод о том, что без основы в виде подлинной и горячей веры любая политическая доктрина оказывается во власти мещанских, а затем и попросту животных устремлений.

Еще один вполне утопический момент в рассуждениях Бернарда Шоу состоит в недооценке способности капиталистической олигархии к классовой солидарности в деле отстаивания ее групповых интересов.

В своих фабианских статьях Шоу не заметил тенденции, реализовавшиеся уже через два-три десятилетия после их написания. Под давлением со стороны структур возникающего социального государства олигархия сумела объединиться под флагами террористических диктатур. Наиболее очевидный пример этого дает история Германии, Италии, Испании, Португалии и, по большому счету, большинства других стран Западной Европы, где идеология праворадикальной диктатуры в начале XX в. получила самое широкое распространение в среде политической элиты.

В этой связи необходимо указать на одно распространенное заблуждение, содержащееся уже не в работах Шоу, а в позднейшей исследовательской литературе.

Вопреки распространенному мнению, правые тоталитарные диктатуры стали реакцией, в первую очередь, не на левый радикализм, а на необходимость нахождения крупной собственности под контролем социального государства. Вспомним в этой связи общеизвестный факт: леворадикальные идеи существовали в политическом пространстве еще со времен Английской революции. Но ни движение диггеров, ни бланкизм, ни бабувизм не спровоцировали возникновение чего-либо подобного фашизму. Подлинным стимулом к его возникновению стала не сама по себе социалистическая революция в России,

а практическая реализация контроля над частной собственностью в рамках социального государства. Осуществимость такого контроля в предельно широких масштабах была осознана олигархией в полной мере, в том числе и благодаря русской революции, но исходным пунктом в процессе этого осознания стала именно практика социального государства. Эта практика стала стимулом к осмыслению советского строя, где контроль над частной собственностью был реализован гораздо последовательнее, чем в социально-ориентированных демократиях, не только правыми радикалами, но и такими идеологами олигархии, как М. Фридман, Ф. Хайек и др.

Шоу считает возможным не брать в расчет сопротивление крупных собственников подлинной социальной солидарности. Мирный переход к социализму начался, по его мнению, в середине XIX века, и к его концу он уже наполовину пройден. Практика покажет обратное: даже после падения террористических диктатур первой половины XX в., способность буржуазной олигархии к самоорганизации и к разрушению структур социального государства остается на высоте. Это и продемонстрировал неолиберальный (неоконсервативный) поворот в государственной политике европейских стран в конце столетия.

И все же, несмотря на эти обстоятельства, политические идеи Бернарда Шоу сохраняют свою актуальность и интерес для всех, кто размышляет над проблемой организации общества на началах социальной справедливости. Мы предлагаем вниманию читателей перевод статьи Бернарда Шоу «Переход к демократическому социализму». Приведенная ниже статья является частью сборника «Фабянские опыты о социализме» и дается в незначительном сокращении (в настоящей публикации мы сочли возможным выпустить анализ, предпринятый автором по поводу исторических предпосылок возникновения капиталистического строя и рассуждения об интеллектуальной среде, в которой формировалась социалистическая идеология). Перевод выполнен по оригинальному тексту, опубликованному в 1889 г. (*Fabian essays in socialism. London. 1889.*)

Дж. Бернارد Шоу

ПЕРЕХОД К ДЕМОКРАТИЧЕСКОМУ СОЦИАЛИЗМУ

Когда Британская ассоциация почтила меня приглашением принять участие в ее трудах, я решил сделать это, составив доклад на тему «Окончательный переход к социалистической демократии». Слово «окончательный» было, по зрелому размышлению, исключено. В нынешнем употреблении оно приобрело смысл, указывающий на что-то внезапное и жутковатое, а мне не хотелось бы, чтобы описываемый здесь процесс вызывал подобные ассоциации. Я подразумевал лишь возможность описать кратчайшую дорогу к цели, путь к которой мы начали уже давно и сегодня находимся на его середине; меня больше интересует та часть, которая еще осталась, а не та, что уже пройдена. Я полагаю, что можно без лишних оправданий перескочить через столетия и принести уважение к истории в жертву необходимости прибыть к пункту назначения как можно скорее.

Прежде чем изложить шаги, при помощи которых можно перейти к социалистической демократии, я постараюсь объяснить, что она собой представляет, хотя, несомненно, мои слушатели в какой-то степени осведомлены относительно этого вопроса.

Экономическим достижением социализма должен стать переход ренты из частных рук в распоряжение всего общества. Рента представляет собой ту часть продукта, которая не производится кем-то индивидуально, и распорядиться ей именно таким образом было бы наиболее справедливо. Не существует способа устранить ренту. Пока плодородность почвы разнится на различных участках, пока различным в зависимости от расположения является количество посетителей в магазине, два фермера или торговца, равных друг другу по трудолюбию и интеллекту, будут иметь различные доходы. До тех пор, пока дело обстоит именно таким образом, справедливым будет изъятие той части прибыли, которая произведена лишь благодаря щедрости природы или благодаря благоприятному стечению обстоятельств и распределение ее на началах равенства между этими двумя фермерами или торговцами. Если обе фермы или лавки принадлежат частному землевладельцу, он не станет делить эту прибыль между своими арендаторами, оставит ее себе, чтобы обеспечить свое праздное существование. Задача социализма, конечно, не в том, чтобы поделить фермеров и торговцев на пары и уравнивать их друг с другом, а в том, чтобы распространить этот принцип на все общество, посредством обобществления ренты и передачи ее в общенациональный фонд. Поскольку собственника не связывает с его рентой, это право, вообще говоря, и делает его собственником: запрет на извлечение ренты будет означать экспроприацию. Социализация ренты будет означать социализацию производства посредством экспроприации собственников и национализации. Этот процесс, который составляет суть перехода к социализму, начался около сорока пяти лет назад.

Что же, в таком случае, означает постепенный переход к социалистической демократии?

Это постепенное расширение льгот и передача ренты государству. Если смотреть на дело таким образом, придется признать, что мы уже неплохо продвинулись на пути к социализму, этому способствовали и многие политики, которые стали бы искренне отрицать позорный в их глазах факт своей принадлежности к социалистическому движению.

Проследим этот путь. В 1832 г. политическая власть перешла в руки среднего класса, 1838 г. лорд Джон Рассел [1] провозгласил, что это «окончательное решение [2]». Тем временем, в 1834 г. средний класс уничтожил последнюю защиту рабочих – старый «Закон о бедняках» – и предоставил рабочим самим преодолевать невзгоды конкуренции. Последовали десять лет беспорядочной эмиграции, а затем возникли некоторые многообещающие перспективы. Был установлен подоходный налог, а фабричное законодательство стало, наконец, работать.

Подоходный налог (1842) – вещь неприемлемая с точки зрения индивидуалистических принципов – представляет собой ни что иное, как принудительное изъятие ренты у частных лиц и ее безвозмездную передачу в руки государства. С точки зрения виггов, он был оправдан тем, что тот, кто имеет больше доходов, должен и платить за защиту этих доходов государством больше.

Фабричное законодательство уничтожило анархическую теорию о том, что частный собственник не несет никакой ответственности за свои действия, сделало работодателей подотчетными правительству в вопросах благосостояния своих работников и перераспределяло прибыль в пользу рабочих, устанавливая более высокую заработную плату.

Затем пришли годы открытия золотых месторождений в Калифорнии (1847) и Австралии (1851) и период бума, вызванный доходами от добычи ископаемых в Англии; все это оживило ретроградные инстинкты Гладстона [3] и его тщеславную надежду на отмену подоходного налога. Эти события ослабили гнет нового «Закона о бедняках». Рабочие быстро организовали трейд-юнионы, которые в то время обвиняли в том, что они вытравили из британского рабочего мужественную независимость, которая была ему свойственна прежде; сегодня эти же трейд-юнионы превозносят как средство поддержать все ту же мужественную независимость. Однако же мелочная государственная поддержка процветала, особенно в Манчестере и Шеффилде, зарплаты росли, а трейд-юнионы, подобно той мухе, что сидела на спине у быка, думали, что это они вспахали поле. Они ошибались, хотя роль трейд-юнионов в пробуждении социального сознания рабочих и была велика.

Расширение избирательных прав сначала, в качестве первого шага в 1832 г. и окончательно в 1867, было действительным установлением демократии; сразу вслед за этим последовала и еще одна мера, устанавливающая социализм в смысле перераспределения ренты от частных лиц в руки государства в сфере образования. В это же время необычайный успех почты, которая согласно учению манчестерской школы [4] должна была представлять собой образец некомпетентности, не только показала эффективность государственного управления там, где чиновники поставлены под контроль заинтересованных в их работе людей, но показала еще и большие удобства и дешевизну использования социалистических коллективистских принципов по сравнению с частными. Государственная почта отправит письмо весом в унцию из Кенсингтона в Бэйсуотерс за один пенни. Частный предприниматель отправит на это же расстояние полфунта, возьмет один фартинг и еще получит хороший доход [5]. Но государственная почта за тот же пенни доставит письмо весом в одну унцию с края света прямо к дому господина из Джон о'Грот [6]. За такую услугу частный предприниматель возьмет шиллинг, а то и все пять; есть очень много мест, где частный бизнес не может взять на себя почтовые услуги. Человек, пришедший на почту с десятком писем, порядочно экономит за счет ее социалистической организации и прекрасно понимает необходимость строго защищать монополию государственной почты.

После стремительного роста благосостояния в 1875 г. налог на прибыль упал до двух пенсов и выдохся. Среди прочих конкурентов выдвинулись Америка и Россия. Рост образованности заставил людей сильнее ощущать страдание и лучше понимать его причины. Напряженность 1830-х стала возвращаться, и теперь чартизм [7] и Фергюс 'О Коннор [8] как будто бы ожили в лице Демократической федерации [9] и мистера Хайндмана [10] и представляются частным собственникам как серьезная угроза. Множество молодых людей, учеников Милля, Спенсера, Конта и Дарвина, пробужденные «Прогрессом и бедностью» Генри Джорджа [11], отставили прежнее вольнодумство и идеи эволюции и обратились к мятежной экономической мысли, стали изучать Карла Маркса; они были настолько убеждены в том, что социализму следует сплотить вокруг себя трудящихся и сконцентрировать свои силы в могущественной организации, что мало кто сомневался: революция произойдет не позднее 1889 г. – в годовщину французской революции. Я помню, как в то время меня спрашивали с издевкой: в какой срок, по моему мнению, можно было бы установить социализм. Я скромно отвечал, что готов сделать это за пару недель. В ответ мне делали комплимент: признавали меня одним из самых благоразумных социалистов, можете представить, каков был тогдашний пыл нашей убежденности!

Возражения в наш адрес были не слишком поучительны: они обычно основывались на признании наших проектов неверными в теоретическом отношении, но весьма легко реализуемыми. Как бы то ни было, те времена прошли, социалисты стали социал-демократами и стали не большими бунтарями, чем прочие партии. Но я не склонен представлять переход к социалистической демократии как результат работы одних социал-демократов. Я предпочитаю не обращать на них внимания; пусть даже, если вам угодно, правительство последует совету «Сатурдэй ревью» и ради мира и спокойствия перевешает их всех.

Во-первых, выскажемся о демократии. С 1885 г. каждый мужчина, выплачивающий еженедельно четыре шиллинга налогов, имеет право голоса и может лишиться его только из-за нелепых правил регистрации, которые, конечно, скоро будут отменены. Таким образом, всеобщее избирательное право для мужчин уже существует, скоро им будут обладать и вообще все взрослые люди. Как бы то ни было, вопрос о всеобщем избирательном праве можно не принимать во внимание, поскольку ограничение женщин в правах, хотя оно и ужасно, но не связано с существованием классовых привилегий. Для того чтобы завершить создание демократического государства, необходимо, таким образом, всеобщее избирательное право для мужчин, отмена всех имущественных цензов, упразднение палаты лордов, оплата за счет государства расходов кандидатов и труда парламентариев и ежегодные выборы. Эти изменения сегодня неизбежны, хотя они и кажутся неприемлемыми тем из нас, кто считает себя консерваторами. А ведь полвека эти требования были общим местом всех радикалов. Мы должны понять, что государство – это не абстракция, это машина, которая должна выполнять определенную работу, и если эта работа станет объемнее и разнообразнее, то и машина должна стать мощнее и разнообразнее. Расширение избирательных прав усложняет и расширяет машину, но не оказывает на нее воздействия по существу.

Сегодня эта машина с трудом выдерживает натиск демократии, от нее требуется решение локальных задач, а она остается по большей части централизованной. Без создания эффективных локальных механизмов передачи частной инициативы в руки государства нечего и обсуждать. Мы сегодня видим, что эта замена есть одно из условий демократии. Демократическое государство не может стать социалистической демокра-

тией, пока у нее не будет в каждом крупном центре таких же демократических, как и общенациональный парламент, властных структур. Здесь необходим навык. В 1888 г. правительство приняло Билль о местном управлении, который представлял собой очевидный шаг к демократической муниципальной власти. Но этот закон, тем не менее, не доведен до конца ни в одном из своих разделов. Местное самоуправление отстранено от политики. Когда политические вопросы станут ему доступны, демократическое государство станет механизмом, подходящим для социализма. Как же человеческий материал социализма, т.е. рабочий, может проникнуть в механизм демократического государства? В этом вопросе, как и в других, все довольно просто. Политики, которых трудно заподозрить в симпатиях к социализму, фактически агитируют за его установление, указывая на то, что произойдет, если этого не сделать. Феномен ренты проявляется в наших городах в невиданных масштабах. Несправедливость частной собственности выглядит вызывающе, шокирующе и даже смешно. В пригороде Лондона, где на мили растянулись совершенно одинаковые дома, рента меняется каждые несколько тысяч ярдов – настолько, насколько возрастает расстояние, которое следует проделать до места, где расположен бизнес. Тот, кто ищет аренду и выбирает между Блумсберри и Тотенхемом, оказывается в руках землевладельца. Конфискация капитала, разорение хозяйства, уничтожение инициативы – все, что самые невежественные критики приписывают социализму, процветает в Лондоне совершенно открыто, открыто до того, что люди начинают задаваться вопросом: быть может, они существуют лишь ради какого-нибудь герцога, его чемпиона-жокея и скаковой лошади? Лорд Хобхауз [13] и его безупречный по своим достоинствам комитет по земельному налогообложению уже движутся к тому, чтобы передать плату за землю в Лондоне в общественное достояние, и их агитация получает дополнительный импульс от каждого нового договора аренды. Они занимают неуязвимую позицию, а зло, которому они противодействуют, знакомо каждому, кто платит местные налоги, пользуется арендой, да и всем прочим горожанам. Сторонников Хобхауза вдохновляет и мнение, распространенное в среде рабочих организаций. Их умеренные члены готовы согласиться на прогрессивный налог на прибыль, предложенный, в сущности, именно лордом Хобхаузом, те, кто занимает крайние позиции, настаивают на национализации всей земли, а это опять-таки один из его же принципов. Парламентскими средствами трудно сопротивляться этим призывам к реформе налогов. И в этих призывах содержится сегодня новый мотив, который очень заслуживает того, чтобы его упомянуть.

Продолжение в следующем номере

Примечания

1. Джон Рассел (1792-1878) – либеральный политик, представитель партии вигов, в середине XIX в. дважды занимал пост премьер-министра. Сторонник реформы избирательного права, проведенной в 1832 г.

2. Дж. Рассел неоднократно называл реформу избирательного права «окончательным решением» политических проблем; за это высказывание он получил прозвище Джек-Окончательный (Finality Jack).

3. Уильям Эварт Гладстон (1809-1898) – английский государственный деятель, четырежды занимавший пост премьер-министра.

4. Школа экономистов-либералов, выступавшая, в частности, против вмешательства государства в экономические процессы.

5. Пенни – разменная монета, сотая часть фунта стерлингов; фартинг – самая мелкая монета достоинством в четверть пенни.

6. Деревня в северной части Шотландии; считается самым северным населенным пунктом Великобритании. В английской литературе используется как метафорическое обозначение края света.

7. Массовое политическое движение в Англии в 30-40-х гг. XIX в.; свое название получило от петиции (или «Народной хартии»), поданной парламенту в 1839 г. Требования чартистов состояли из шести пунктов: избирательное право для мужчин старше 21 года, тайное голосование, отмена имущественного ценза для депутатов, равные избирательные округа, оплата работы членов парламента, установление годичного срока парламентских полномочий.

8. Фергюс Эдуард О' Коннор (1796-1855) – один из лидеров чартистского движения.

9. Точнее – Социал-демократическая федерация. Социалистическая партия, основанная Хиндманом в 1881 г.

10. Генри Майерс Хайндман (1842-1921) – политик и публицист, основатель Социал-демократической федерации и Национальной социалистической партии.

11. Генри Джордж (1839-1897) – американский политический деятель. Исследователь политической и экономической теории. Одна из главных его идей – установление единого налога на землю; по замыслу Генри Джорджа, этот налог должен был облагать земельную ренту, которую он рассматривал как ценность участка, обусловленную его расположением (т.е. без учета находящихся на участке материальных ценностей в виде зданий и пр.). Общественная собственность на понимаемую таким образом земельную ренту, по его мнению, должна была стать средством разрешения социальных конфликтов.

12. «Saturday Review» – газета либерально-консервативного направления, основана в 1855 г., печатный орган консерваторов, придерживавшихся либерального взгляда на роль государства в экономике.

13. Артур Хобхауз (1819-1904) – английский либеральный политик и государственный деятель, автор книг по проблемам налогообложения и земельной ренты.

НАШИ АВТОРЫ

АСЕЕВА Дарья Витальевна – юрисконсульт II категории управляющей компании ООО «СК-Моторс Групп».

ДЕМКО Анна Анатольевна - доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин и трудового права юридического факультета Сургутского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

ДЕНИСОВ Сергей Александрович – учитель истории и технологии МОУ СОШ № 24 г. Сургута, руководитель клуба исторического моделирования «Тарн».

ЗАРИПОВА Эльмира Кадыровна – старший преподаватель кафедры государственного и муниципального права Сургутского государственного университета.

ИСАЕВ Александр Александрович – профессор кафедры философии СурГУ, доктор философских наук, доцент.

КОДИНЦЕВ Александр Яковлевич – доцент кафедры теории и истории государства и права исторического факультета Сургутского государственного университета, кандидат исторических наук.

КОРНЕЕВ Виталий Владимирович – доцент кафедры философии Сургутского государственного университета, кандидат философских наук.

КУЛЬЧЕВСКИЙ Владимир Владимирович – преподаватель кафедры государственного и муниципального права Сургутского государственного университета.

ЛУКЪЯНОВА Елена Ивановна – заведующий сектором естественных наук Отдела научной библиографии Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения Российской академии наук.

МАНТИКОВА Эльмира Курмангазиевна – аспирант кафедры истории России Сургутского исторического факультета государственного университета.

МАРТЫНОВ Михаил Юрьевич – заведующий кафедрой политологии, заведующий лабораторией социологических исследований Сургутского государственного университета, доктор политических наук, профессор.

МАРХИНИН Василий Васильевич (мл.) – старший преподаватель кафедры политологии Сургутского государственного университета, кандидат философских наук.

НАЛБАНДЯН Елена Леоновна – преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин и трудового права юридического факультета Сургутского государственного университета.

НЕХАЙЧИК Владимир Казимирович – заведующий кафедрой государственного и муниципального права юридического факультета Сургутского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

НЕХАЙЧИК Владислав Владимирович – старший преподаватель кафедры государственного и муниципального права юридического факультета Сургутского государственного университета.

НИКИФОРОВА Ирина Михайловна – аспирант кафедры политологии Сургутского государственного университета.

ПИСЦОВ Алексей Александрович – преподаватель кафедры государственного и муниципального права юридического факультета; государственный инспектор по правовым вопросам Государственной инспекции по труду в ХМАО-Югре.

ПУЗАНОВ Владимир Дмитриевич – заведующий кафедрой теологии Сургутского государственного университета, кандидат исторических наук, доцент.

РЫКОВА Валентина Викторовна – старший научный сотрудник Отдела научной библиографии Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения Российской академии наук.

СОЛОДКИН Яков Григорьевич – заведующий кафедрой истории России Нижневарттовского государственного гуманитарного университета, доктор исторических наук, профессор.

СТРАЖЕВИЧ Юлия Николаевна – старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин и трудового права юридического факультета Сургутского государственного университета, кандидат юридических наук.

УСОЛЬЦЕВА Наталья Андреевна – доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин и трудового права Сургутского государственного университета, кандидат юридических наук.

ТОПКАЕВ Денис Анатольевич – аспирант КемГУ, директор ЦРТУ НПО (центр развития творчества учащихся начального профессионального образования), преподаватель общественных дисциплин ГОУ СПО «Новокузнецкий экономико-отраслевой колледж».

ХАДЫНСКАЯ Александра Анатольевна – доцент кафедры общего языкознания факультета лингвистики Сургутского государственного университета, кандидат филологических наук.

ЧАРКОВСКАЯ Ноэми Ивановна – заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин и трудового права Сургутского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

ФИЛИПОВА Наталья Алексеевна – доцент кафедры государственного и муниципального права, доцент по кафедре конституционного права юридического факультета Сургутского государственного университета, кандидат политических наук.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ

Представляя материалы к публикации в журнале «Северный регион: наука, образование, культура», просим руководствоваться следующими требованиями:

1. Объем статьи не должен превышать 10-12 с., сообщения, рецензии – 3-5 с., сообщения для рубрики «Вести из лабораторий» – 1-2 абзаца .

2. Материалы принимаются только в электронной версии.

Шрифт Times New Roman 12, интервал – 1,5, только с расширением .rtf или .doc.

Не следует производить табуляцию, разделять абзацы пустой строкой, использовать макросы, сохранять текст в виде шаблона и с установкой «только для чтения», форматировать текст и расставлять принудительные переносы.

При подготовке иллюстративного материала следует учесть, что рисунки, графики, диаграммы, фотографии должны быть только черно-белыми, без цветных элементов и мелких заливок. Допускается создание таблиц и диаграмм в WinWord и Excel (обязательно приложить исходный файл в формате .xls). Рисунки могут быть выполнены только в форматах .gif .jpg .

3. Построение материалов:

В начале материала – инициалы и фамилия автора (полужирным курсивом), ниже – заглавие без сокращений, прописными буквами. Нумерация ссылок на источники в тексте – сплошная, список источников по порядку (только тех, на которые есть ссылки в тексте) – в конце материала, т.е. в тексте указывается номер источника (например, [2]), в примечаниях указывается страница источника. Постраничные сноски не допускаются.

Библиографическое описание источника включает:

- фамилии и инициалы авторов,
- полное название работы,
- название издания, в котором опубликована работа (для статей),
- город,
- название издательства или издающей организации,
- год издания,
- том (для многотомных изданий),
- номер, выпуск (для периодических изданий),
- страница, на которую производится ссылка.

4. К материалу прилагаются данные об авторе: полное имя и отчество, фамилия, почтовый адрес, электронный адрес, телефон, место работы, должность, ученое звание и степень (если имеются).

5. Рукопись должна быть выверена и датирована. Редакция оставляет за собой право вносить редакторскую правку и отклонять статьи в случае несоответствия требованиям к содержанию и оформлению.

Материалы для публикации, отклики и пожелания, заказы на уже вышедшие номера могут быть присланы по почте (на диске или дискете), либо по электронной почте (e-mail: sev_region@mail.ru, копия – на e-mail: nreg@surgu.ru).

СЕВЕРНЫЙ РЕГИОН:
НАУКА, ОБРАЗОВАНИЕ, КУЛЬТУРА

Научный и культурно-просветительский журнал
№2 (20) / 2009

Главный редактор: В.В. Мархинин
Ответственный редактор: А.А. Хадынская

Корректор: Е.В. Вариясова
Компьютерная верстка: И.Г. Довганюк

Оригинал-макет подготовлен в редакции журнала
«Северный регион: образование, наука, культура»
☎ 8-902-817-05-37

Подписано в печать 25.12.2009 г. Формат 70×100/16 Печать трафаретная
Усл. печ. л. 17,4. Уч.-изд. л. 14. Тираж 200 экз. Заказ № 149.
Отпечатано в полиграфическом отделе издательского центра СурГУ,
ул. Лермонтова, 5, г. Сургут
Тел. (3462) 32-33-06

Сургутский государственный университет ХМАО – Югры,
ул. Ленина, 1, г. Сургут Тюменской обл., 628412
Тел.: (3462) 76-29-00